

pc
C24
KP # 1383210

Kp

10/2006
Clara

«СВЕЧА» № 10/ 2006

*Издается в Вологде как газета с 1993 года, с 1996 при содействии Союза Российских писателей как альманах. Издание зарегистрировано в Тверской РИ, региональный № Т-0219 Редактор-составитель Галина Щекина g_shekina@mail.ru. Телефон 75-24-63 Технический редактор – Любовь Молчанова
Графика на обложке и титуле – Надежда Черкасова*

Творчество молодых

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Марина Анисимова (Вологда) 2
Екатерина Гостева (Вологда-Москва) 7
Дарья Евграфова (Вологда) 13
Наталья Изотова (Вологда) 14
Надежда Козина (Вологда) 23
Виталий Козлов (Шексна, Вологда) 25
Александр Кротов (Кустанай) 28
Мария Манойлова (Вологда) 34
Виктория Мастерчук (Вологда-СПетербург) 36
Дарья Миненкова (Вологда) 43
Иван Мухин (Вологда) 45
Андрей Ополитов (Вологда) 47
Никита Парусник (Вологда-С-Петербург) 50
Александра Рюмина (Вологда) 56
Диана Савкова (Вологда) 62
Вероника Славянцева (Кадуй-Вологда) 64
Мария Суворова (Вологда) 68
Елизавета Чегодаева (Вологда) 74
Сергей Чернявский (Вологда) 75
Ксения Шабанова (Талинн) 81

Стихи

Светлана Васильева (Вологда) 4
Екатерина Гостева (Вологда-Москва) 12
Евгения Малиновская (Вологда) 30
Мария Манойлова (Вологда) 33
Вика Мастерчук (Вологда-С-Петербург) 35
Дарья Миненкова (Вологда) 42
Юрий Пухлов (Вологда) 53
Татьяна Снежина (Вологда) 66
Яна Танкова (Вологда) 71
Елизавета Чегодаева (Вологда) 72
Наталья Чичиланова (Вологда) 78
Владимир Шайдаев (Вологда) 80

Мир театра (восьмой театральный фестиваль «Волшебный мир любви и сказки»)

Н. Изотова (о двух пьесах) 84
Н. Чичиланова 84
М. Анисимова (что запомнилось) 85
К. Хромова (о фестивале, о Г. Ибсене) 85, 87

Точка зрения

Н. Козина – об С. Колчееве, о В. Пелевине 90
Д. Миненкова, М. Суворова о Г. Щекиной 92
Т. Снежина - о Я. Крыжевском 93
О. Кирюшина о Т. Жмайло 94
С. Малышева - о Е. Поповой 95
А. Макогон - о «Непослушной музе», о Т. Бек 97
Ю. Сударева - об А. Черном 97
Е. Тушкова, Е. Дан - о «Свече» 100
Е. Разгонова- о Г. Чухрае, о М. Сопине 103

Встречи

Валерий Архипов (Вологда) 105
Николай Седов (Череповец) 107

Всемирный День Поэзии 117
Об авторах 118

МАРИНА АНИСИМОВА (Вологда)

БЫВАЮТ В ЖИЗНИ ОГОРЧЕНЬЯ (короткие истории)

Пофигистка

Господи! Сколько раз я клялась и обещала себе никогда никого не любить, ни к кому не привязываться, никому не помогать! Это говорил разум и был прав, а сердце стучало и делало наоборот. Я не понимаю, как эти две части живут в одной мне и пытаются мирно сосуществовать. Да, им трудно, но мне ещё труднее – ведь я не знаю, к чему прислушаться. Нет, всё-таки разум прав... Зачем я буду к кому-то привязываться, если всё равно подставят... Я больше никому не буду помогать! Хочу, но не буду... Все чего-то просят, каждому что-то надо, и я, как дура, бросаю свои дела и бегу искать никому не нужные книги, песни, шапки с помпонами... И надеюсь, что мне помогут в ответ, но этого не происходит. Каждый берёт частичку меня и забывает... Забывает меня всю... Забывает надолго: на недели, на годы, навсегда... И вспоминает опять, когда что-то требуется... И я снова бегу помогать... Но больше этого не будет. Сейчас проще всего жить по закону: «Ты никому – тебе никто». А что делать, если ты – всем, а тебе никто? Можно стать пофигисткой.

На самом деле, легче всего стать, а быть или остаться ею довольно трудно, если ты неисправимый романтик и мать Тереза в душе. В принципе попробовать можно. Тебе сразу становятся все параллельны, а им, по закону подлости, есть до тебя дело.

Поначалу испытываешь какую-то необъяснимую, беспричинную лёгкость. Всё безразлично. Есть только ты, и это радует. И не надо ничего: ни любви, ни дружбы, ни преданности. На остальных тоже становится как-то наплевать. Самое большое, что можно сделать для них – это посочувствовать... и всё. И никто не понимает, что с тобой случилось, а ты просто стала как и они сами; в своей жизни стала главной ты, а не они со своими дурацкими вопросами и проблемами. Сидит старушка на скамейке – ключи от дома забыла, ну и пусть себе сидит; прямо навстречу идёт предмет обожания, теперь уже бывший, и весело болтает с какой-то девчонкой – ну и пусть себе идёт и болтает, нужен он мне? И впервые ум и сердце утвердительно говорят: «Не нужен». Он мне параллелен, но теперь я небезразлична ему. Он смотрит в упор, подходит,

просит списать, тетрадь, учебник. А я не таю от его взгляда, а реагирую по старой привычке, и опять понеслось... Вдруг опомнившись, приходится себе напоминать, что ты теперь не мать Тереза, а пофигистка. Это трудно...

И появляется выбор: остаться или вернуться. Я вернулась, но всё ещё ругаю себя за это, и обещаю не быть такой мягкой и чувствительной, но не могу. А, может, всё-таки хорошо, что я не стала ПОФИГИСТКОЙ?.. Может... Я медленно открываю портфель и отдаю ему свою тетрадь.

Не везёт

Да, огорчений в нашей жизни немало. Многие после очередного ЧП впадают в жуткую депрессию. А есть случаи, над которыми можно просто посмеяться, когда уже всё пройдёт.

На информатике у меня не нарисовался кораблик. Какая-то дурацкая линия не выгибалась, а потом компьютер совсем вырубился. Со звоном я, злущая, вылетаю из кабинета, со всего размаха открыв тяжёлую металлическую, околоченную деревом дверь, которая на полной скорости сильно задевает за плечо какого-то одиннадцатиклассника.

- Давай осторожнее, - спокойно говорит парень, на что я начинаю орать.

- Да какого фига ты вообще тут стоишь?! Не видишь, что ли, что дверь открывают?! Совсем от своей физики с ума соходите!

- Чё ты орёшь? – он спокоен.

- Да потому что достали все!

- Кто тебя достал? Что случилось?

- Линия у кораблика не выгибается!

- Какая линия? У какого кораблика?

- Да на инфе рисовали, - успокаиваюсь я.

- Да не грусти, всё нормально, я с тобой.

- Ну-ну, - усмехнулась я и спустилась на первый этаж, где меня чуть не сшиб с ног какой-то мелкий, которого я обматерила, причём очень сильно. Он минут пять ошарашено смотрел на меня и не мог прийти в себя. Мне даже как-то стыдно перед ним стало. Вообще-то, вроде, совсем не ругаюсь. Потом я прибежала в одиннадцатый «Б» и всю перемену им впаривала, что «у меня не выгибается», причём это происходило со слезами и истерикой. Потом Ваня Мухин вспомнил, что у его брата сегодня день рождения, и он не сможет сходить со мной в библиотеку, за что я его чуть не обругала. Потом в порыве злости я высказала своей «любимой» однокласснице всё, что я о ней думаю, доказала, почему сельское хозяйство от рельефа. И полностью я оттянулась на литературе, где в жёсткой форме выразила своё несогласие с выражением «Весь мир – театр, все люди в нём актёры» и к чёртовой матери раскритиковала Шекспира, повергнув всех в ужас. Успокоилась я под вечер, когда мне пытались сбить температуру и поили меня всякими компотами, морсами, сборами. Вот как психовала, а всё началось с кораблика...

Привет от Деда Мороза

С Нового года прошло около месяца, но в углу комнаты всё ещё стояла почти лысая, но украшенная игрушками двухметровая ёлка. Было проблемой вынести её с пятого этажа через подъезд на улицу: она бы осыпалась

окончательно, и соседи бы ругались. Тогда Нельке пришла единственная рациональная на тот момент идея: выкинуть ёлку с балкона, что её отец и поспешил сделать, конечно же забыв посмотреть вниз. И вот представьте состояние полупьяного мужичка, мирно шедшего утром по улице, перед которым вдруг откуда-то сверху с грохотом падает ёлка. Мужик мгновенно трезвеет, смотрит вверх (но Нелька уже смылась с балкона в квартиру), никого не видит, потом вниз, ничего не понимает, обещает себе и всем остальным больше никогда так не пить и в ошарашенном состоянии продолжает свой путь. А Нелька с родителями ухохатывалась в комнате и радовалась, что «новогодний привет от Деда Мороза» не приземлился прохожему на голову.

Пойми меня, или Шкаф - не всегда мебель

Есть у меня знакомый боксёр, зовут Олег. Он широкий, большой и шкафистый, за что и получил соответствующее прозвище. Недавно я очень сильно разозлилась и в разговоре с мамой сказала:

- Достали все! Так и хочется Шкафа побить, - имея в виду Олега, но мать ничего не поняла и выдала гениальнейшую фразу, над которой я до сих пор смеюсь:

- А что тебе шкаф плохого сделал?

- Ничего, просто он большой, места много занимает...

- Я тебе ещё в том году в магазине говорила, что надо двухдверный шкаф покупать, а ты четырёхдверный выбрала, да ещё и с зеркалами!

- Хорошо, хоть без антресольки, - пошутила я.

- Только антресоли не хватало! – всё ещё возмущалась мать.

- Мам, я не про мебель, - засмеялась я.

- А про что? – не поняла она.

- Шкаф – это Олег.

- Тебя не поймёшь! Шкаф, Шкаф! Со словарём приходи!

- Ну-ну... четырёхдверный с зеркалами... Надо будет ему сказать.

Каждый друг Дашки желает знать, где лежит...

Моя «любимая» подружка Дашка потеряла решебник по геометрии, то есть ГДЗ. Искали долго, но бесполезно, поэтому на протяжении всего месяца мне приходилось диктовать ей по телефону решения задач. Мне это так надоело, что появилась мечта: прийти и найти у неё дома эти несчастные ГДЗ. Но друг её брата опередил меня. Юра пришёл к ним, чтобы «закачать» фильмы в компьютер. Когда он разобрал системный блок, все были в ужасе: там лежал Дашкин решебник. Никто, в том числе и она, не знает, как он там оказался и что там делал.

Шутка

Живёт у нас в подъезде на первом этаже вредная-превредная бабка. Все дни она проводит у кухонного окна и покидает свой «пост» только тогда, когда очень захочет есть. Однажды мы с братом смотрели передачу, где показывали дома, на которых висят портреты Владимира Ильича Ленина

- Слушай! У меня у деда в гараже тоже где-то портрет Ильича валялся! – полный радости вспомнил мой «любимый» родственник.

- И ты предлагаешь... - начала я, но он, как всегда, перебил:

- Я предлагаю как-нибудь утром поставить «нашего вождя» к старухе на подоконник лицом вовнутрь.

- Ты чё, издеваешься? – засмеялась я. –

- Её ж инфаркт хватит.

- Не хватит, - отмахнулся брат.

- А как мы её реакцию узнаем?

- У её внука спросим.

- Ладно, давай, - согласилась я.

Мы сделали всё, как и договаривались. Далее рассказано со слов её внука. Просыпается бабка утром, подходит к своему любимому окошку, отдёргивает штору и видит перед собой портрет улыбающегося Ленина. У неё истерика, шок. Спросонья она даже не сразу поняла, что это всего лишь портрет. А внук долго смеялся. Мы с братом тоже хохотали, когда узнали это. Зато злобредная ссередка больше никому не докучает.

Юный модельер

Я тогда была классе во втором. Учились мы во вторую смену, и я как всегда опаздывала. Дома никого не было, а мне срочно потребовалась ткань на труды. Я открыла ящик шкафа, где были сложены какие-то тряпки и, недолго думая, отрезала большой кусок от лежавшего сверху полосатого полотна, которое я даже не догадалась развернуть. Недели через две мама шокировала нас вопросом: «Кто разрезал мою новую юбку?!» Естественно, я ничего не поняла и пришла в ужас, когда увидела ту «полосатую тряпку», которая до недавнего времени была маминной новой юбкой и частью моего несостоявшегося новогоднего костюма цыганки. Юдашкин бы сошёл с ума, увидев моё «творение»: от низа длинной юбки и до самого пояса «красовалась» широкая дыра, вырезанная уступами. Самым интересным было то, что меня совсем не ругали.

Найди десять отличий, или Запомни себя

Лето. Саратов. Жара, +32 в тени, на солнце было градусов на семь больше. Нормальные люди в такую погоду сидят дома или ходят на пляж, но река почти не спасает, а мы с папой выбрались из посёлка погулять по городу. Я не рассчитывала, что это будет долго, поэтому впервые надела свои новые туфли на очень высокой шпильке. В итоге, мы шесть часов бродили по жаре по Саратову. Я думала, что у меня ноги отвалятся прямо на ходу. Наконец, мы поехали на автобусе домой. В нём было так же жарко и душно, как и на улице, и толкались люди, а я еще после этой «прогулки» как-то умудрилась простоять полчаса на каблуках. Мой измученный взгляд останавливается на зеркале у водительского места. Пошевелиться не удаётся, поэтому только в него можно рассматривать пассажиров. Вдруг я замечаю девушку в белой кофточке, симпатичную и очень спокойную, её взгляд, ровный и безмятежный. «Ну вот, - думаю я, глядя на неё в зеркало, - счастливая она, симпатичная, наверное, парень у неё есть, везёт же людям...» Через стекло солнце привлекало ещё сильнее, пришлось закрыть глаза. Когда я вновь посмотрела в зеркало, то чуть не

упала со смеху, потому что симпатичной девушкой в светлой кофточке была я. Надо же так нагуляться по жаре, чтобы к вечеру себя не узнать.

С ветерком

Зима. Посёлок. Тётя Таня опаздывает на работу, а ей ещё нужно было покормить куриц. Она выбежала на крыльцо с ведром зерна, надела первую попавшуюся обувь, а ей, к сожалению, оказались галоши, и рассчитывала очень быстро добежать до курятника, но поскользнулась, сделав два шага, спускаясь со ступенек, упала на живот и в такой позе, везя перед собой ведро, проехала десять метров и остановилась прямо у дверей птичника, оставив после себя широкую полосу, усыпанную зерном, и разбросанные галоши. На работу она вообще не пришла.

Вильгельм Телль

Однажды с братом мы собирали для гусей опавшие, мягкие, полусгнившие абрикосы и случайно поспорили.

- Ща я в тебя абрикосом кину! – пригрозил брат.

- Не кинешь! – ехидно ответила я.

- Кину!

- Кидай! – выпалила я и не ожидала ничего, но он запустил мне прямо в лоб абрикосом, а сам побежал в дом. Со злости я выбрала самый тухлый плод, бросилась за братом и с размаха кинула в него вышеупомянутым фруктом с надеждой, что не промахнусь, но он успел закрыть дверь в комнату, и эта тухлятина размазалась по недавно оклеенной тётей стене. Отец, в которого я чуть не попала, долго меня отчитывал, а потом выдал не подлежащий публикации набор слов, примерно значивший, что я неудавшийся Вильгельм Телль. Хорошо, что моё «меткое попадание» не видела тётя, а то мне и вправду пришлось бы записаться на курсы молодого стрелка.

Не подплывай – покалечит!

Моя подружка Дашка!.. Опять с ней приключилась забавная история! Про неё можно кино снимать «Кто смешнее, или А вам слабо?». Она пошла в бассейн. Покалечиться там можно, если на кафеле поскользнёшься, но получить перелом или вывих в воде достаточно сложно... но у Дашки всё возможно. В бассейне полно народа. Кто прыгает с вышки, кто плавает, кто играет. Так вот, моя подружка недавно научилась плавать кролем и с гордо погружённой в воду головой плывёт по первой дорожке, почти доплыла до тумбочки, с которой на неё сверху с разбега прыгнул какой-то парень. Сразу представляется жуткая картина, что у Даши что-нибудь сломано, но всё совсем наоборот: у неё всё в порядке, только небольшой синяк на спине, а несчастному парню она чуть не сломала челюсть, когда плыла и подняла руку из воды. Она долго радовалась, что не выбила ему зубы, он, наверное, тоже. Но в целях всеобщей безопасности в бассейн Дашка больше не ходила.

С Днём Рождения, папочка!..

Конец марта. Завтра у папы день рождения. Мама позвонила с работы и отправила меня в

магазин за тортом. В мои планы на день это не входило, поэтому я, поругавшись немного, всё-таки отправилась в путь, «радуясь» весенней слякоти и грязи. В магазине, простояв огромную очередь, мне даже удалось купить торт «Анастасия», красивый такой, бисквитный с кремом: всякие там шишечки, цветочки. В общем, весёленький. Домой пешком по лужам идти неохота, а тут как раз к остановке приближался автобус, ну, я решила подбежать, но обломалась... Видимо, не выдержав постоянного и сильного раскачивания лента на коробке развязалась, и торт упал в лужу кремом вниз. И вот представьте картину: посреди улицы перед лужей стоит девушка и не знает, что делать с лежащим в ней бисквитом. Мимо проходит старушка и сочувственно так говорит: «Ой, миленькая!». Дальше, весело болтая, идут две подружки. Поравнявшись со мной и посмотрев на объект всеобщего внимания, одна говорит другой: «Ну вот, ты меня перебила!». Хотя бы кто-нибудь сказал, чё делать! От «избытка фантазии» я сложила почти не развалившийся торт обратно в коробку и понесла его в магазин. Минут через десять его всё-таки обменяли на другой – «Я тебя люблю», тоже красивый такой, бисквитный с розочками, даже разницу в шесть рублей вернули. Домой я добралась всё же на автобусе (ехать одну остановку). Оставив коробку с тортом на тумбочке в прихожей, я ушла в комнату звонить маме. Каково же было моё огорчение, когда, вернувшись, я увидела своего кота, сидящего сверху на коробке. Потом мне пришлось долго объяснять родителям, куда делись розочки.

2 апреля 2005 года

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВА

ВЯЗЬЮ СЛОВ ПЕРЕПЛЕТАЮ

Я открою настежь окна -
Пусть ворвется белый ветер
И запутается в шторах,
И оставит только шорох,
Ворох снега на фиалках,
И растает. Только верю -
Ветер мне твое дыханье
Принесет и на рассвете
Я почувствую губами
Губ твоих прикосновенье -

А в прихожей хлопнут двери...
 Никого. Лишь пряный запах
 Слов твоих, следов и тела -
 Чуть примято одеяло,
 На подушке - темный волос,
 Переносица в веснушках,
 И спрошу я тихо: «Где ты?»
 А в ответ мне - только ветер...

Параллельноименные блики
 на каменных стенах -
 Вот мой первый приют
 и последнее брачное ложе,
 И плечами я чувствую
 камень и иней на камне
 И иголки снежинок когтями
 впиваются в кожу.
 Я срослась со стеной,
 этот иней пустил во мне корни,
 Здесь, в моей недвижимой,
 сразу остывшей крови -
 И я жить разучилась.
 Еще б это знать разучиться -
 Я стою, не касаясь
 босыми ногами земли.
 Я хочу сбросить жизнь к тем стопам,
 что ступали, ступали по небу -
 Взмах руки - и взлететь, оборвав
 перетертую нить,
 Я хочу умереть - но на смерть
 я утратила право,
 Как утратила право на то,
 чтобы просто любить.
 И стою я теперь - пухлый снег
 укрывает мне плечи,
 Серый мох по рукам - и, быть может,
 мне было б теплей,
 Если б мерзнуть успела,
 роняя гранитные слезы
 На своем пьедестале
 Среди обнаженных аллей.

Ни слова о любви! Я ненавижу март,
 Когда вдруг исчезают снегири,
 Когда все мысли, как колода карт,
 Раскиданы. Ни слова о любви!

Молчи. Ты знаешь - я дала обет
 Не говорить с развязною знакомкой,
 Смеющейся так радостно и звонко,
 На бровь надвинув вязаный берет.

Как тяжело, весна, твое явленье -
 Маразм высокий, романтический бред,
 И авитаминоз, и пробужденье -
 Коты дают под окнами концерт...

Откликнись, друг! Откликнись, милый скептик!
 Откликнись, брат, откликнись реалист!
 Молчание... Лишь пенёк птиц на ветке,
 Березка развернула нежный лист...

Уже гонимый вешними лучами,
 Сочится отовсюду легкий смог,
 Тот, где глаза сравнимы со свечами,
 Рассудок - раб, а чувство - царь и бог...

Подруга, распластавшись по дивану,
 Озвучивает счет своих побед;
 Другая погружается в нирвану,
 Ворчит на предпоследний мокрый снег.

Как поэтично - таянье сугробов,
 И неумытое нахмуренное небо,
 И хлюпь по необъезженным дорогам,
 Хотя зимою мало было снега...

А тут кипят возвышенные штормы -
 Коты и люди, даже воробьи!..
 Ни слова о весне - уж слишком больно -
 Ни слова о любви

Я сегодня опять целый день
 пробродила одна,
 Я сегодня опять
 задремала под тенью ольхи,
 Потаенными тропами
 шла от зари до темна,
 Я еще не вернулась -
 мне в путь от темна до зари.
 Я по вереску шла
 босиком, по дурманной траве,
 Пьяный воздух вдыхала,
 вдыхала до боли в висках,
 Обрывала багульник,
 брела по колено во мхе,
 Три полынных травы
 Я домой принесла в волосах.
 А еще я видала,
 как из-за прогнившего пня
 Сквозь окно, позаросшее
 было болотной травой,
 Молча в небо глядела
 скорбящая вечно земля
 Из укрытой трясины,
 заполненной темной водой...
 Кто посмел бы нарушить
 ее первозданный покой -
 Предосенней земли,
 только начавшей было сесть?
 Она многих пленила
 своей неземной красотой -
 Только знаешь, мне было
 так больно в глаза ей смотреть...
 Кто осмелится спорить,
 что ключ меж сосновых корней
 Был ключом если не
 неот рая - то хоть бы от неба?..
 Только что-то горело
 во мне - с каждым днем горячей и сильнее,
 Только сердце металось,
 как будто от быстрого бега.
 Стану дымом костров,
 стану серой летучей золой -
 Пусть мой пепел развеют
 далеко восточные ветры.

Улететь бы мне прочь –
да упасть бы мне рядом с тобой -
Уж прости меня, солнце,
мешают мне лишь километры...
Я сегодня опять
целый день пробродила одна,
Горький вереск расцвел,
а багульник с полынью увяли...
Просто здесь тебя нет.
А раз так, то здесь нет и меня.
Я сегодня опять...
Только завтра так будет едва ли.

Вязью слов переплетаю
Голубые жилки пальцев,
Пальцы воздух чертят - знаки
Оседают на песок,
Как следы от строчек к строфам,
Как пути от слога к слову,
А из слов плетутся сети
Для улыбок, взглядов, жестов,
Жестью сверху, слева, справа,
Снизу - а внутри живое
О решётчатые рифмы
Сердце бьётся, бьётся - слышишь?

Питерские дневники

Спешу к тебе. Ну что ж - встречай.
Я улыбнусь - не замечай,
Меня по следу изучай,
Коль интересно. Не скучай
Ночами светлыми июля;
Сев на пол рядом с венским стулом,
На все вопросы отвечай
улыбчивым глубоким взглядом -
Так только ты умеешь. Рядом
Я опущусь на пол скрипучий,
Спиной к спине прижмусь мельком,
И время станет так тягуче,
Но каждый миг - такой горячий! -
И лампочка под потолком,
Качаясь, лопнет от накала!
Всё будет так, как я сказала!
Всё будет так, как ты сказал...
Всё будет так, а не иначе;
И чай с лимоном, чай горячий
Колено в джинсе обжигал,
Когда... Но ты не замечай!
Впредь буду пить холодный чай,
Проснутая чайки. Я повешу
Цветной на лампу абажур,
Всё будет супер, всё ажур,
Мажор... Ты не смотри, что плачу –
Всё будет так, а не иначе...
Всё будет так. И стул из Вены,
Одно окно, один патрон
Для лампочки, и эти стены,
И две большие перемены,
Две маленькие - но потом,
И пол. И мы, спина к спине
Сидим у стула, как два психа -
Молчим, и слушаем, как тихо

Два сердца бьются в темноте.

Поезд, утро, где я? Помню,
Чай, горячий, занавеска,
Проводница, сумка, тамбур,
Лестница, колено, больно,
Свист, толпа, гудки, машина,
Шашечки на жёлтом фоне,
Тряска, пробка, тряска, выход,
Сколько - сколько?! Ладно, понял...

Невский, столик, кофе, горько,
Невский, жарко, люди, много,
Быстро, холодно, не смотрят...
Сам такой! Споткнулась - клёво,
О, каблук! Асфальт, шершавый,
Тёплый...Странно... Странно... Чистый...
Невский - воздух - Невский - небо -
Вечер - Невский - полночь - Невский -
Тихо. Ночь на парапете.
Стрелка. Волны. Камни. Мокро.
Ветер. Волны. Пальцы. Волны.
Плечи. Капли. Небо. Звёзды.
Шпили. Грани. Силуэты.
Дрёма. Тихо. Стук. Подземка,
Тихо... Холодно. Не страшно.
Грустно. Карточка. Билеты.
Дата - завтра. Время- восемь.
Навсегда. Монетка. Счастье.
Зря, наверно. Но... Монетка...
Вдруг?.. Смешно. На возвращенье -
Суеверье. Чушь! Но... Может...
Может?.. Волны - всплеск. Вот дура...
Сплю. Когда приходит "завтра"?
Каждый день - всегда "сегодня"...
Завтра - утро. Завтра - поезд...

ЗВЕРЬ (миниатюра)

Холодно. Темно. Все уже ушли - одна я
осталась здесь, на бревне, на краю большого
полусгоревшего леса. Его не видно, но я знаю - он
там. Жаль, нет часов. Никого нет. Только мы. Я и
Зверь. Я дрожу от холода, Зверь дремлет у моих
ног. Я слышу, как шумно он вздыхает и как трещит
ветка, которую он, забавляясь, грызет. Я
протягиваю руки из темноты и вижу кончики
пальцев, затем - ладони... Я осторожно касаюсь
гладкого меха и отдергиваю руку. Зверь выгибает
спину и льнет к моим ногам. Я сажусь рядом, и по
телу разливается теплая волна - будто залпом
выпила стакан водки. Мне уже не страшно - воют
бродячие собаки, но они боятся Зверя. Он
ласкается ко мне, согревая горячим дыханием
колени. Я хочу спать - но мне нельзя: это Зверь, а
Зверю доверять нельзя... А он все жмет ко мне,
как большой котенок. Я снова касаюсь его. Просто
он голоден. Только поэтому он позволяет мне
такие вольности. Но у меня больше ничего нет... Я
вижу, как переливаются его глаза. Он ложится на
землю. Затихает. Я опускаюсь рядом и пытаюсь
заглянуть в них... Он впивается в меня
обжигающим взглядом, опалаящим брови,
заставляющим отпрянуть... Но я терплю. Сколько
же ненависти в этих оранжево-черных глазах! Они
гипнотизируют, тянут, влекут ближе... Мы с тобой
одной крови! Он разевает горячую зубастую пасть
- и я отворачиваюсь, закрывая лицо рукой. Я на
минуту ослепла - глаза болят и слезятся...

Когда я обернулась, он тихо лежал и не двигался. Он был беспомощен. Только его шерсть вспыхивала еще порой яркими пятнами. И - тишина. Никого. Ничего. Только мы. Я и Зверь. Я поднимаюсь и, не оглядываясь, иду туда, где меня никто не ждет. Ни огонька - все спят. Я срываю пучок травы и прикладываю к саднящему лицу. Я знаю - завтра, когда я снова приду сюда, от Зверя останется лишь горсть углей, да обгоревшая ветка, покрытая холодной золой. А подует ветер - и это исчезнет. Я иду по светлеющей дороге. Я слушаю. Где-то во мне стонет умирающий Зверь.

ЕКАТЕРИНА ГОСТЕВА

ДЕВОЧКА

Глава 1: Начало

В десятом часу, когда медовые тучи солнца втекают в окно сквозь щели в занавесках и разливаются по одеялу, холодный ветер уже трепал ее волосы на заснеженной улице. Девочка зашла в магазин купить себе что-нибудь к завтраку, и ветер со свистом влетел вслед за ней, сорвав с чьей-то шеи шарф. Девочка взяла с полки большое красное яблоко. Оно было настолько большое и глянцевое, что девочка могла видеть в нем свое отражение. Она улыбалась, разглядывая в яблоке себя, а ветер с шумом и свистом носился за ее спиной между витрин и брэнчал банками и бутылками. Она обернулась, чтоб посмотреть, что там звенит, и увидела мужчину. Мужчина стоял и выбирал кочан капусты. «Ох, какой он высокий! – подумала девочка. Ветер подлетел к мужчине, посмотрел на него и пронесся над самой его головой. «И волосы у него черные, как у меня! – удивилась девочка, – их так же треплет ветер!» Мужчина пошел к другому прилавку. Девочка пошла за ним и погляделась мимоходом в зеркальную витрину. «Ах, какие у меня глаза! Большие и блестящие, совсем как у него... Но у него такие широкие плечи и такие большие сильные руки! Он, наверное, одной рукой может раздавить даже это яблоко. И он совсем взрослый... А вот интересно...» - она снова посмотрела на свое отражение в глянцевой

шкурке и спрятала покупку в сумку. «Я очень красива, – подумала она, - а он еще красивее!»

Мужчина тем временем купил кочан капусты и пошел с ним на улицу. У него была красивая неторопливая походка, и девочка любовалась его широкой спиной. «Кой черт я за ним иду? – удивилась она, улыбаясь, и стеклянное небо окутывало улицу тяжелыми струями зимнего солнца. Она прошла вслед за ним мимо своего дома, свернула в чужой переулок, потом в незнакомый двор. Но мужчина не замечал её, он был занят своими мыслями и смотрел под ноги. Девочка видела, как он исчез за дверью дома, повернулась и пошла по маленькой тихой улице назад.

Глава 2: Продолжение

«Я люблю его, – подумала девочка. Она сидела у окна, за которым гулко капало с крыши, чирикали воробьи, по столу, как слепой котенок, ползал солнечный луч, где-то далеко-далеко смутным эхом отдавался голос лектора, а в голове девочки мысли странно клубились и принимали то совсем розовый, то голубой цвет. Ей казалось, что она не сидит у окна, а несется по длинной серой дороге на рыжем коне, вздымая клубы пыли, под синим прозрачным небом, а по обеим сторонам дороги тянется до горизонта зеленый луг и ничего нигде нет, только бесконечный зеленый луг, и можно раскинуть руки и запрокинуть голову, вдыхать холодный, как ключевая струя, воздух, потряхнуть черными блестящими кудрями!.. И во всем есть смысл, и в бесконечной дороге, и в этой скачке, и в глянцевом голубом небе... Девочка царапнула ногтем старую столешницу, маленький золотой лучик лизнул ей руку. «Жаль, что я тогда не догнала его, - подумала она исподтишка, делая вид, что парит в розовых эмпиреях, - это было бы весьма глупо, однако ужасно хочется узнать... а вдруг теперь я больше никогда его не встречу?! Поразительно: глаза зеленоватые... надо было догнать: можно было рассмотреть, есть там желтый ободок или все-таки нет...»

Глава 3: Апрель

Упал на землю апрель, и весна спустилась на нее, снизошла до нее и наполнила мир серыми уютными сумерками. Девочка, одевшись в черное пальто и клетчатый шарф, выходила вечерами на прохладные апрельские улицы. Она проходила по аллее, делала круг по парку и снова возвращалась на бульвар. Так ходила она каждый день, делая много кругов, часто глядя на часы и осматриваясь вокруг. Серый воздух звенел и колыбался, загорались фонари, люди исчезали с улиц, тогда девочка пряталась за угол маленькой остановки и ждала. А над ней, затаившись и не дыша, парил ветер. Стрелки ползли, небо темнело, и вот девочка уже перестала смотреть на часы, она вглядывается в серые сумерки бульвара, она боится пропустить.

Вот, на аллее наконец появился мужчина, она сразу его узнала. Он идет с работы, усталый, задумчивый. Сегодня был трудный день, и он очень рассеян. Девочка отступила в тень стены, чтобы он ее не заметил. Когда мужчина миновал ее, девочка торопливо вышла из-за угла и пошла за ним. На улице все затихло, ни звука, только апрельский ветер, забравшись в листву, о чем-то

неразборчиво перешептывается с деревьями. «Остановись, оглянись! - шепчет девочка. - Я здесь, у тебя за спиной, неужели ты не слышишь?» Но ее шепот слышит только ветер. Мужчина идет медленно, он думает. Вдруг к его мыслям примешался какой-то посторонний звук, и он, отчетливо услышав в тишине ночной аллеи стук каблуков, обернулся.

Было темно, оттого он не мог рассмотреть, кто шел вслед за ним. Девочка замерла под пристальным взглядом мужчины. «Здравствуйте» - сказала она. «Здравствуйте» - прозвучал тихий голос из серой апрельской дымки. «Здравствуй!» - вздохнул взволнованно ветер и от смущения понесся сломя голову, осыпав листвою головы девочки и мужчины. Старые ивы и вязы возроптали и зашумели, хрустальный мир сумерек качнулся и расцвел голубым прозрачным цветком, замигали фонари и понеслись желтым хороводом перед глазами девочки. Ветер шаркнул животом по серому асфальту и пробежался холодком по её влажной щеке.

Девочка вылетела из дымных сумерек, скользнула, едва не задев плечо мужчины, и быстро зашагала по улице. Мелькнул белый край клетчатого шарфа, в глубине улицы затих стук шагов. В темноте, вздымая столбы пыли, свистел апрельский ветер.

Глава 4: И меньше пафоса

"How I wish, how I wish you were here".

Стало так тепло, так солнечно, что можно было хлебать солнце ложками. Утром воздух сквозил в форточку какой-то розовый и щемящий. Она шла по шумящему птичьими и человеческими голосами бульвару, гремели машины, скрипели двери открывающихся магазинов. Медленно, как майский воздух, клубились в голове мысли. «Отчего мне так одиноко?... Сегодня выходной. Ужасно! Как я могла раньше любить выходные? Я так любила их, когда училась в школе. И каникулы тоже. Как глупо любить дни, когда чувствуешь такое одиночество... И как я раньше этого не замечала?... Может, если я этого не замечала, то этого и не было? Что я раньше делала в выходные? Не помню... Наверно, ничего не делала, как и сегодня. Тогда, раз я не чувствовала одиночества, значит я была с кем-то. С кем?... С мамой? Да, с мамой хорошо, можно пить чай с пирогом и читать вслух мифы Древней Греции, смотреть старое кино с музыкой Глена Миллера... Как хорошо! Надо вернуться домой, и все станет хорошо!» Девочка остановилась и посмотрела в ту сторону, где из-за высоких тополей виднелась плоская крыша ее дома. «От пирогов толстеют. - Подумала она неожиданно. - И что за дурацкая манера заедать скуку и любой душевный разлад пирогами?! Легко же вылечить тебя! Что за толк в дурацких книгах и фильмах? Пустая, болезненная трата жизни на любованье чужими выдуманнами радостями и горестями! Ты собираешься остаток жизни провести с мамой за пирогами и книгами?» И вдруг ей вдруг ужасно, до слёз стало жаль и этот дом, и старые тополя, и пироги, и мифы Древней Греции, и маму. Дом, в котором она прожила 18 лет, двор, в котором играла в прятки и ловила дырявым сачком бабочек, такая толстая, неуклюжая, уморительная, похожая не то на медвежонка, не то на игрушечного пупса. И мама, которая любила ее все эти 18 лет такой толстой и смешной, рисовала ей открытки ко дню Святого

Валентина, учила забавным песенкам на английском языке.

- Мама, ты говоришь, вы с отцом что?..

- ...не сошлись характерами.

- Аа... понятно.

«На самом деле ничего не понятно... на мой скромный взгляд, можно было пожертвовать характерами, чтобы раз в неделю водить меня на карусели и покупать мне мороженое... или хотя фотографию оставить, чтобы я не строила догадок, почему у всех в семье до пятого колена волосы рыжие, а у меня черные».

Не хочется идти домой. Ветер уныло плелся по улице, изнемогая от тяжести горячего воздуха.

«Куда же пойти? - спросила себя девочка. - По делам... Выходной. Выходной! Нет никаких дел! - она оглянулась по сторонам. Навстречу ей и из-за её спины шли люди. Одни шли быстро и деловито, другие щербача прогуливались. Шли парами, и поодиночке, и большими шумящими компаниями, и семьями, с детишками в колясках и на маленьких трехколесных велосипедах. «Куда они все идут? Зачем? Какого черта люди делают в выходные?! - девочка чуть не плакала. - Надо написать письмо Кате! Она, наверное, еще не успела прислать мне: мы ведь только что расстались... Да не беда: напишу ей первая». Конечно, надо немедленно ей написать! Как она не вспомнила сразу о друге, о вечном спасении, о любимой жилетке, с которой никогда не почувствуешь себя одиноко! «Однако... Что ж я напишу?» И правда, что написать? «Я напишу, как мне одиноко. Как мне не к кому пойти. Как странно я вдруг вспомнила про мифы и про пироги...» Девочка подумала еще минуту, сочиняя слова, которыми опишет всё, длинно, цветисто: «Господи, что мне делать?!... Да, так я начну». «Что делать, что делать? Ну, иди в шашки поиграй! Откуда она знает, что тебе делать?! Она не «Господи»... И сама без конца жалуется на своё одиночество. Не говоря уже о том, что всё это она слышала вчера и неоднократно до этого. В ответ она разразится потоком таких же жалоб, бедняжка... Что толку ей от твоего нытья? Какой вообще от тебя толк? Какой толк от этих писем, которыми ты убиваешь время? От твоей жизни?!»

Девочка шаркала ногами по асфальту, наблюдая, как поднимается пыль. «М-да... «А зачем ты, душа, во гордыне жила?» Что ж тебе нужно? Какой ещё смысл? Что ты хочешь? Ну, сделай, сделай то, что хочешь, если считаешь, что в этом есть смысл». Она перешла дорогу, свернула в маленький переулок и остановилась в пустом тихом дворе. Вот тот самый дом. Девочка опустилась на холодные ступени крыльца.

«Это его дом. А что, если он сейчас выйдет и увидит меня? А что странного в том, что я тут сижу? А что, если он увидит меня и скажет: не сидите, девушка, на бетоне - вредно, простудитесь...» Девочка улыбнулась. Солнце слепило, надвигался жаркий день. «Значит, хорошо, если он меня пожалеет? Тогда уж лучше, если я вся буду в горьких слезах. А он выйдет, увидит меня и спросит, что случилось. Скажу я, что люблю его или нет? Сказать или не сказать? А еще обязательно спрошу его... А голос у него какой!!!! - прости господи!..»

Стемнело. Девочка ушла домой и там, прильнув к черному оконному стеклу, смотрела, как Ветер бранится с чахлой сиренью. И ей вспомнилось: «Здравствуйте, - тихий голос в сумерках. - Здравствуй! - шепот Ветра над самым

ухом. Дрожь пробежала по мутному сухому воздуху комнаты, и слова качнулись в нём, сорвались и полетели через открытое окно в чёрное ночное небо.

- Мама! Мамааааа!!! Какой у меня голос?
- В каком смысле?
- Ну, какой? Опиши!
- Не знаю... обычный...
- Ну, глубокий?
- Может быть...
- Низкий?!
- Да, пожалуй...
- Такой переливчатый?! Да! Все сходится!

Глава 5: Ночь

Девочка стояла у окна, держась одной рукой за край занавески. Где-то играла музыка, смеялись. У соседей из дома напротив была вечеринка, в окне их квартиры, распахнутом настежь, виднелась фигура стоящей спиной женщины с длинными волосами, ее лимонно-желтый халат и рука обнимавшего её мужчины. «Как тяжело лечь спать, когда за окном светло и тепло как днём. – Девочка сжала край шторы, - и, главное, доподлинно известно, что это продлится не больше трёх недель, а потом снова темнота». Девочка посмотрела на белесое предзакатное небо, где у самого горизонта маячила бегущая по зеленому холму железная дорога и, гулко стучал колёсами ночной поезд. «Всё-таки жизнь рядом с железной дорогой накладывает свой отпечаток, - подумала девочка, - всё время что-то стучит... едет, едет, едет... – она дёрнула тяжелую желтую штору, и сероватый сумрак надвинулся на её низкую спальню. – Нет сил закрыть окно». Она отпустила край занавески и отступила в глубину комнаты. Вязкая темнота сгустилась над кроватью в клубящийся полог. Девочка потянула руку к выключателю, но тут же её отдернула и снова отошла к окну. С некоторых пор её стал раздражать электрический свет. «В такую ночь зажигать лампу – кощунство, - она вслушалась в звенящую тишину двора. Музыка и смех время от времени всплывали в трепещущем сером воздухе далёким эхом. Девочка долго смотрела сквозь стекло, положив на него обе ладони, как медленно шевелятся листья сирени, потом дёрнула створку, окно с деревянным хрустом распахнулось и в комнату хлынул прохладной волной влажный ночной воздух. Девочка глубоко вдохнула, встала коленями на подоконник и протянула руку. На улице показалась компания из четырёх человек: два парня и две девушки. Они прошли, о чём-то тихо переговариваясь, словно боясь нарушить ночную тишину и шум шагов затих за поворотом. Где-то снова заиграла лёгкая танцевальная музыка. Девочка прислушалась к звуку замирающих в тишине шагов. Села на подоконник и спустила вниз ноги.

- Нечего, нечего!
- Что?
- Джульетту строить.
- А что такое?!

- Да тупо... а так ничего. Ходишь в шарфике своем, каблукками стучишь, глазами хлопаешь... пошло, старо...

- Тебе, Катя, вредно много разговаривать: ты забываешься, лечить всех начинаешь... Как же мне не хлопать глазами, если даже у тебя волосы рыжие, а у меня вон какие!

- Ну, и что? Подумаешь, не похожа на родственников...

- Да бог с ними, с родственниками!!!

- Так что тогда?!

- Да ведь я вообще ни на кого не похожа!

Влажные тенистые кусты сирени перешептывались, и по всей длине улицы звучал едва слышный бесконечный вздох. Девочка свернула на пустынную аллею. Никого нет, никто не видит и не слышит, - девочка поглядела в засыпающее небо. Её ноги ступили с запыленной дорожки на гладкий чёрный асфальт. Девочка подняла глаза и увидела широкую улицу. Ни одного автомобиля не было на все четыре полосы, а вдалеке виднелось гигантское подножье железнодорожного моста – эстокады. Девочка вышла на середину дороги и пошла к мутно серевшему в белой дымке огромному бугру. Она шагнула в молочный клубящийся поток и оказалась на вершине моста. Туман. Девочка облокотилась на перила и взглянула вниз. Там тихо покачивались редкие тонкие березы, и по гладкому зеленому ковру с беспокойным глухим стуком выползал из-под моста поезд. Был первый час ночи. Девочка оглянулась. Вдали виднелся острый шпиль колокольни.

Глава 6: Гроза

Колокольня тихо ждала своего часа, упершись маковкой в мутнеющее небо. У её основания толпились громко переговаривающиеся люди.

Девочка и Катя сидели поодаль на траве и смотрели, как свежий вечерний ветер заставлял людей кутаться в тёплые свитера поверх лёгкой одежды. Мужчины снимали куртки и набрасывали их на плечи своих спутники.

- Будет дождь, - сказала Катя, взглянув на темнеющий горизонт.

Девочка застегнула под горлом черную куртку. В небе низко и беспокойно кружили ласточки. Они встали и спустились к подножью колокольни. Ветер поднялся еще сильнее, мощные порывы вздымали с камней, которыми была вымощена площадь, клубы пыли и закручивал их в воронки. Люди смотрели на небо, застегивали куртки и разбредались по площади в текущие к ней переулки.

Шум деревьев в роще заглушил щебет человеческих голосов, по глади потемневшей реки побежали барашки и маленький катер, стоящий у пристани, закачался и запрыгал на волнах. Гул близкой грозы усиливался, и вдруг высоко над головой девочки качнулись, заскрипели и зазвонили колокола. Ажурный перезвон перекрыл шум надвигающейся бури. «Раз, два, три, четыре... – колокола били время, - пять, шесть, семь, восемь, девять... Здравствуйте!» Что?!

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, - ответила девочка и спрятала руки в карманы.

Мужчина улыбнулся, раскрыл чёрный зонт и повернул за угол.

«...а если ты уходил к другой или просто был неизвестно где, мне было довольно того, что твой плащ висел на гвозде... – пропела девочка и стерла со щеки дождевую каплю. – Дождь».

Девочка посмотрела в высокое небо. Там, над самой её головой висела большая серая туча и из нее, как дротики, неслись на землю серые брызги. Высоко, на фоне серо-голубого месива блестел

купол собора, вокруг золотого креста с криком кружили ласточки.

Капли ожесточенно колотили по листьям. Черная необъятная туча всколыхнулась, раздался щемящий отдалённый гул, и мощный, словно рухнули стены собора, ударил раскат грома.

- Бежим! – сказала Катя и потянула девочку за руку.

Они бежали через площадь, промокнув насквозь, не пытаясь никак защититься от дождевых стрел. Ноги в легких летних туфлях попадали в частые лужи и несущиеся по камням ручьи. За углом старого зеленого дома площадь выливалась в узкий кривой переулок.

- Стой! – девочка остановилась под узким карнизом, где из ржавой водосточной трубы с гулом вырывалась серая дождевая вода. – Я сейчас расскажу тебе.

Катя посмотрела на свои проможенные туфли.

- Пойдем домой, гроза, – сказала она. - Дождь будет всю ночь, до утра.

- Пойдём, - ответила девочка.

- Нет уж, говори, – сказала Катя, - здесь говори.

Девочка провела рукой по влажному лбу, чтобы убрать мокрые спутавшиеся волосы. По всему лицу её широкими струями, как по мостовой, стекала вода.

- Пойдём, пойдем домой, - вдруг застонала она, - пойдем скорее, а то я уже ничего не расскажу.

И Катя снова взяла её мокрой ладошкой за руку и потянула за собой бегом по узкому переулку. В конце улочки они остановились. Катя сняла с ног туфли и стала выливать из них воду. Девочка посмотрела назад, туда, где по каменному горбу площади стекали реки, как при начале великого потопа. Там в глубине, за серой стеной ливня виднелись белые стены собора.

«Что ей от меня надо? – подумал мужчина, шедший под большим черным зонтом, стараясь не вставать в пузыристые лужи. - Влюбилась. Смотрит так, словно на шее готова повиснуть. Такую обидеть все равно, что ребенка ударить. Нет уж, маленькая еще, – но тут он вспомнил мокрое от дождя лицо девочки. – А что... симпатичная брюнеточка... глаза большие... На кого-то она похожа... На кого?» – и еще быстрее зашагал по мокрому асфальту домой.

Глава 7: Август.

- Я позвоню тебе завтра, - сказал мужчина.

- Подожди!

Девочка схватила поворачивающегося, чтобы уйти, мужчину за рукав.

- Что?

- Есть. Есть!!!

- Что?

- Ты знаешь, какие у тебя глаза?

- Карие.

- Нет!!! Каре-зеленые с желтым ободком!!!

- И что?

Девочка улыбнулась счастливо, во весь рот, как ребенок.

- Это оччень, очень хорошо!

- Я позвоню тебе завтра, - повторил мужчина и ушёл, завернув за угол.

- Хорошо, - ответила девочка, купила себе мороженое и пошла по аллее домой.

«Вот и лето кончается. В начале дня никогда не знаешь, где окажешься вечером. Можешь предполагать, конечно, самое вероятное, однако

чёрт его знает! И мороженое вкусное... От мороженого ведь тоже полнеют не хуже, чем от пирогов. Ну, так что ж с того? Хватит худеть и таскаться ночью по улицам. Белые ночи закончились. Скоро осень, будет всё темнее, темнее, совсем темно... Я никуда не пойду ни в один вечер, буду сидеть дома с моим мужчиной и пить чай с пирогом. Правда я все еще, до сих пор так и не спросила его...»

Ноги привели девочку на берег серой каменной реки. Журча и извиваясь, она струилась, купая ветви склонившихся над ней старых ив. На деревьях от близкой сырости развелась тина и водоросли. Река обмелела, из-под серого водного полога на травянистый берег выползали россыпи белой гальки. Девочка взглянула на своё искажённое трепещущее в мути отражение, тронула его ладонью, и улыбка закачалась и пошла кругами. Она сняла туфли и встала босыми ногами на большой серый камень, возвышавшийся над водой в шаге от берега. Река текла, облака плыли, а девочка стояла на камне. Что для камня может быть естественнее, чем лежать под чьими-то ногами?..

И отчего бы здесь не закончить сие в высшей степени гармоничное существование? То есть, я хотела сказать, повествование?.. Весьма хотелось бы, однако это не возможно по одной простой причине. Он не позвонил.

Завтра он не позвонил, и этого уж точно достаточно, чтобы продолжить.

Он не позвонил утром, и она впервые почувствовала свою несвободу. Холодный страх приложил ледяные железные ладони к ее спине. «Как страшно, – подумала девочка и робко улыбнулась, – как странно, мне никогда не было так страшно, – я так беспокойна, и всё из-за того, что телефон не звонит. Всю жизнь мне было плевать, звонит ли телефон. И он звонил, а я была к нему так чертовски равнодушна. А теперь он не звонит, и я люблю его всей душой. И всё это о телефоне. Да бог с ним: пусть он не звонит, пусть не приходит, пусть я не буду проводить с ним никакие дурацкие вечера, пусть его вообще не будет и не было, пусть он умер и черти вынесли его в каминную трубу... Это все не страшно, страшно другое: я так и не спросила его».

Он не позвонил в полдень, и девочка бережно положила телефон в сумку, уходя гулять. Они с Катей гуляли три часа, светило солнце, ели мороженое на скамейке, а потом девочка ушла домой и там, в прохладной темноте спальни облила слезами подушку.

- Что ты ревешь? – спросила Катя устало.

- Закрой рот, Катя! Ты надоела мне, как рвотный порошок! Как дюжина буйных придурков санитару! – прошептала девочка.

- На роль буйных придурков, - деловито объяснила Катя, - у меня не хватит таланта. Так что приходи на пробы – ты как влитая! Кефира хочешь? – поинтересовалась она между делом.

- Я хочу мороженого!

- Иди ты... шутница! Может, тебе еще на баяне сбачать? Я могу...

- Не на баяне, а на аккордеоне...

- Да невелика разница

-Такая же, как между мороженым и кефиром Играй.

Катя проворно схватила аккордеон и принялась наяривать «Во саду ли, в огороде», потом какие-то бесконечные тирольские вальсы и в довершение исполнила с очень серьезным видом фугу Баха.

Девочка слушала, глядя в потолок, подпевая «Во саду ли в огороде», не замечая смены репертуара.

- Во саду ли, в огороде девица гуляла... во саду ли, в огороде ли...

- ...да не все ли равно ей, где гулять!? – пафосно изрекла Катя с последним аккордом фуги, - слушай, что ты хочешь?

- У него ободок...

- Эээээ... Это я уж слышала!

- И голос...

- И черт с ним!

- И волосы! И походка даже!!!

- Да это все прелестно, но нельзя же так откровенно любить мужчину за то, что он на тебя похож.

- Можно.

Потом девочка встала. Был вечер. Она блудилась в сумерках, пока не пришла в поле, где бродила по высокой, в колена, траве. Утром, вернувшись домой, она легла на пол в коридоре и слезы долго стекали по щекам в волосы. Когда-то давно, когда она еще была в школе, ей часто снился один и тот же сон: она просыпаюсь в библиотеке, среди пыльных стеллажей и стремянок, на полу. Открывает глаза: рядом стоит дымящаяся кружка с чаем. Она встаю – пол скользкий, и у нее босые ноги. Окно замёрзло, она подходит и дышит на него. На ледяных узорах оттаивает прозрачное пятно. Девочка смотрит в него и видит, что внизу, под окном пасётся на льду рыжая лошадь. Она выбегает из комнаты, двери, босиком по лестнице, двери, босиком по льду, и вот она, рыжая лошадь, прядет ушами, беспокойно перебирает ногами по льдистой земле. Девочка тоже стоит на льду. Ей в лицо бросаются большие снежинки и сильный ветер. На ней только тонкое зелёное платье. Лошадь уносит её в горы, с вершины большого хребта девочка видит далеко внизу снежную долину. Впереди, далеко-далеко у горизонта поднимается красный рассвет.

Девочка смотрела в потолок, и ей очень хотелось рыжую лошадь, чтобы очень быстро на ней куда-нибудь лететь и чтобы ни в чём никогда больше не искать смысл.

- Мама, все мужчины так поступают?

- Нет.

- А отец делал так?

- Да этот как раз был из тех... Что ты улыбаешься?

- Отчего ж я выбрала такого?

- Генетическая память.

Мама любит мрачно пошутить. «Я все понимаю, - подумала она, - я давно живу на свете, я все это уже видела, я понимаю, чего он хочет от нее. Но что она от него хочет???»

- Дочь, ты хочешь за него замуж?

- Нет, я хочу мороженого.

Это был последний день лета.

Goodby, cruel world, I'm leaving you today, godby, godby, godby...

-Послушай, объясни мне, почему ты то звонишь, то не звонишь?..

-Я занят.

- Да ну? одно... А чем ты занят? Нет, подожди...

А ты меня любишь? Да бог с тобой... Тааак, это все ерунда... А сколько ты еще будешь занят?... Да подожди ты!!! Дай сказать! Дай подумать... Я ведь что-то хотела спросить.

Что-то очень важное, как сверло, вворачивалось в ее мозги. Все забылось, все стерлось,

запылилось, и девочка уже никак не могла вспомнить то, ради чего все это было. Лето прошло, прошли бредни, болтания по темным улицам, поцелуи, белые ночи, звонки, дожди, слезы, яблоки... Яблоко! А вот интересно

- Слушай, а сколько тебе лет? Нет! Подожди, меня это не волнует... Меня волнует, сколько тебе было лет в 89 году.

- Двенадцать.

- Двенадцать???

Когда мама нашла ее на кафеле в ванной, она не стала кормить дочку пирогами и мифами Древней Греции. Она собрала ее и свои вещи и увезла девочку к морю. Там девочка ходила на пляж пешком в большой оранжевой шляпе, лежала в белом купальнике у кромки моря и читала журналы. Ела сливы и персики, которые смуглые торговцы на улицах предлагали ей бесплатно. Вечерами гуляла по набережной, теряясь среди толпы отдыхающих, пила молочные коктейли, покупала в лавках кораллы и маленькие ампулы с эфирным маслом. Южными ночами, когда воздух чернел, а город загорался рекламными щитами, она выходила на балкон в легком пеньюаре и позволяла морскому ветру срывать его со своих плеч, и тогда ее силуэт темнел на фоне горящего окна на диво случайным прохожим и посетителям прибрежного бара. Плакать она перестала. Вместо этого пела и смеялась. Пила вино на террасе с каким-то смуглым улыбчивым парнем, который обнимал ее за талию, смотрел на луну и говорил:

-Вы когда-нибудь слышали, как кричит сова?

А она отвечала: «Пошло. Старо», - чтоб он отстал от нее. И парень надел на плечи рюкзак и ушел рано утром на автобусную станцию, как и многие после него. Девочка тоже собрала вещи и уехала. Она села в поезд рано утром и ехала два дня. В конце первого дня она сидела у окна, и перед ней на столе лежало большое красное яблоко. За окном сгущались сумерки, поля... Поезд везет девочку к мужчине, и скоро он скажет ей:

- Какая ты красивая.

- Ты любишь меня? – Она обрадуется.

- Нет, - ответит мужчина, - но ты очень красивая, ты алмаз.

- Тогда не надо...

- Ты безумный алмаз, я могу притвориться, что люблю тебя.

- Нет, не надо...

- Я могу даже жениться на тебе.

- Нет, я не хочу!

- Что ж ты хочешь? Объясни. Я не понимаю.

- Я хочу кататься на каруселях, ходить в кино по воскресеньям и есть там мороженое.

- Так я куплю тебе мороженое и отведу тебя в кино, - засмеется он.

И тут она может заплакать или сжать кулаки, затопать ногами, как в детстве, потому что...

- Потому что это уже совсем, совсем не то!!!!

Утром мы остановились в чужом городе. Девочка вышла на перрон. Город был залит солнцем, и огромная привокзальная площадь, окружённая старыми домами, сияла светом во всю ширину. Она подняла голову – далеко-далеко расплзался город, над низкими крышами шелестели кроны совсем зеленых деревьев и купола церквей... «Когда же и след от гвоздя исчез под кистью старого маляра, мне было довольно того, что след был виден ещё вчера. А не сойти ли

мне здесь?» И девочка ушла. Она идет по большой залитой солнцем вокзальной площади под зелеными куполами большого города, ибо сказано: «Слонёнок ищет Африку, и он её найдёт!» И, если будет нужно, так она купит себе мороженое и сама.

ЕКАТЕРИНА ГОСТЕВА

ИЮЛЬСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

СТИХИ

Всю ночь звонят колокола,
Что у кремлевских стен
Любви я душу отдала,
Взяла июль взамен!

Пятнадцать гулких летних дней
Взамен души живой...
Поминки правь теперь по ней,
Июльский спутник мой!

Пусть клятвы верности за нас
Споют колокола:
Я в эту ночь, я в этот час
Июль в мужья взяла,

Я поперек судьбы своей
Построила алтарь.
В тебе так много горьких дней.
Июльский календарь.

Я любить не желаю кого попало,
Догонять не желаю ушедший поезд,
Моя ранняя юность почти пропала -
Я на жалкой подачке не успокоюсь.
Восемнадцать для девочки – это старость,
Уходящего детства звонок прощальный,
Боже мой, ты же видишь, как я старалась,
Но удел ты мне выделил, ах, печальный!
Я в тринадцать любила героев книжных
С их мечтами бесплодными и стихами,
Я в семнадцать любила, к несчастью, их же,
Жизнь свою исчисляя, видать, веками!
Не сегодня ли время пришло очнуться?
Стал вдруг ум беспокоен: он мыслью занят
Не о книгах, в чей пыльный мир окунуться
Так легко, не о синусах, не об экзаменах,
А о том, как упорно по циферблату
День и ночь обреченная стрелка скачет.
Вот что будет за глупость мою расплатой:
Я умру, и не вспомнит, и не заплачет
Обо мне ни один из героев книжных:
Ведь от них лишь бумажною пылью веет,
Не любовью. Эй, Господи, дай мне жизни,
Я с лихвою вернуть тебе все сумею!

Тебе молилась днем и ночью
Всегда, но чаще по весне.
И что ж? Теперь я знаю точно:
О, Господи, ведь ты... во мне!
Что я замыслю, то случится,
Что было ночью, станет днем,

Февраль в апрель вдруг обратится,
И все мечты мои о нем
Я сделаю привычной явью.
Нет, лучше станет явь мечтой!
Я солнцем в полночь воссияю
И сонный озарю покой
Бесцельной жизни и бесцветной
Своей, твоей, моя любовь!
И вот тогда любви ответной
Не удивлюсь, и даже бровь
Не дернется при взгляде нежном,
Что поймаю на себе:
Богам присуща безмятежность,
А я есть Бог в своей судьбе.

Ты девятнадцать лет живешь,
Ты до сих пор еще никто,
Нигде, не с теми... Ну так что ж?
Из жизни сделать решето?

Пробиться в вечность головой?
Брать штурмом райские врата?
Дать сну столетий смертный бой?
Молчи, святая простота!

Талант к мечтам имеют дети –
Я отправляюсь в путь.
Дай, Господи, на этом свете,
Мне сделать что-нибудь,

Не королей короновать,
Вершить великие дела,
Но чтоб потом хоть распознать,
Жила я или не жила.

Чтоб не топтать и без того
Усталую планету зря.
И до рожденья твоего
Мечтами наполнилась земля.

Мечты твои и грезы люди
Оценят в медный грош,
Никто любить тебя не будет
За то, что ты умрешь.

Диана Савкова и Даша Евграфова

ДАРЬЯ ЕВГРАФОВА НЕ СМЕШНО

Сон

Вот уж маска надета,
И повернуты краны.
И не видно мне света
И не видно обмана.
Сердце медленно бьётся,
А глаза приоткрыты.
Снова вижу тот сон,
Где надежды разбиты.
Снится мне, что бегу
По тернистой дороге.
А вокруг все уснули,
Изранены ноги.
А бегу я за тем,
Кто исчезнет в тумане.
И никто не спасёт
В этом липком дурмане.
И сквозь запах эфира
Разрывает сознание.
Этот сон не сбылся,
Вопреки предсказанью.

Наказание

Посвящается Леди Макбет

Смотрю на лик святой иконы,
Слова заветные шепчу.
Вокруг меня все те же стены,
Сожгла я не одну свечу.
Стучит в висках и сердце рвется,
Как только вспомню эту боль.
Как жаль, что закатилось солнце,
Осталось мало нам с тобой.
Сюда приходят те, кто знает,
Что в мире том пути им нет.
Но я не все - я улетаю,
Как птица, и лечу на свет.

А что мне делать? Я убила,
И плачу... Господи, прости!
Я знаю, что не хватит силы,
Но он давно на том пути.

Когда же утро здесь настанет,
Я не уйду, как все вокруг.
Быстрее быстроногой лани
Моя душа сбежит от мук.
19 марта 2005 г.

Птица

Ты поймал меня недавно
И связал мне крылья туго.
Для тебя мой крик - забава.
А ещё хотел быть другом...

Песен больше я не знаю,
И тебе неинтересна.
Отпусти обратно в стаю,
Если в клетке мне не место!

Нет, ты хочешь, чтоб с тобою
Я жила и умирала.
Мне осталось - я не скрою,
Три минуты. Умоляю...

Так открой золотую клетку,
Отпусти к мечте заветной!
Я хочу скорей на волю!
Умереть? Но не с тобою!

«НЕ СМЕШНО»

«Не смешно» – чрезвычайно короткое и меткое замечание, исходившее от довольно странного человека, сидящего передо мной прерывает мои мысли. Я только-только представила лицо подруги, над которой завтра я собиралась подшутить. А тут это... Видимо, я просто слишком широко улыбалась и даже подхихикивала. А он решил, что это я над ним. Хорошо еще, его внешность действительно настолько странная, что со стороны мой смех был не заметен. А если бы он не сидел передо мной в читальном зале «Бабушки», весьма возможно, что предметом насмешек была бы уже я.

Критическая статья, которую я так внимательно изучала в поисках чего-то школьно-серьезного (чего я так и не нашла) мигом вылетает из головы. Я смотрю на него, уже не отрываясь. Действительно, было на что посмотреть. Крючковатый нос и серьезное, почти хищно-загадочное выражение темных глаз наводили мысли о колдунах и магах. Сомневаюсь, что, если бы он жил в средние века, святая инквизиция не заподозрила бы его в колдовстве и убийстве младенцев. И уж тогда бы шапка растрепанных черных кудрявых волос, обрамлявших идеальный (как ни странно) овал его лица, точно была уничтожена вместе с ним на большом костре, но какой-то умиляющий изгиб шеи меланхоличное выражение лица придавали ему еще больше несоответствия. Он казался замкнутым и стеснительным, но в двух словах, в глазах которые были обращены ко мне, чувствовалась полнота силы воли и непреклонности. Кроме того, небрежно надетый светло-коричневый свитер и протертые джинсы совершенно не гармонировали с его аккуратностью: читая книгу, он бережно листал страницы, будто бы они грозили рассыпаться.

Через несколько минут он встал, потрянул головой, ухмыльнулся, как будто стряхивая какое-то наваждение. Он вышел из зала, наклонив

голову, словно думал о чем-то, неотступно преследовавшем его много лет.

Я сдаю книгу, так ничего и не выписав из нее и выхожу следом за ним, понимая, что, невольно обидела эту, на самом деле легко ранимую и очень светлую душу. Я останавливаю его и говорю:

— Простите меня, пожалуйста...

Он поднимает удивленные глаза

— А... за что?

... И мне хочется плакать, глядя ему вслед, когда он медленно уходит, загребая ногами снег.

Все вокруг спешат, бегут куда-то, смеются. А мне не смешно...

«Он выше этих мелочных и злых обид этого мира. Он все уже простил», — крутится у меня в голове.

ЗАВТРА НОВЫЙ ДЕНЬ

Она летела, кружилась, порхала и искала место, где приземлиться. Почему она выбрала именно этот объект, не знает никто. Но дело сделано, по закону подлости очередная мелкая пакость свалилась на голову (а точнее на глаз) несчастной Натали Воробьевой, которой и так сегодня досталось.

- Проклятый снег!

Снежинка обиделась и отомстила: тушь потекла.

- Да что это такое!

Пожалуй, за все шестнадцать лет это был самый неудачный день в жизни Наташки. Мелкие неприятности сыпались на неё, как из рога изобилия. Может быть, она встала сегодня утром или вчера легла не с той ноги - история умалчивает. Но так или иначе, сегодняшний день не задался с самого утра.

Началось всё с того, что будильник решил не звенеть, и Наташка встала на 15 минут позже обычного. А так как день мадемуазель Воробьевой расписан по минутам, пришлось ей делать всё в два раза быстрее. В результате, вместо прекрасных персидских очей, которые отнимали у Наташи почти полчаса драгоценного утреннего времени, в зеркало на неё смотрели испуганные глаза дикой кошки. А черти, что обычно по утрам гордо зевали в глубине величественных очей, на сей раз вконец обнаглели: кривлялись и строили рожи на самой поверхности. Но Натали не обратила на это внимания. Она просто надела весенние ботиночки и побежала на улицу, где её ждал очередной сюрприз: гололед. И пришлось бедняжке ковылять до школы как есть. Но надо отдать ей должное: кто угодно после таких препятствий плюнет на всё и пойдёт домой. Но не Наташа. Ко всему прочему, она умудрилась забыть ключи. Кое-как, гарцуя, как корова на льду, она добралась до заветного крыльца.

«Должно быть, судьба-злодейка смилостивилась надо мной, — размышляла Натали, — раз во время первых уроков почти ничего не произошло, кроме того, что какой-то умник прилепил мне на стул жвачку, и я на неё села».

На этом приключения Наташкины не закончились. Очередной её ромаше (Витя Разов) не пришёл в школу. Все бы ничего, но широкое сердце её придерживалось правила: «с глаз долой - из сердца вон» и было склонно к измене. Естественно, оно влюбилось. И не в кого-нибудь, а учителя ОБЖ.

Кроме того, она узнала, что одна из немногих подруг, пользующихся у неё доверием, назвала её «рыжей стервой», а таких обид пламенная душа не прощала. Но сегодня она отмахнулась, сказала «С кем не бывает!» и решила позвонить. Но любимый телефон сообщил ей приятным голосом, что на её sim-карте задолженность около порога полного отключения. И в этот момент терпение её лопнуло — Наташенька разразилась тирадой, которая не оставляла сомнений в её истинно русском происхождении. Видимо, после этого злой рок, преследующий Наташку весь день, решил оставить её в покое.

Но на обратном пути, кроме гололеда, ещё одной, последней гадостью стала снежинка.

Натали, придя домой, первым делом решила глянуть в зеркало. Увиденное её обрадовало: нахальных чертей не было, только маленький бесёныш, который, почувствовав беду, озадаченно потер сопливый пяточок копытцем и, вильнув виновато хвостом, исчез.

...И, уже засыпая, Наташа подумала, что завтра будет новый день...

19 марта 2005 г.

НАТАЛЬЯ ИЗОТОВА (Вологда) СОБАКА ИДЕТ ПОД ДОЖДЕМ

О Боже, как наскучил мрак!
Как я жду рассвета!

Ук де ла Бакалариа

Он сидел, низко опустив голову. Капли дождя отскакивали от его мокрой, скорчившейся фигуры и падали на грязную, истоптанную тысячью ног, землю. Дождь всё шёл и шёл... Редкие прохожие покрепче запахивались в куртки, плащи или что ещё там на них было надето.

Вот пробежала девчонка в ярко красной куртке, используя пакетик с весёлой картинкой вместо зонтика. Она бежала тяжело, то и дело спотыкаясь, расплёскивая воду из луж. Она пробежала совсем - совсем близко от него, но даже не обернулась. А ведь и правда! Какое ей дело до немецкой овчарки, мокнущей под дождем? Правильно, никакого. И сколько еще таких девчонок и мальчишек, юношей и девушек, женщин и мужчин проходило мимо? Какая разница, ведь все они серые тени и нет никакого смысла держать их в памяти.

Он тяжело вздохнул, встал на свои истертые в кровь лапы и поднял мощную лобастую голову.

Случайный прохожий, если б он сейчас здесь оказался, наверное, вскрикнул бы от ужаса. Ему не нужно было бы винить себя за это. К такому зрелищу сложно остаться равнодушным.

Всю морду собаки пересекал длинный шрам, тянущийся хищной змеей от кончика носа, проходя через правый глаз, заканчиваясь на затылке чуть позади уха. Но хуже всего были глаза. Уродливые бельма без проблеска радости и острого пытливого ума, который так украшает взгляд немецкой овчарки.

Пес снова тяжело вздохнул. Он не любил дождь. Когда вода лилась с неба, а гром глухо ворчал, как огромная злобная собака, нельзя было уловить ни единого запаха, а все звуки заглушались стуком капель, шелестом листвы, шумом грязной воды, бурлящей в лужах, канавах, ручьях.

Но нужно было идти, плестись куда-то, преследуя свою цель, до которой никому, разумеется, не было дела. И он пошел. Лапы медленно, в каком-то одному ему известном темпе, монотонно двигались вперед. Он ступал тяжело, широкими шагами, каждый из которых давался ему с трудом. Он не видел, куда шел, и вынужден был обдумывать каждое свое движение.

Вдруг его чуткие уши уловили шорох. Что это? Да, так могут шуршать только шины колес, скользящие по мокрому асфальту. Он нерешительно остановился перед дорогой. Успеет? Или лучше переждать? Машина, должно быть, еще далеко. И пес шагнул на мокрый асфальт. Все теми же несуразно большими шагами двинулся через дорогу. Зачем он сделал это? Зачем он не остановился и не пропустил машину? Может, он забыл, что дождь искажает звуки? А может, ему уже просто все равно, что будет с ним? Все равно...

Ведь что окружает его? Только темнота и все... Он не увидел света машинных фар, на краткий миг осветивших его грязное тощее тело. Он только слышал шум дождя, шелест листвы, быстро приближающуюся машину. Он еще думал, что успеет, но понял, что жестоко ошибался - лишь тогда, когда услышал визг тормозов.

Обрушился сильный глухой удар, разлившийся острой болью по всему его боку. Потом все внутри как-то закружилось. Несколько раз его перекувырнуло в воздухе и отбросило на мокрую траву, безжалостно побитую крапиву, жидкую грязь. Последнее, что он услышал - было трение шин об асфальт, фырчание мотора... Машина уехала.

А ведь и правда, какое дело шоферу до этого существа, сбитого машиной в этот дождливый вечер? Правильно, никакого. И шофер поехал дальше, спеша домой, в свою уютную квартиру. Возможно, насвистывая какой-нибудь веселый мотив...

А пес погрузился в темноту. Хотя о чем я говорю? Он и так всегда был в темноте.

Какие-то яркие линии рассекали воздух, кружили спиралями. В памяти всплывали ощущения, запахи, звуки... Отрывисто, резко возникали перед ним картины прошлого. Затем, захлебывались, уступая место другим, бурлящим в вечном водовороте воспоминаний: дочь хозяйина, Катюшка, умоляла папу назвать маленького и лопоухого щенка, в честь знаменитого пса Мухтара. Пустолайка Гранд в

соседнем вольере. Бег. Четкие движения могучей собаки, слаженная работа мышц - это был последний раз, когда он бежал. Пружинистый скачок, развевающаяся шерсть, ветер, ударяющий прямо в морду - это был его последний прыжок в темноту. Он помнил вкус человеческой крови, которая сочилась из прокушенной руки страшного человека, который ронял что-то маленькое и черное, умеющее больно жалить. Вновь он всеми лапами ощущал грузное тело врага, а шрам обожгло болью как в тот памятный день. Сердце судорожно сжалось, заметалось в его груди. Он вспоминал, как хозяин положил руку на его загривок, как говорил что-то. Мухтар не помнил слов. Главное, сейчас не было этой руки.

Не было с того самого момента, когда чужие люди посадили его на цепь. Шея сохранила ощущения, испытываемые собакой, когда на нее надевают новый чужой непривычный ошейник. А еще она сохранила царапину, оставленную пражкой чужого ошейника. С ошейником он распрощался в дождливую летнюю ночь.

Больше Мухтар ничего не вспоминал. Темнота заставила его усыпить измученное сознание, забыть все краски, оставить лишь звуки и запахи.

Когда чувства вернулись к нему, дождь шел по-прежнему. По-прежнему шумела вода, шелестели листья. Пес с трудом поднял голову, привычно вздохнул... Хотя нет, непривычно. Вдох его сопровождался ужасной болью в боку. Он уронил тяжелую, словно свинцовую голову на лапы. Он лежал в придорожной грязи, а дождевые потоки смывали кровь с его черных боков, рыже-желтого живота. Он с трудом перевернулся на живот, и словно тысячи иголок пронзили его тело. Но он не заскулил, не пожаловался. Он один в этой темноте и жаловаться некому. Несколько раз он пытался встать, судорожно месил лапами грязь. Кровавая пена мыльными хлопьями собиралась у рта. Она стекала в грязь, смешивалась с ней, но не могла остановить пса, идущего к своей, одному ему известной цели. Наконец он встал на свои немощные, дрожащие лапы. Он долго стоял под потоками дождя, открыв широко рот и с наслаждением глотал воду, падающую на ярко-розовый язык. Наконец он сделал первый шаг. Постоял немного, осваиваясь и шатаясь, поплелся вперед. Он знал, что даже в этой темноте он найдёт то, что ищет.

Пёс двинулся по обочине дороги, то и дело оскальзываясь, спотыкаясь. Один раз он чуть не упал, наступив на размокшую газету, выкинутую случайным гражданином. Если бы темнота отступила на миг, он увидел бы, что это такая вот обыкновенная рекламная газетка, какие читал порой его хозяин. Увидел, и прошёл бы мимо. Но если вдруг человеку пришло бы в голову поднять её, возможно, он наткнулся бы на объявление: «Разыскивается крупная немецкая овчарка, кобель. Кличка Мухтар. Отличительная особенность - он слеп из-за пулевого ранения в голову. От этого же выстрела тянется вдоль всей морды кривой шрам. Нашедшему - вознаграждение». Далее были заботливо указаны адрес и телефон, а также номер мобильного, по которому можно было звонить в любое время.

Но ни одного человека рядом не оказалось. А если и оказался бы, то зачем ему поднимать

КОНЬ МОЙ

размокшую, грязную газету? Какое ему до этого дело?

Пёс шел всё дальше, всё так же шатаясь по одному ему известному маршруту.

Могу я и дальше рассказывать, как он шёл. Но разве интересно это людям? Какое им дело до того, что по мокрой дороге идёт бедное животное? Какой резон слушать, как слепой пес прокладывает свой путь в вечной темноте, через боль, страх, ненависть, равнодушие... Да ведь ничего, кроме дождя, шума воды, шелеста листьев в его пути больше не было. Главное, что он пришёл туда, куда добирался с таким трудом. Главное, он был близок к цели, которую себе поставил.

Хотя каждый вдох его был равен нестерпимой боли, он жадно вдыхал родной запах. Теперь только калитка отделяла его от дома, с которым было связано столько в его жизни. А главное - здесь всюду был запах хозяина.

В какой то краткий миг всё рухнуло. К любимым, родным, знакомым запахам примешался чужой, незнакомый. Мухтар прислушался выжидательно. Какое - то тяжелое предчувствие охватило его. Интуиция не обманула. Среди привычных уже звуков дождливой ночи появились другие. А именно - звон и скрип цепи, сопровождающийся чавканьем размытой земли под тяжёлыми собачьими лапами. Затем обладатель этих самых лап громко гавкнул на страшную, побитую, собаку с ужасными бельмами вместо глаз... Мухтар даже не пошевелился. Он только недоверчиво водил ушами. Пёс не видел ни смешного пятна над глазом Дуная - этой новой хозяйской собаки, ни черного блестящего ошейника, которым сам Дунай так гордился. Зато он понимал, что этот новый пёс сидит на ЕГО цепи. Мухтар не любил эту цепь. Он всегда был послушен, и привязывать его не имело смысла. Но это была ЕГО цепь. Была... Также как и этот дом, и этот двор, и хозяин.

Дунай разразился нервным, залившимся лаем: «Уходи, чужак! Уходи!»

Мухтар последний раз втянул носом родные запахи, прислушался к звону цепи, медленно повернулся и пошёл. Он всё так же широко расставлял лапы, бесцельно продвигаясь вперёд. Капли падали на его мокрую, слипшуюся шерсть, а потом на грязно-серый асфальт.

Дождь и не думал заканчиваться.

Три дня назад:

- Аллэ! Иван Васильич?

- Доброе утро, Лексей!

-Иван Васильич! Мухтар ушёл... Вчера... Ошейник снял и ушёл...

Повисло длительное молчание.

- Иван Васильич!

- Что?

- Извините, не уберегли. Жаль то как. Одного дня пёс Вас не дождался. Мы уж его искали, искали... Жаль, что погиб Мухтарка. Хороший ведь пес то был, душевный...

- Не был. Он есть. Он ещё послужит!

- Так ведь он ушёл слепой, не вернётся...

- Будем искать. Возьму Дуная, поедем искать вместе... Прямо сейчас... Пока, Лёша!

Наверное, каждый ребенок, хоть раз в своей жизни да ездил в лагерь. В таком случае, несчастный без сомнения знает, что такое подготовка к этой длительной поездке. С самого рассвета вся семья бегаёт, как очень больно ужаленная не скажу куда, проверяя все ли на месте, готова ли путевка, не забыл ли ребенок свою зубную щетку, туалетную бумагу, носки, теплый свитер, куртку... Ребенком, собственно, являюсь, как вы уже успели догадаться - я. И, признаюсь честно, мне не захочется страдать, если я оставлю дома свитер, не говоря уже о куртке. Сейчас месяц июнь, лето никто не отменял... Ну зачем мне теплые вещи? Но мою любимую мамочку этот аргумент не вдохновляет.

- Дочка, еще только начало июня, вдруг будет холодно? Может тебе положить еще один свитер, на всякий случай, а?

Я меланхолично киваю. Мамуля, весьма ободренная этим, со счастливым лицом старательно впихивает свитер в сумку. После двух минут борьбы с вредной молнией, никак не желающей застегиваться, моя родительница выпрямляется и победоносно смотрит на мое астральное тело. Оно сидит себе смиренно на диване, в то время как мысли летают где-то далеко, вероятно в ином измерении. Похоже, что меня абсолютно не волнует, забуду ли я туалетную бумагу. Возможно, позднее, моя персона об этом очень пожалеет, но это будет потом. Если быть абсолютно искренней, я вообще не хотела ехать в этот лагерь... Предчувствие что ли, было какое - то... Но докажите это моей маме, хотя бы одним словом заикнитесь.

- Все будет хорошо, доченька, мама тебя очень любит, не расстраивай меня. ... Ну, вот вроде и все, пошли на автобус! - таков был ответ на мои слабые протесты. И мы пошли на автобус. В сумке мирно лежали три заботливо свернутых свитера.

Когда мне удалось (надо сказать с очень большим трудом, но это отдельная тема для разговора) погрузиться в автобус, радости моей не было предела. Мы с мамой посылали друг другу воздушные поцелуи, огорченные близкой разлукой и в тоже время обрадованные, что сможем отдохнуть от долгого совместного проживания бок о бок. Когда фигура мамочки скрылась из поля зрения, я блаженно зажмурилась и погрузилась в сладкую дрему. Все вокруг переговаривались, приглушенно смеялись, Обсуждали что-то. Лично мне было все равно, о чем там треплются. Мысли мои все еще продолжали витать где-то в облаках, ну никак не желая возвращаться в мою белобрысую голову. Вдруг особенно громкий возглас заставил меня открыть один глаз:

- Ой, девочки! - раздалось над ухом. - В лагере будет лошадь! Мы на ней кататься будем!!! Классно!

Мой второй глаз открылся. Девчонка, сообщившая своим подругам замечательную новость, оказалась (вот счастье-то) моей соседкой.

- Где это написано? - поинтересовалась я.

- Да вот тут, - сунула она мне какой-то листочек

Я жадно вчитывалась в краткие строки. «Как появилась в лагере, первым делом найду коня», - решила я для себя и, умиротворенная, снова закрыла глаза.

Обещание, данное самой себе же, я исполнила сразу же, как представилась возможность. Все

время, данное на самостоятельный осмотр территории, я потратила на поиски конюшни. Во время краткого похода по сосновому бору, пришлось отметить громадное количество насекомых. Твари лезли в нос, уши, довольно впивались в голые руки, ноги. Я закашлялась, случайно проглотив особенно настырного комара. Хотя это и было противно, я испытала какое – то мрачное удовлетворение: уже успела пообедать, жаль только, что мяса было мало... Стопы дотасили меня до не слишком просторного денника и еще какой – то постройки (вероятно, сеновала). На обеих дверях висели замки. Вокруг стоял симпатичный, недавно срубленный заборчик. Не слишком высокий и, на мой взгляд, довольно хлипкий. Тут же напрашивалось два вывода: либо лошадь уже довольно стара, и для нее это серьезная преграда, либо хозяева в этом совсем не разбираются. Последнее, конечно, льстило моему самолюбию (такая я крутая, знаю больше, чем взрослые тети и дяди!), но было менее правдоподобным. Через заборчик я не полезла. Мало ли это воспримут, как покушение на частное имущество, да и одежда не подходящая – белая юбка для того явно не предназначена. Я пошла вдоль забора, стремясь туда, где денник вплотную к нему прилегал. Из тяжелой бревенчатой стены тоскливо смотрело маленькое, грязное, зарешеченное изнутри окошечко. Сердце неприятно екнуло. Я, встав на цыпочки, заглянула внутрь. Ничего не заметила. Я прислушалась: тишина. Только птички поют. Как-то не приятно зануло в груди. Я задумчиво огляделась, но тут меня озарило: лошадь же сейчас на выпасае, с чего ей в деннике – то стоять? Какая же я дура. Выругав себя за недогадливость, я начала выбираться из леса все же довольная. На ночь коня приведут в денник, вечером приду и налюбуюсь вдоволь. Из – за сосновых стволов уже виднелись очертания главного корпуса. Я шла, машинально передвигая ноги, вновь впад в какое – то странное безразличие. Последнее время это состояние посещало меня все чаще и чаще.

- Ой, смотрите, какая лошадка!

Мысли прямо таки шлепнулись мне в голову и, пока я пыталась осознать, что вывело меня из транса, коварное дерево решило вплотную со мной познакомиться. Когда-то я думала, что звездочки из глаз – сравнение образное. Но что-то из моих глаз точно вылетело. А уж были это звездочки, кружочки или квадратики я не рассматривала. Отдирая со лба потрясающее вещество – смолу, я, наконец, сумела поднять взгляд своих очей на звук. Сквозь шатающиеся стволы деревьев (хотя шаталась, вероятно, все-таки я), была маленькая, но вся сплошь заросшая травой полянка. Подобравшись поближе, я узрела, как мальчонка лет одиннадцати целеустремленно пытался подергать лошадку за хвост. Перед глазами тут же всплыло первое правило конника: НИКОГДА НЕ ПОДХОДИ К ЛОШАДИ СЗАДИ. Лягнет еще, что слово «мама» потом только морзянкой отстукивать и сможешь. Не успев сообразить, что делаю, я побежала:

- Стой!

Блин! Ну почему сосновые корни всегда торчат из земли? Почему эти деревья меня так не любят? Торжественность момента была испорчена моим падением. Винават был, однако, не корень, а скользкая шишка. В принципе не многим лучше. Мальчик остановился и озадаченно посмотрел на меня. Я же не нашла ничего лучше, чем широко-

широко улыбнуться и, изловчившись, помахать рукой. Ребенок вскрикнул и убежал. Что ж, бывает

Придав телу стоячее положение, я взглянула таки на лошадь. Начнем с того, что это оказался мерин, только не свиный, а игреневого масти. То есть сам он был прямо-таки шоколадный, а грива и хвост светлые, золотистые. Вероятно, в его жилах текла кровь могучих советских тяжеловозов, об этом так же свидетельствовало крупное телосложение. Он был довольно ладно скроен, но ноги были излишне коротки, а животик был круглый-круглый, отъевшийся. Если честно, коняга напоминал пони-переростка, выглядя весьма неуклюже. Он равнодушно смерил меня взглядом и снова принялся жевать траву. Не зная, что ожидать от мерина, я принялась просто наблюдать за ним: не слишком чистопородный, да и о грации особенно говорить не приходилось. Я была несколько разочарованна. Мобильный телефон весело оповестил меня о звонке веселой песенкой «Jungle Bells». Надо бы сменить на лето мелодию, отрешенно подумала я. Мерин поднял голову и вопросительно посмотрел на меня.

- Что уставился? Что во мне не то? А-а-а ...

Поняла! Музыка противная?

Я соизволила-таки взять трубку. Оттуда послышался приглушенный голос моей новой подруги Алены, с которой я познакомилась в своей лагерной комнате – нас вместе поселили:

- Ты где?! Все уже давно в столовой! Вот тебя сейчас вожатая поймает...

- Уже бегу! - перебила я ее и повесила трубку

- Пока! Еще увидимся, - сказала я коню и побежала что было духу к столовой.

Несколько дней спустя у меня вновь появилась возможность слинять из – под бдительного ока воспитательницы. Стоит ли говорить, что я тут же ею воспользовалась? Как вы можете догадаться, путь мой лежал в конюшню. Все же, признаю: нескладный конь чем-то привлекал меня, может, крайне добродушной мордой? Так или иначе, я вновь оказалась рядом с не слишком просторным загонном. Притом не одна: меня уже опередили какие-то две неизвестные девчонки. Несмотря на то, что младше меня, они были полностью поглощены созерцанием симпатяги мерина. Мое присутствие осталось полностью не замеченным. Наконец одна – очень высокая, жилистая, с короткими каштановыми волосами легко перемахнула через ограждение и смело подошла к коню. Затем девчонка по-хозяйски схватила его за гриву и потащила поближе к забору. Мерин неохотно повиновался. До меня же начал доходить смысл ее действий. И точно: в продолжение моих мыслей она влезла на оградку и прыгнула с нее прямо на спину коняги.

- Эй, ты! - обратилась она к спутнице - Давай, фоткай быстрее!

- Сейчас, подожди, фотик настрою! – Вторая девчонка выглядела очень неуверенной.

-Ну, быстрее же, засекут ведь!

Ага, ясененько все с ними! Еще одни бестолковые любительницы лошадей. И я вплотную подошла к девчонкам.

-Та-а-ак! Что это мы тут делаем? Почему без разрешения на лошадь влезли? – строго нахмурилась брови, поинтересовалась я.

Владелица фотоаппарата как раз нажимавшая на кнопку «пуск», вздрогнула от неожиданности. Жаль. Кадр получится смазанным.

-Ой! Все! Теперь лошадка уже убежала, домой отправят! - успевшая лишь заметить

научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

1383210

девчонка, судорожно сжимая в руках многострадальный фотоаппарат.

- Да тихо ты! – осадила ее восседающая на мерине спутница. – Видишь, это не та тетка, которая за лошадью ухаживает? Я в старших отрядах видела эту девчонку, ни фига она нам не сдает... Не сдашь ведь? (Это уже ко мне)

- Не сдам, если с лошади слезешь, – спокойно ответила я.

- А с чего это я тебя слушаться должна!? – фыркнула нахалка.

- Да и не слушайся на здоровье! Тебя конь сбросит, а не меня...

- Это меня-то сбросит? Да у меня дома лошадь своя есть, я ездить умею!!!

- Без седла? На незнакомом животном?

- А он не незнакомый! Его Сема зовут!

- О, да! Самый сильный аргумент, который ты могла привести!

Девчонка засмеялась. Сема, стоявший все это время как-то слишком спокойно, даже понуро, неожиданно фыркнул.

- Ну все, посмеялись и хватит! Слезай быстрее, а то и правда засекут! – улыбнулась я.

Она соскользнула с шоколадной спины мерина и, уже в который раз, перескочила через забор.

- Ладно, мы пошли, у нас сейчас собрание будет. Да, кстати, как тебя зовут?

«Меня не зовут, я сама прихожу!» - хотела я ответить банальной фразочкой, но вместо этого улыбнулась:

- Катя.

- А меня Оля! – представилась самонадеянная лошадица. – А ее вот – Ирка.... Ну ладно, пока! До скорого!

И обе девчонки скрылись за деревьями. Задумчиво проводив их взглядом, я вновь обратила внимание на коня. Сема смотрел на меня грустно и даже, как мне показалось с каким-то неммым укором. Я подошла поближе и, облокотившись на ограду, поманила его к себе. Сема не подошел. Не доверял мне. Как жаль.... Внезапно меня посетила весьма трезвая мысль: я стала оглядываться вокруг в поисках травы. Тот, кто хоть раз бывал в сосновом бору, может меня понять: вокруг простирается бесконечное зеленое море, которое в литературных произведениях принято называть «ковром мха с вкраплением ярко-красных бусинок брусники». Не знаю как насчет ковра, но бруснике еще явно был не сезон. В любом случае не намек на даже самую зачашую травку не предвиделось. Правда, недалеко виднелась подающая надежды полянка, к которой я незамедлительно и направилась. Сорвав солидный пучок сочной осоки, я бегом вернулась в общество Семана и предложила ему угощение. Тот недоверчиво фыркнул. Я видела, как широко и часто раздувались ноздри на бархатной морде. Наконец, он решился. Нервно прядая ушами, приблизился, принюхался и весь пучок травы тут же исчез в лошадиной пасти. Только зубы мелькнули. На что похожи лошадиные зубы (особенно в опасной близости от ваших рук) описать нельзя. Это нужно видеть. Так и началось наше знакомство. Правда, теперь я иногда думаю о том, что лучше бы оно не начиналось....

Теперь я раз по пять в день навещала Сему, обязательно принося ему в подарок охапку осоки, яблоко или грушу (их я специально не съедала, берегла для нового друга). Особенно любил Семик груши. Съедал в два присеста: раскусит

пополам своими зубищами. Одна половина тут же исчезает во рту, а другая обязательно упадет на землю. Сема всхрипнет обиженно и наклонит шею, чтоб поднять вкуснятину. Так он и привыкал ко мне. Однажды, после очередного полдника, раздобыв особенно крупное яблоко, я направлялась к полюбавшемуся копытому Привычно подошла к ограждению и позвала Семика. Тот подошел и принялся с удовольствием хрупать принесенный мной фрукт. Я ласково почесывала звездочку на мохнатом лбе. Вдруг дверь денника открылась и чей-то смех вместе с разговорами вырвался на волю. Странно, как это я раньше не услышала.... Сема вздрогнул, отвлеченный внезапным звуком от процесса поглощения яблока. Из денника вышли уже известные мне девчонки и какая-то незнакомая женщина, невысокая, с темно-русыми волнистыми волосами, стянутыми в хвост. Судя по ее уверенным и хозяйским движениям, она и была конюхом. Оля приветственно кивнула мне и, попросившись с женщиной, пошла к главному корпусу, увлекая за собой нерешительную Иру. Я поздоровалась с женщиной, а потом, немного подурочки улыбаясь, спросила:

- Извините, э ... Светлана Александровна (бейджик спас положение), можете ли вы уделить мне немного вашего драгоценного времени? – Получив согласие, я продолжила:

- Можно я буду помогать ухаживать за Семой?

Светлана Александровна чуть нахмурилась:

- Нет, девочка. Вся работа за талончики (это эквивалент денег в этом лагере, выдаются за хорошие дела, потом проходит ярмарка, и ты их там тратишь) - уже разобрали. Поищи какое-нибудь другое дело.

Я чуть не поперхнулась от возмущения. Да уж, припрешься тут от чистого сердца, а тебя обвинят в корыстных целях. Вот ведь люди пошли. Медленно, стараясь правильно подобрать слова, я, с чувством, будто выступая с докладом на тему защиты окружающей среды, произнесла:

- Сколько себя помню, мое сердце замирало при дробном звуке копыт. Вид мчащейся вперед живой стрелы вызывал восторг и

Светлана Александровна меня, видимо, не понимала. Во всяком случае, великого озарения в ее глазах мне увидеть не посчастливилось Обидно.

- Светлана Александровна! Не нужны мне эти талончики! Я просто так хочу помогать. Просто потому, что я очень люблю лошадей. Вы уж меня извините, если надоедаю....

Почти целую неделю я все свое свободное время проводила с Семиком, помогала его пасти, чистить. Но основным моим занятием стало отгонять тучи противных насекомых. Путь к сердцу Семика, безусловно, лежал не только через грудную клетку, но и через желудок. И все же, настоящей пыткой были укусы слепней. Или оводов? Кто их там разберет, когда они вокруг носятся такой тучей, да еще и кусаются. В общем, не смотришь особенно, кого давишь. В итоге, я к тому, что путь к лошадиному сердцу завоевывался через спасение от съедения заживо. Подобрал одну широкую сосновую лапищу, я добросовестно охаживала Семину бока и круглый живот. Смотрелась я, наверное, законченной садисткой. Нет, ну вы представьте картинку: идет девочка и что есть силы бьет лошадь сосновой веткой

Семик же блаженствовал. От него требовалось только махать хвостом, что было хоть как-то мне помогать в войне с членистоногими, да изредка дергать шкурой, указывая мне, где конкретно его кусают. Стоит ли говорить, что через полчаса столь интенсивной терапии веточка становилась абсолютно лысой и приходилось брать новую? Таким образом, я и завоевала его расположение. С каждым днем солнышко светило все ярче, оводов развелось очень много. Кусались они очень больно. Сема почти не выходил из своей сарайки. Прятался там за плотно закрытыми дверями. Насекомые его просто настолько заели, что Семик наотрез отказывался выходить. Когда его все-таки удалось не без труда вытолкнуть наружу, дабы прибраться и вычистить стойло, бедняга принялся носиться по всему загону, взбрыкивая задом, вставая на дыбы. Не смотря на то, что Семику приходилось так плохо, его от работы не освободили. В маленьком буклетике об услугах, предоставляемых в лагере, было черным по белому написано, что в лагере присутствует лошадь, и дети могут за весьма умеренную цену на ней покататься. Никакие доводы на тему, что эти самые дети потом костей не соберут, если лошадку укусят за филейную часть и она начнет брыкаться, не помогли. Надобно сказать, что Сема ненавидел работу, уздечку и все прочее, что с ней связано. На конезаводе, откуда он был куплен, его часто били. Об этом свидетельствовала слишком явная пугливость при виде уздечки или даже ее звоне (иногда мерин шарахался даже от звона ключей). В общем, надеть на Семика уздечку было одеть практически невозможно в те моменты, когда тот свободно бегал в загоне. Одевали ее, предварительно загнав в сарайку, где Сема полностью покорялся своей участи и понуро выполнял нашу волю. Иногда мне казалось, что он нас просто ненавидит в эти моменты, но не бунтует только потому, что уже давно сломлен. Дальше мы прицепляли длинный повод и шли на вытопанную полянку, где Семе предстояло монотонно и однообразно бегать по кругу, везя на спине бестолковых наездников. Сема часто спотыкался, фыркал, двигался с явной неохотой, делал попытки свернуть с круга. А вот посмотрели бы вы на наездников! Особенно мне запомнился один двенадцатилетний мальчик, с видимым страхом влезавший на лошадь не без помощи Светланы Александровны. Правда, потом ему захотелось выглядеть крутым перед толпящимися вокруг товарищами. В итоге ездил он так: бросил уздечку, одной рукой схватился за седло, очень-очень крепко, что бы не свалиться и какой-то дурацкой веточкой стал нахлестывать Сему по крупу. Мерин - в галоп. «Крутого» наездника только так кидает в разные стороны, а Семик норовит убежать с круга, не понимая, за что его бьют. На мой крик: «Коня за уздечку возьми!!!!», мальчик в ужасе отвечает: «А я от седла отцепиться боюсь! А если я упаду?» Странно. По моему, с неуправляемой лошади свалиться на порядок легче. А еще можно свалиться вместе с лошадью, если она где-нибудь оступится. А еще можно оказаться раздавленным лошадью. Это если она вдруг очень неудачно оступится.

- Шагом лошадь веди! - посоветовала Светлана Александровна.

- А я не знаю, как ее остановить. И вообще, шагом ездить неинтересно, - отвечивал умный ребенок, отчаянно плюхаясь вверх-вниз как мешок с... картошкой.

Чтобы Семику было хоть чуть-чуть легче, я стала наматывать круги бок о бок с ним, осторожно обмахивая его веточкой и замысловатыми прыжками, не снижая скорости, спасая свои ноги от тяжелых копыт, когда Сема оступался. После окончания на сегодня всей этой экзекуции я выглядела такой же измочаленной, как Сема. Пахло от нас, извините, одинаково. Во всяком случае, слепни и оводы разницы не чувствовали, кушали нас обоих. Я попробовала обмахиваться веточкой, но эта извращенная форма мазохизма себя не оправдала. Сильный удар колючей игольчатой поверхностью не многим лучше среднестатистического укуса. На слабое обмахивание подлые хищники реагировали весьма равнодушно - отваливались только те, которые уже вдоволь кровушки напились, оставили после себя громадную зудящую опухоль, и даже лететь не могли. Мы еле-еле дотопали до стойла под жарким летним солнцем в сопровождении относительно свежей Светланы Александровны и скрылись за деревянными дверями в спасительной темноте и прохладе. Я тут же взобралась на колючее сено, а Светлана Александровна удалилась за щетками, дабы немедленно начать приводить Семика в порядок. Но вернулась она не одна, а в сопровождении Оли.

- Извините, я опоздала, мы с девчонками в баскетбол играли, можно покататься? - донеслось до меня.

- Ну, давай, - неохотно согласилась Светлана Александровна

- Только можно я сама, по леваде?

- Нет, - это ответила уже я, свесившись с сеновала на уровень лица Оли, - нельзя, слепни кусаются, сбросит.

Оля недовольно хмыкнула, оправившись от легкого испуга, вызванного моим внезапным явлением с небес.

- Не сбросит. Я хорошо катаюсь. Ну, можно?

- Можно - кивнула Светлана Александровна, а в глазах мелькнула озорная искорка. Или мне только показалось? Как бы то ни было, я буду с удовольствием смотреть, как Семик под этой Олей брыкаться начнет. И спасать не побегу. Сема упрямылся, упирался всеми четырьмя ногами, но Оля беспощадно вытащила его наружу, профессионально вскочила в седло и ударила ногами Семкины бока. Сема с места не сдвинулся. Оля повторила свой маневр, настойчиво отсылая лошадь вперед. Сема замотал головой. Еще один посыл, и он медленно пошел, понуро опустив голову. Оля уже который раз с силой ударила его по бокам. Семик бежать не хотел.

- Может, завтра покатаешься? - словно почувствовав неладное, спросила Светлана Александровна, а затем утвердительно продолжила - давай завтра лучше, Семик устал....

Кажется, Оля восприняла это предложение как оскорбление. Ей было обидно, что она не смогла заставить Сему повиноваться и, вероятно, ей было от этого очень стыдно перед нами. А нам, я прямо скажу, было абсолютно наплевать на ее амбиции, а только жаль уставшего Семика. Оля чуть скривилась и вдруг больно ущипнула Семика за шею, процедив сквозь зубы: «Пшшел! Но! Пшшел!» Мы со Светланой Александровной ничего не успели сделать, как Семик взвился на дыбы, после чего с места сорвался на галоп, перемахнул полтора метра заборчик. Копыта коснулись земли, Оля перелетела через

лошадиную голову, на каких-нибудь 20 сантиметров разминувшись с сосной, как в кино, прокатилась через голову по мху, и... встала на ноги! Точнее, Олю как-то подбросило и поставило на ноги. Семик унесся в лесные просторы. Светлана Александровна бросилась к потерпевшей, я ловить Сему. На счастье тот, увидев меня, сам развернулся и прискакал ко мне. Чуть дрожащей рукой я погладила нашего конкурриста (конкур - вид конного спорта, где лошадь перепрыгивает препятствия различной сложности) и повела обратно. Оля была в относительном порядке и изо всех сил пыталась не зареветь. Светлана Александровна отправилась с ней в медпункт, попросив меня пока приглядеть за Семой.

Это приключение закончилось для Оли сломанным пальцем на ноге, который тут же вправили обратно, и обильными синяками. Для Семы много лучше. Краткую вспышку бешенства списали на оводов, и Семик был освобожден от бега по кругу во избежание подобных инцидентов. Но подлых, уже всецело ненавистных насекомых это не останавливало. Эти, пардон, заразы, пролезали в щели между досками и доставали Семика даже в сарае. Я уже чувствовала, что мышцы на правой руке, которые я ежедневно задействовала при обмахивании, скоро станут как у бодибилдеров при соответствующем продолжении практики. Но что делать, если насекомые были вездесущи?

Этому надо было положить конец. Утром следующего дня Светлана Александровна принесла страшную бутылочку-распылитель с угрожающей надписью, обещавшей навсегда избавить нас от общества насекомых. Весь ужас в том, что Семочка убежал от этой бутылочки гораздо быстрее, чем насекомые. Светлана пыталась загнать мерина в угол загона и насильно обработать, но тот шаркался в сторону, грозясь затоптать кормилицу, поилицу, а также спасительницу от жужжащего населения нашей планеты. Тут-то мне и пришлось в голову совершить подлый жест предательства. Мы со Светланой Александровной обсудили коварный план и принялись приводить его в исполнение. Светлана ласково улыбнулась Семику, спрятав бутылочку за спину. Но Семик был умный. Недоверчиво пялился и не давал к себе приближаться. Тогда в загон вошла я. Еще более ласково улыбаясь, я показала Семе сосновую метелку. Тот намек понял и осторожненько, бочком обходя Светлану Александровну, стараясь не выпускать ее из поля зрения, приблизился ко мне. Когда метелка весело запрыгала по бокам, Семик расслабился и полностью потерял бдительность. За что и поплатился. Жестокая женщина Светлана Александровна, подобно вражескому шпиону бесшумно подкралась сбоку и обрызгала дорогого товарища, что называется, от ушей до хвоста. Семик обиделся, ушел в угол и не разговаривал с нами целый час. Ровно столько, сколько продолжалось действие хваленного распылителя, после чего бедное животное вновь приплелось под защиту сосновой метелочки. Да, кстати, на пробу распылитель оказался зеленого цвета. В итоге, мы со Светланой Александровной оказались свидетелями уникального зрелища - нежно-зеленой лошади. Вы знаете способ вновь превратить зеленую лошадь в коричневую? Правильно! Ее нужно вымыть. А где взять воды? Ну, разумеется, в речке. Да и солнышко светит

ясно... Да, и вообще, по словам Светланы Александровны, купание - очень полезно для лошадей.

Время для купания мы выбрали вечером, во время дискотеки, когда все находятся у столовой, а я могу свободно идти туда, куда заблагорассудится. Я пришла к загону. На Семика уже одели старую уздечку и длинный повод. Признаться честно, я очень хотела хоть раз проехать на Семе. Об этом я и спросила Светлану Александровну. В общем, к реке я ехала верхом, правда без седла. Вот тут и начались великие трудности. Слепни не спали. Бедненькие оголодавшие монстры набросились на нас. Я с трудом сдерживала Семика. Светлана Александровна поспешно пристегнула повод. Вдруг мерину придет в голову понести? Семе такое в голову пришло не раз. Но бедняга всякий раз сдерживался. Овода жалили его, шкура дергалась, он периодически мотал головой, стряхивая кровопийц с шеи. Я, рискуя свалиться, нагибалась в разные стороны, сгоняя насекомых. У меня на ноге тоже встала какая-то гадость, но я старалась не обращать на нее внимания. В итоге все решилось максимально просто: я прыгнула на землю, подобрала ближайшую веточку и оводов сразу стало на порядок меньше. Такими темпами и добрались до речки.

Холодная вода. Я прижалась к теплому лошадиному боку. Мы осторожно шли рядом. Я часто нагибалась, отодвигая бревна, на которых, позднее, будут покоиться катамараны. Иногда оскальзывалась и тут же мертвой хваткой вцеплялась в жесткую гриву, что бы часом не нырнуть раньше времени. Вода уже мне и Семе по шейку. Правда, шейки у нас по длине немного разные... Сема дернул головой, отгоняя слепней, протяжно фыркнул и поплыл. Я гребла рядом, держась за уздечку, но не как не могла попасть в такт могучим движениям коня. Меня постоянно относило назад, уздечка натягивалась, Сема недовольно косил карим глазом. Я закрыла глаза, разжала руку и скрылась под водой. Тело обдало холодной волной - конь проплыл совсем рядом. Я вынырнула. Впереди, рассекая волны, виднелась лохматая голова нового лох-несского чудовища. Пришлось догонять. Поравнявшись с медлительным Семой, я улыбнулась, и, быстрее заработав руками и ногами, обогнала его. Мое лидерство длилось недолго. Сема фыркнул и двинулся за мной, неотвратимый, как танк. Похоже, мирное купание превратилось в веселый заплыв на «кто быстрее». Я была не против. Правда, силы были слегка не равны. Мощному Семе течение не мешало. Волн он, похоже, не замечал, и, сказать по правде, сам их создавал в неограниченном количестве. Да и выдохлась я быстрее. Это, конечно, было немного обидно. Но - Сема был конем, а я - человеком. Это давало мне полное право взобраться на скользкую и мокрую спину победителя и обратно плыть с весьма довольной рожой, ощущая свое превосходство. Громадные плоские копыта влажно зачавкали по мелководью, и Сема вывел меня на берег. С сожалением соскользнув с широкой мокрой спины, я передала повод Светлане и поплелась вытираться. Чуть обернувшись, я бросила взгляд на Сему. Лучше бы я этого не делала. Громадная туша ловко извернулась и под смех Светланы Александровны плюхнулась спиной на песок, дрыгая в воздухе ногами. Тщательно отмытая шкура теперь выглядела, мягко скажем, невымытой.

Золотистые песчинки застревали между шоколадным ворсом и светились в лучах заходящего солнышка. Сема и сам светился, лежа на боку. Блаженствовал, отдыхая от кусачих слепней. Водичка вновь ждала нас...

Потихоньку я прокралась в главный корпус. За подобное самовольное купание могли выгнать со смены. А могло быть еще хуже: оставили бы здесь, а с Семиком бы видаться запретили. Не один из предложенных вариантов не устраивал, и пришлось действовать под покровом тайны, старательно скрывая ее мраком. Хотя, впрочем, границы законов принятых в лагере я и не переступала. Более того, даже сказала воспитательнице, куда иду. И она меня отпустила. Типа: «Мария Ивановна, я пойду, с лошадкой помогу?» «Ну конечно можно!»

В корпусе было пусто, все отрывались на дискотеке. Операция прошла гладко.

- Привет! Ой, а ты что, купаться ходила? - круглое лицо Алены так и светилось радостью открытия.

- Нет, ты что? Я, это, голову мыла! Да! Это, типа, чистота - залог здоровья.

- Да ладно тебе, я только что из ванны - стирала, чуть ли не целый час, так что не ври! Я же не скажу никому....

Нужно же было ляпнуть, что правда головушку в речке мыла - плавала, но эта головушка в тот момент, видимо, плохо соображала, и я рассказала все про Сему. Меньше всего на свете я ожидала того, что Алена тут же начнет клянчить и стонать над душой:

- Классно! Катя, можно я завтра с тобой пойду, пожалуйста! Можно? У нас в Новосибирске лошадей нет, только олени! Ну, можно я с тобой? Я так люблю лошадей!

Так и не пойму до сих пор, почему я ей не отказала. Кто меня дернул? Покажите мне его, я вам спасибо скажу. А вот что я скажу этому самому ему, вам лучше не знать.

На следующий день, вечером, когда все скрылись на дискотеке, я вновь отправилась на «купание классного коня». Такое вот название я дала этому процессу, вспомнив известную картину. Не успела я перешагнуть порог родного корпуса, как меня окликнули. О, да! Вы не представляете, как я была рада! Прямо так рада, так рада.... У-у-у-у!!!! Алена была не одна. Из под кепки цвета хаки на меня смотрели прищуренные глаза Оли.

- Ты чего здесь делаешь? - я искренне старалась быть вежливой, но по-моему, у меня это не получалось.

- А я с вами пойду, - нагло и безапелляционно ответила Оля.

- Угу, - процедила я, - опять лошадь гробить?

Оля, кажется, поняла, что наглость не то оружие, которым можно пробить такой танк, как я, и сменила тактику. Стала ныть, что она больше так не будет и вообще, будет слушаться и будет очень хорошей девочкой. Ну, очень хорошей. А время в это время шло... Мне очень не нравилось слушать это нытье, но рассудив, что своенравная Оля, коли мы ее не возьмем, еще чего доброго нас заложит, разрешила ей идти с нами. Мысленно проклиная болтливую Алену, я направилась в стойло. Не успели мы перешагнуть порог, как Оля закричала:

- А можно, я на Семе тутуда поеду?

- Нет, я поеду! - вторила ей Алена, хотя разрешение еще не было получено.

Мне захотелось громко выругаться. Всю дорогу я слушала, кто из этих девочек больше любит Семика и обмахивала его веточкой, уже девятой за сегодня. Я решила их подчитать на досуге. Девчонки дошли до речки, увидели плотик, довольно-таки далеко вдающийся в воду и тут же побежали с него нырять смеясь на всю округу. Когда мы с Светланой Александровной добрались до реки и я повела Сему в воду, эти две налетели на нас похуже оводов, так что Семик шарахнулся назад, схватился за разные стороны уздечки и потянули каждая в свою сторону. Светлана Александровна наблюдала за всем этим с берега. Жаль, я не могла разглядеть выражения ее лица. Сурово скомандовала девчонкам принести щетки и шампунь. Работа закипела. Сема был вымыт. Оля схватилась за гриву и подтянувшись, хотела сесть на спину Семика.

- И не вздумай! - разгадав ее маневр, пробормотала я, - видишь, я на плаву держусь, земли под ногами не чувствую. Поедешь на меня - утопишь. Оля снова противно скривилась:

- Сама так каталась на нем и плавала. А нам так нельзя!

Мне хотелось закричать на нее и попросту утопить эту... Мою вспышку злобы прервала, своим появлением, Алена. Она плавала рядом и не слышала моего с Олей разговора, но увидела, как та пыталась залезть на Семика, но, видимо, не удержалась и соскользнула. Круглая, как колобок, Алена с веселым криком: «Кто успел, тот и съел!» попыталась взгромоздиться на Сему. Притом со стороны слепого глаза. В итоге, испуганный, мерин ударил копытом по воде, как мне показалось, в сантиметре от моего уха. Резко развернулся боком и шарахнулся на меня. Мое тело скрыло под водой и, видимо, каким-то чудом протацило под лошадью, по самому дну, оцарапав о какой-то камень. Я вынырнула, встала. Семка фыркнул и медленно повернул голову в мою сторону. Девчонки были живы и визжали где-то вне досягаемости. Я сделала шаг назад и подло споткнулась о коварно притаившееся сзади бревно. Когда я снова вынырнула, Семик уже бродил по мелководью. «Меня ищет» - подумала я, и на сердце потеплело. Приглядевшись, я была просто убита - Семик кушал торчащие из воды стебли какой-то прибрежной травы. Я успокаивающе кивнула единственной взволнованной моей судьбой Светлане и побрела к берегу ловить Семика. Точнее, Семку. Я на него очень злилась. Передав коня на попечение руководительницы, я очень быстро слиняла. Всем на меня наплевать. Да и слушать причитания на тему, кто и как любит Сему, мне не хотелось.

На следующий день, как только смогла, я пришла к Семику, сжимая в руке большое яблоко. Стоит ли говорить, что мерин встретил меня более чем радостно?

Смена подходила к концу. Я старалась не думать о скором расставании и практически до последнего дня успешно выкидывала эту мысль из головы. Солнце практически не появлялось из-за туч, постоянно шел дождь. Ветер резкий, порывистый, пронизывал насквозь. Вот и пригодилась мамины свитера. Весь вечер перед завтрашним отъездом, назначенным на 10 часов утра, я провела в конюшне, почесывая Семика по носу. Тот от блаженства даже зажевал нежно голубой свитер, украсив его очаровательным зеленым пятном. Я не обиделась. На утро я снова решила попрощаться с Семиком. Хотелось

заплакать, но я пока сдерживалась. До отъезда оставалось полчаса. Все суетились, жутко нервничали. Мне большого труда стоило отпроситься у воспитателя сбежать туда - обратно.

Я остановилась перед загоном как вкопанная. Повесившись на шею Семику, Алена и Оля в два голоса ревели, как они будут жить без него. Стоящие вокруг подруги их отчаянно успокаивали. Светлана Александровна искала кого-то среди всей этой толпы, может меня? Или мне просто показалось? Я не стала приближаться. Мысленно сказав: «Пока, Семик!», я вернулась к автобусу. Через три часа дороги я была уже дома.

Я лежала на кровати и смотрела в потолок. Так, наверное, бывает со всеми - однажды вечером вдруг начинаешь вспоминать и обдумывать все происшедшее. Терзаешься смутными сомнениями, представляешь, что бы случилось, если бы ты поступила так, а не иначе. Вот так я и ворочалась с боку на бок, периодически замирая и глядя в одну точку. Почему я никак не могла придумать способ не расставаться с дорогим мне существом? Почему не попрощалась?

Почему? Почему? Почему? Нет, сколько бы я ни говорила это дурацкое слово, ничего не изменится, да никто мне и не ответит.... Хотя, впрочем, я поделилась этим своим переживанием с матерью.

- А ты, доченька, не переживай, - со здоровой долей иронии ответствовала она, - расти, учись. Кто тебе мешает? Вот будешь хорошо зарабатывать - купишь себе хоть целую конюшню... А если ты с тройки на четверку перекачиваешься, о каких лошадях может идти речь?

Я даже спорить не стала. Просто банально хлопнула дверью и ушла. Абсолютно детский и недостойный жест. Бегство с поля боя, а не гордый уход, как думается многим. Более того, подобным поведением я просто свела, в глазах матери, всю свою душевную боль к дешевому капризу. «Хочу лошадку!» - сказала я, сама уже пятнадцатилетняя лошадь. Вот как все это выглядело. Больше я никогда об этом с матерью не заговаривала.

Черт! Зачем я все это сейчас вспоминаю? Зачем я все это печатаю? Бью пальцами по клавиатуре, будто это она сосредоточие всех моих страданий. А самое смешное, что все равно - долбаюсь ли я пальцами по кнопкам и о людское сознание или головой об стену! Результата не будет. Нет, я рассказала одному человеку о своих мыслях и о том чувстве неотвратимой потери и недостижимости. А тот, что вы думаете? Решил чуть ли не благотворительную акцию провести - купить мне абонемент на конезавод. Это понимание? Какого мне это надо? Все равно, что потерял старушку-мать, а тебе предлагают съездить в дом для престарелых, выбрать новую. Чем лошадь - какой-то там беспородный мерин, отличается от красавца рысака? Тем, что беспородный мерин - мой. А остальное хоть пропадом провались.

И вот, все. Приступ злобы проходит. И появляется жалость к себе. И осознание. И я заранее знаю, что могут сказать по этому поводу. «Бесится с жиру девочка, театральное представление на публику, видное ли дело... Тут люди умирают, а она о лошадях. Училась бы лучше, чем еще бегать тут». Надоело. И вообще, когда людям грустно, по сценарию должен идти дождик. А светит противное солнце. И выплескиваю на окружающих весь свой негатив. Зачем? Не знаю. Может и неплохо Семику без меня. Хрупают в свое удовольствие очередное яблоко и не вспоминают. И я элементарно преувеличиваю, все драматизирую. Нет, хорошо ему там, наверное. Может и не идеально, но и не каждой лошади так везет... И может вот прямо сейчас стоит рядом с загоном чужая девочка и гладит моего Сему по мягкой щеке. Нет, это просто не выразить словами. Разрываться между чертовой действительностью и прекрасной мечтой. Что я могу сделать? Еще раз поехать в лагерь? Снова безжалостно открывать старые раны? Попытаться фонариком осветить необъятные просторы ночи? Я не привыкла сдаваться. Думать. Думать. Из любой ситуации есть выход. Вырасти? Стать умной, богатой, образованной? Купить Семика? Хорошая версия. Интересно, сколько стоят косточки умершего от старости мерина? Это еще при условии, что его не пустят на колбасу и от него вообще еще что-нибудь останется. Устроиться на работу в этот лагерь, хотя бы на лето, помощником конюха? Такой должности не предусмотрено. Украсть Сему? Глупо. Очень глупо. Негде спрятать.

Все. Я сдаюсь. Ничего я не могу. А кто бы смог на моем месте? Познакомьте меня с этим человеком, я вам за это спасибо скажу. Все, хватит уже мучить клавиатуру и читателей. Наверное, все нужно забыть, не мучиться и, типа, не травмировать свою нервную систему. Нервные клетки, говорят, не восстанавливаются.... Между прочим, много и других дел на этом свете, а я, как последняя идиотка, из-за лошади переживаю. А вот и не буду переживать. А ну его к черту. Хотя, впрочем, конь то тут причем? Его за что ругать? Семка не виноват в том, что я попросту бессильна. Если уж я ничего сделать не могу, то что может сделать конь? И, вообще, зачем ему что-то делать? Его и так неплохо кормят....

И все-таки, если вы вдруг будете в этом лагере и застанете там шоколадного конька с медовой гривой, не пожалейте для него яблока. Или груши. Но можно дать и банан, Сема их тоже очень любит. Почешите ему звездочку на лбу или погладьте по щеке, а потом тихо, очень тихо, передайте ему привет от меня. Сема меня, конечно, не вспомнит, да и вообще ничего не поймет, но мне почему-то станет легче. Я надеюсь, что станет. Заранее большое спасибо.

НАДЕЖДА КОЗИНА ФИЗКУЛЬТУРА В ПОНЕДЕЛЬНИК

ФИЗКУЛЬТУРА В ПОНЕДЕЛЬНИК

Зима. Понедельник. Утро. Первые два урока у нас физкультура. На лыжах! Из всего класса я одна этому радуюсь.

У всех остальных эта новость вызывает желание сесть на больничной, а после две недели не ходить на уроки из-за освобождения. Те, кому не удалось сесть на больничной, еще пытаются обмануть родителей разговорами о том, как у них болит горло или заложено нос.

Если и это не удалось, то остается только идти в медкабинет, сделать измученное лицо и что-нибудь соврать. Большинству удается по уважительной причине пропускать уроки физкультуры, а оставшиеся должны ездить, что бы у них не болело.

И вот группа еще не проснувшихся школьников подходит к лыжной базе, спускается в подвал и начинает мерять лыжи. Когда все подобрали себе более или менее подходящие лыжи, палки, оделись, проверили крепления, начинается самое смешное. Ехать по сделанной лыжне, пусть и с трудом, может каждый. Но чтобы выехать на лыжню, необходимо проехать под школьными окнами по льду. Кое-кто не может удержаться на ногах, что выглядит очень смешно, считая, что все происходит в понедельник утром. Однако тем, кто падает, не смешно. Побывав почти в каждом сугробе, нашему классу все же без потерь здоровья удается выйти на трассу «Здоровье». Так как это только первый урок, запланировано проехать до ближайших деревьев, хоть и это нам кажется непреодолимым расстоянием. После первых десяти минут легко можно понять, кто курит, а кто занимается спортом. «Крутые» курильщики оглашают лыжню кашлем, хватаются за бока и сильно отстают от других. Такое впечатление, что на лыжи встали пациенты-туберкулезники.

Доехав до деревьев, мы встали в ожидании учителей, которые ехали в самом конце, чтобы никого не потерять. Когда нам крикнули, что можно возвращаться, мы были просто счастливы. Все тяжело дышали, перед глазами плыл туман. Но ехать в школу было рано, а это значит, мы еще будем кататься с горки. Эта горка совсем не

большая, но залезть наверх смог не каждый. Да и не каждый, взошедший на гору, сумел съехать на ногах, а не на спине, животе или еще как-нибудь. Но вот учитель объявляет, что время – ехать обратно, и открывается второе дыхание. Кто-то уже улыбается, предвкушая отдых, а кто-то задумывается о том, как же все-таки доехать до школы. При мысли, что надо всю лыжню пройти еще раз, охватывает паника. Сил просто нет. Самые сообразительные и самые уставшие, выехав с поля, снимают лыжи и просто идут по дороге. Первой до этого додумалась я, и все поддержали.

Ветер обдувает разгоряченные лица, но никто не смеется, не шутит. После того, как все лыжи поставлены на места, некоторые ученики успевают сбегать домой, чтоб переодеться и напиться – попить воды или чаю. А остальные идут в спортзал, ложатся на скамейки, отдыхают, идут в столовую и скупают все холодные компоты или соки. Прогулявшие физкультуру считают, что им повезло. Но это не так. На самом деле, повезло тем, кто катался. Ведь мы подышали свежим воздухом, прогулялись, получили заряд энергии. Девчонки любят говорить, что они сожгли лишние калории. А самое главное – мы проснулись, что немало важно в понедельник утром.

Так как в этот день на лыжах ездят четыре 11-тых класса, то в медкабинет просто не прорваться. Около медкабинета до сих пор стоит толпа народу. И зря. Пусть на следующий день у всех болят ноги, кто-то ходит по школе, издавая странные звуки, чем-то похожие на стон, крик или мычание (так делаю я).

Больше всех уроков я люблю физкультуру на лыжах. Пусть болят ноги, жмут ботинки, разные лыжи, и правая палка проваливается в снег, я все равно люблю лыжи, особенно в школе. Во-первых, врать не хочется. Во-вторых, несмотря на боль в коленках, настроение прекрасное. Ведь это возможность поддерживать себя в нормальной спортивной форме и от души посмеяться.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

За окном вечер. Ветра нет. И белые хлопья валются с неба. Моя любимая погода. Последнее, о чем можно мечтать в такую погоду – это гулять в обнимку с любимым человеком. Но, как обычно, я беру телефон, звоню, зову гулять, одеваюсь, выхожу и жду. Но не его, а подругу. И как всегда, мы идём вдвоём. И только вдвоём, никого больше нет. И вот я снова прошу подругу пройти мимо того дома. Я ни за что не скажу, зачем и почему, просто отмахнусь – а куда ещё? А сама иду с надеждой, смотрю и ищу глазами: там он или нет. Если никого нет, то настроение сразу пропадает, и гулять желания уже нет. Иногда, конечно, мне везёт, и мы подходим к пацанам. Постоим, поболтаем и идём дальше. А я всё жду, вдруг он что-нибудь скажет. Но ничего.

Я не верю в сказки разочаровалась в любви, но до сих пор жду чуда. Хотя всего лишь раз он намекнул на какие-то чувства. Пусть просто назвал меня красавицей и не хотел отпускать. А ещё я гадала, и выпало, что суженого будут звать так же, как и его. Пусть юношей с таким именем множество. Я сама могу назвать около десятка. Но всё равно, я полна надежд и мечтаю о нём по ночам. Долго ли мне вот так жить мечтами? Наверно, нет, скоро всё закончится, я увлекусь другим. И всё начнётся по-новому, по-другому Я

сама за себя буду всё решать и никого не спрашивать. Я стану свободной (и когда-нибудь независимой). Все планы на будущее связаны с этим днём. А пока я живу этой старой надоевшей жизнью и могу только мечтать. Хотя всё снова повторится, я останусь наивной одинокой мечтательницей.

МЫСЛИ ВПЕРЕМешКУ

Дневник. Как легко становится после того, как напишешь. Пусть это полная глупость, а когда после читаешь, становится смешно, и чем-то похоже на шизофрению. Всё равно становится легче. Всё, что наболело, конечно, можно рассказать лучшей подруге, она поймёт всё с полуслова, а больше и некому. Только тетрадь, которая выслушает всё, но, к сожалению, не подскажет ответа. Сегодня - 3 января. Кажется, должен быть праздник, но настроения нет. Все говорят - С новым годом, с новым счастьем, но это же не так. Все понимают, что просто сменяется одна цифра в календаре, а всё остальное остаётся по-старому: те же проблемы, заботы, слёзы и несчастья. А счастье остаётся всё то же - незаметное. Мы все либо ждём счастья, будто оно так вот придёт, и всем будет хорошо; либо вспоминаем о нём и жалеем, что всё прошло. Но никто не понимает, что сама жизнь - это счастье. В газете прочитала однажды - "Счастье - это когда думаешь, что тебя убило, а на самом деле просто оторвало ноги". Когда читаешь, понимаешь, что всё так и есть, а в жизни же не так. Всегда мы найдём причины, по которым наша жизнь может считаться несчастной. Мы просто не умеем быть оптимистами. Я могу сказать, что я несчастна: у меня нет парня, карманных денег, проблемы с родителями и в школе. Но, с другой стороны, мои родители живы, не выгоняют меня из дома, учусь хорошо и есть лучшая подруга (тьфу-тьфу). Несмотря ни на что, это сложно назвать счастьем. Вот такие мы все несмышленные. Не ценим то, что имеем. И даже с возрастом этого не осознаём. Наступил Новый год. Должно прийти новое счастье, а несчастье остаться в прошлом. Это был сложный год. Пожалуй, самый трудный за всю жизнь. Всё начиналось с ужасного праздника, после был сложный выбор, который оказался далеко не самым правильным. Осознание какой-то ненужности никому, брошенности; поиски ответа на вопрос - "что же такое любовь", и понимание того, что мне любовь не нужна. Ведь я не вижу вокруг чувств, про которые так много сказано и написано. Вокруг всё не то. В основном, всё - просто треп. У подростков это симпатия, страсть или попытка кому-то что-то доказать. Я ни разу не видела бескорыстных чувств, основанных на самоотдаче и без желания получить взамен больше чем отдал. А у взрослых это стремление к защищенности, постройке домашнего очага. Помоему, в этих отношениях в основе лежит не чувство к этому человеку, а уверенность в нём и в завтрашнем дне рядом с ним. Можно сказать, что я ошибаюсь, но тогда докажите это. История Ромео и Джульетты не подходит. Молодые и горячие, ещё игра гормонов или борьба против родителей. Я уверена, их отношения не продлились бы больше года. Они бы за год наладились и разошлись. Возможно, я пессимистка, но правильнее сказать, реалистка. В свои 16 я уже разочаровалась в любви. Надеюсь, найдётся человек, который сможет доказать мне существование настоящей любви. Это должен

быть простой молодой человек - мне не нужен принц. Я не верю в сказки и не жду принца на белом коне. Если реальнее, то я не ищу юношу, о котором мечтает любая, а он выберет меня. Это всё глупости. Вообще, всех молодых людей (по крайней мере из моих знакомых) можно разделить на настоящих мачо и тормозов. Первые потащат девушку в постель уже на первом или втором свидании, а вторые даже не смогут показать, что девушка им нравится. Хотя, кажется, иногда отдельные личности так не похожи на вышеописанных. Но почему-то при более близком знакомстве они оказываются "настоящими мачо". Взрослый человек, прочитав это, скажет, что это всё поколение такое, а раньше всё было не так. Все юноши были приличными (в меру), а девушки лишались невинности только после брака. Но я в это не верю. Те пары, которые я знаю, не оказываются такими счастливыми, как на словах. Они либо разводятся, либо постоянно ругаются. Тут, конечно, множество исключений, но я не знаю начала таких романов, чтобы было ли всё таким правильным и чистым. По-моему, у меня кризис переходного возраста. Я во всем разочаровалась. Но не я же во всем виновата?

ХОТЕТЬ НЕ ВРЕДНО

Проходило долгое и скучное мероприятие, два с лишним часа все сидели в одной комнате и слушали скучные речи. Обернувшись назад, я заметила сидящего в самом конце зала молодого человека. Было приятно увидеть хоть какую-то молодежь. Его лицо показалось мне знакомым, но я не могла долго смотреть на него, и все остальное время я смотрела на выступающих. Уходя, я даже и не вспомнила про юношу. Обычно о понравившемся парне я думаю до следующего приглянувшегося. Я вышла и была приятно удивлена, увидев его на улице. Пока я ждала девчонку, я успела его рассмотреть и понять, почему он приглянулся мне. Черные волосы, черный легкий плащ и яркая «гавайская» рубашка, контрастирующая со всем его образом и придающая ему какую-то светлость, нежность. Мне хотелось подойти к нему, заговорить, но мои комплексы не позволяли мне этого. Он сам подошел и спросил, не из студии ли я. Он как-то приходил на занятия. Разговорились, нашли много общего - оказывается, мы оба слушаем одну музыку, оба пишем. Тут вышли девчонки, и мы все двинулись в сторону остановки. Но они шли как-то впереди, будто не хотели мешать нашей с ним беседе. Дойдя до остановки, девчонки решили прогуляться. Я же хотела остаться с ним, постоять поговорить. В итоге девчонки ушли, не забыв подколоть (типа, оставляем вас наедине). И сразу же подъехал мой автобус, ну, не могла же я не сесть на него. Я сказала, что иду, а он ответил, что хотел бы прогуляться. Мне так хотелось ответить, что я его не держу, а сама хочу с ним прогуляться вдвоем, но получилось: «Иди, ты их еще догонишь». Вот я села в этот дурацкий автобус, проследила взглядом, как он побежал догонять девчонку, открыла сумку и сразу же начала записывать. Непонятно зачем, но мне просто хотелось с кем-нибудь поделиться и не мечтать, что он придет на последнее занятие, что он, вообще, меня вспомнит. Но я хочу, чтоб он пришел. А еще я хочу увидеть того высокого шатена из автобуса и своего бывшего парня. Если честно, хотеть не вредно.

ВИТАЛИЙ КОЗЛОВ (Шексна) ВАЛЕНОК УДАЧИ

Настя не любила приезжать в деревню только из-за Сашки, её двоюродного брата. Но ведь здесь живёт и любимая бабушка Валя, а сколько подружек, с ними так весело. А какие дискотеки в сельском клубе! Разве можно всего этого лишиться только из-за вредности младшего брата? Да и не всегда он такой уж плохой. Вот в зимние каникулы Сашка даже вступился за свою сестру и не побоялся драться с Ванькой-трёшником. Это местный хулиган Иванов Иван Иванович, кое-как окончивший девять классов и по настоящему время нигде не работающий. Именно из-за ФИО его и прозвали трёшником, то есть три Ивана в одном. Вот только толку мало. Как в сказке, все они дураки.

«Это просто возраст, а может характер такой дурной. Но ведь защитил меня. Вот подрастёт и дружба у нас будет», - думала Настя про Саньку. Сейчас она сидела за большим столом у окна и выписывала из старых журналов рецепты выпечки. Скучно. Настя отодвинула тюлевую занавеску, посмотрела на извилистую деревенскую дорогу, уходящую за зелёный соседний дом. Скоро придёт баба Валя и будет хлопотать над ужином. Сашкины родители сегодня не были даже на обеде. У тётки Лены отчёт, а дядя Толя уехал в райцентр.

Сейчас конец августа, но листья уже кое-где пожелтели и тихонько падают на землю. Настя посмотрела на клумбу, расположенную прямо под окном. Разноцветные астры радовали не только глаза, но и душу. Настолько они пышные. Настя сама привезла эти семена из города, а бабушка Валя вырастила рассаду и посадила их под окно. Зато ухаживала почти всё лето за цветами Настя. А вот и награда: послезавтра она поедет домой с большим букетом цветов. Обрамляют края клумбы апельсиновые и лимонные бархатцы. Настя посмотрела на них и решила, что тоже часть прихватит с собой.

Сашка забрался на печку. Она ещё тёпленькая, баба Валя вчера её протопила, так как пекла пироги. Большая русская печь стояла посреди деревенского дома. Он взял с собой несколько журналов, и, перелистав их, попросил ещё у Насти. Но та отмахнулась, типа «не мешай».

Сначала Сашка решил просто полежать, но это оказалось утомительно. Тогда он снова выглянул из-за занавески с печки и потребовал журнал. Настя никак не отреагировала.

- Глухая что ли? – Резко спросил Санька.

- Не мешай, - монотонно ответила сестра.

Тогда Сашка поискал что-нибудь, чем можно хотя бы кинуть в Настю, но на печке ничего не оказалось кроме валенок. Они были аккуратно сложены в сторонке и пролежали тихо всё лето. Он выбрал, который тяжелее, подшитый толстой подошвой. Баба Валя в них зимой к козе на двор ходит. Выглянув из-за занавески, Сашка легонько кинул чёрный валенок на стол Насти.

Та от неожиданности даже подскочила. Зато Сашке стало веселее, он задёрнул занавеску, пропищал котом, помурлыкал и притих.

- Ну, ладно, - тихо прошипела сестра и решила отомстить. – Ты первый меня задел.

Она взяла валенок встала, обошла печку с другой стороны и осторожно заглянула. Сашка сидел к ней спиной и вслушивался в шорохи. Он притих, будто его там и нет. Настя размахнулась посильнее, чтобы припекло валенком лучше, и запустила на печь. Но, видимо у брата, интуиция развита не слабо. Он пригнулся и валенок пролетел над его головой. Занавеска у печки преграды не создала, и на пути оставалось только окно. Моментально брякнуло стекло, и чёрный предмет скрылся из виду.

Брат и сестра переглянулись. Они понимали, что виноваты оба. Сколько воевали, но никогда ничего не ломали и не били. Саша быстро слез с печки, и они вместе подбежали к разбитому окну. Посреди цветущих астр приземлился большущий валенок.

- Да-а-а, - протянул Санька. Он посмотрел на Настю, но та молча хлопала ресницами. Тогда он, не долго думая, сбегал, подобрал валенок и положил на место. Настя в это время задёрнула занавеску у окна. Сейчас она поняла, что если бы тюлевая занавеска была на месте, то задержала бы удар.

Вскоре пришла бабушка. За приготовлением ужина и домашними хлопотами происшествие немного забылось. Сашка молчал, а Насти тоже говорить об этом не хотелось.

По приходу родителей все сели ужинать. Отец всегда садится напротив окна. Настя с Сашкой на этот раз сели за столом вместе. Но никто из взрослых не заметил, что они какие-то тихие, неразговорчивые. Сашка думал о будущем наказании, так как был уверен, что накажут именно его. Настя тоже думала о серьёзном разговоре, потому как уверена в том, что накажут её за то, что не уступает младшему брату. И всё это случилось как раз перед её отъездом.

Анатолий, отец Саши, то и дело поглядывал в окно. На колени к хозяину подлез кот Рыжик с надеждой на угощение.

- Какая погода хорошая стоит, вот бы подольше, - вслух сказал отец. Разговор о погоде подхватили женщины. Всё бы хорошо, да вот вечерний ветерок дунул и занавеску приподнял. Рыжик угощения не получил и залез на подоконник. По тропинке у дома скакали воробьи. Кот завилал хвостом, а потом и вовсе приготовился к прыжку. Анатолий наблюдал за ним и даже испугался, когда кот исчез за окном.

- Не понял, а чего это, стекла что ли нет? – спросил Анатолий. Он отодвинул тарелку, встал и

протянул руку в окно. Затем помахал ею на улице, вернул в дом и косо посмотрел на сына.

-Так наверно штапик уже прогнил, - нашёлся Сашка и заёрзал на стуле.

Настя такого не ожидала от брата. Она думала, что он сразу скажет: «это Настя кинула валенок», да ещё и погримасничает. Сейчас она была даже благодарна Саньке. Вечером отец вставил новое стекло. Может быть, с этого случая отношения двоюродных брата и сестры будут лучше. По крайней мере, теперь Настя точно знала, что здесь у неё есть защитник. Она рвала перед отъездом в город из середины клумбы надломленные астры. Пусть они не все ровные теперь стали, но зато есть самый надёжный и верный друг.

КАТЕРИНИНА ГОРА

Прохладный свежий ветерок веял мне в лицо. Огромный пылающий шар скатывался за горизонт. Его прощальные лучи окрасили высокую траву и кусты в кроваво-алый цвет. Все предметы отбрасывали длинные искажённые тёмные тени. Небо постепенно синело, с каждой минутой насыщая свой цвет. Лишь на западе в воздухе неслись пылающие закатом облака. На горизонте вытянулась пурпурная полоса, ожидая умирающее светило. Чем выше от неё, тем бледнее красный. Между холодной высью и едва теплящимся ещё розовым встала бледная жёлтая граница. Рядом с падающим солнцем были видны чёточки следов реактивных самолётов. Напротив алого шара, в бархатной синеве появилась похожая на обкусанный блин луна. Цвета заката стремительно тускнели и умирали. Зажглись первые, дрожащие от робости звёзды. Достигнув горизонта солнце, словно тонущий корабль резко нырнуло. Его прощальные краски подержались ещё с минуту, а затем совсем потухли. Ночь вступила в свои права. Мне стало зябко.

Я стоял на горке и наблюдал закат солнца. Никогда не замечали, за какое время может оно сесть. Оказывается, хватает и двадцати минут.

Мама каждый год ездит на свою родину. Это обычная деревенька с красивым названием Марьино. Сейчас там коренных жителей осталось только две семьи. Зато на лето приезжает много дачников. Деревня в это время оживает и радуется всем своими красивыми уголками и дарами природы.

Вот только за это лето я был здесь три раза. Больше всего мне нравится Катеринина гора. Здесь и заросли орешника, и стройный ряд сосен, и скромный лесок и вообще всё успокаивает, усыпляет. Ведь в деревне такая тишина, какую в городе не услышишь. Естественно, я поинтересовался у мамы: «Почему такое название у горы?»

Мама и сама толком не знает, но зато поведала мне такую историю. Когда-то давно на пригорке стоял маленькая избушка. Жила в ней бабушка Катя. А рядом находился большой дом, в котором в то время жила моя мама. А было ей тогда всего четыре или пять лет. Бабушка Катя знала, что гору называли её именем, хотя никто об этом вслух не говорил. Люди считали, что могут обидеть старушку.

В деревне самым большим праздником считалась Пасха. И вот однажды, когда начал таять снег, соседская девчужка, то есть моя мама,

пошла погулять, да на пути повстречала бабушку Катю.

- Куда это ты, Оленька? - спросила пожилая соседка.

- Да на Катеринину гору, покатай яйца, - ответила Оля. Старушка заулыбалась и спокойно приняла реплику «Катеринина гора». Правда, позже она всё же рассказала эту историю её родителям.

Может быть, сначала и не понятно, но я объясню. На Пасху красят яйца, ну это все знают, а потом собирались ребята со всей деревни и катали эти яйца с горы. У кого самое крепкое яйцо попало? Вот и моя мама встретила в Пасху с этой бабулей.

Сейчас дома этого нет на месте. Ещё тридцать лет назад его сломали. А вот гора осталась, да ещё какая! Она действительно удивительная. Даже закат солнца здесь другой. В городе этого не увидишь.

Первый раз в деревню в это лето я приехал в мае. Ещё издали виднеется цветущая мать-мачехой гора. А вот и лес, правда, он не Катеринин, но рядом с северной стороны находится. Я спустился к опушке этого небольшого лесочка. Тут же надо мной пролетел кто-то мощный и шумный. Я даже голову пригнул от неожиданности. Оказалось это майский жук. Больше я их нигде не встречал, а вот в Марьино - пожалуйста. В прошлый год я поймал одного такого красавца и посадил его в спичечный коробок. Ночевали мы у деда Саши. Так этот жук так сильно скобился, что не только мне не дал спать, но и всем остальным. Особенно сильно ворочался старый дед. Зато я выяснил, что майский жук является обладателем роскошнейших усов. Он может свёртывать и развёртывать их, как веера.

А если пройти дальше в лесок, то можно найти высокие сморчки и широкие с неправильно-округлой шляпкой строчки. Очень интересно, как они растут, да и заметить их сложно. Ведь зелёной травы в лесу ещё мало, только жухлые прошлогодние листья, да свалившиеся сучки.

А вот и первоцветы - сиреневые хохлатки. Они растут из луковицы. Мама выкапывала их, чтобы посадить у нашего дома, но ничего не получилось. Видимо, не понравилось им неродное место.

Второй раз я попал в Марьино в середине июля. Встретили нас с мамой очень радушно, однако не обошлось и без происшествий. Когда мы проходили мимо ульев, на меня набросились пчёлы и сильно покусали. «Это они дом от чужих охраняют», - пояснил мне дед.

Летом всегда тянет на природу. Теперь пришла пора маслят. Стоит только спуститься в левую сторону с Катерининой горы, и сосны как по команде выстроились в ряд. Но в этом году слишком много дачников понаехало. Так что когда я пришёл к соснам, то трава была уже изрядно протоптана. Но всё же среди опавших прошлогодних шишек я нашёл с десяток маслят. Как интересно их собирать. Ведь каждый найденный гриб это маленькое счастье, радость. Вот только чистить масленки не в радость. Они скользкие и когда снимаешь кожицу с шляпки, то она хоть и легко отделяется, но прилипает к пальцам рук.

Ну, а осенью, в золотую пору, просто нельзя не приехать в Марьино. Грибная пора. А вот и мой любимый уголок природы: Катеринина гора. Здесь посреди плоской вершины расположились

орешники. Как и когда они цвели, я не видел. Может быть, просто не яркий и не видный цвет. Но, зато какие вызрели орехи – я знаю. В высоких раскидистых кустах с широкими листьями спрятались семейки орешков фундука. Они растут по три, четыре штуки. Скорлупка ещё свежая, не загубевшая. Отделять их друг от друга не хочется, поэтому я собираю гроздьями, семейками. Потом дома до самой зимы храню несколько орешков.

Я езжу не только в деревню, но и в город. Там у меня живут бабушка и дедушка. Так, когда меня маленького они посылали гулять, я выдал такую фразу: «У вас все дома одинаковые, все серые и многоэтажные. Я дойду до соседнего подъезда и заблужусь».

Наверно, именно в деревне должен быть самый любимый уголок природы. Жалко только, что вымирают у нас такие маленькие деревеньки. Вот едем мы куда-нибудь, а по дороге встречаются они. Только нет дороги зимой к этим деревням, замело. Одна синяя вывеска с каким-нибудь интересным названием, как наше «Марьино». А что будет дальше? Ведь в деревни собираются сейчас летом только дачники. Пока нам ещё есть к кому съездить, а как потом? Неужели забудутся все места, которые дороги сердцу?

ПОДАРОК ПРИРОДЫ

Лёгкие пушистые снежинки ровным слоем ложились и обновляли старый сероватый снег. Температура опустилась чуть ниже нуля, но на улицу идти не хочется. Я отошёл от окна и взял очередной шар. Повертел его в руках, обтёр на всякий случай и повесил на ветку ёлки. Это моё самое любимое время. Скоро Новый год.

Только что раскрыл вторую коробку с игрушками: шишки, сказочные домики, два барабана, колокола и разные зверьки переливаются всеми цветами радуги. Они как будто радуются очередному появлению на свет, а ёлка преобразается просто на виду.

В такое время не может быть на душе «пакостно», ведь наступает самый долгожданный и радостный праздник. Каждый человек – и маленький, и старенький – готовится к нему, каждый получит подарок.

Время от времени я смотрю в окно. Вот проехал с тяжёлым тарактеньем грейдер. Сколько снега отвалил с дороги! Надо расчищать, но это позже. Вот пролетели стайкой синицы. Они облепили картонный домик с кормом. Поочередно заглядывая в него, птицы клюют зерно, отлетают и садятся на бельевую верёвку.

А снег всё падает и падает. Ой, какая красота! Я сначала и не заметил металлическую сетку, которой ограждена малина. Все ячейки рабицы равномерно занесены снегом, а столбы, держащие её, как будто шапки надели.

Я вынул из шкафа самую большую коробку. В ней у нас лежат и ждут своего часа около сорока шаров, изготовленные своими руками. Конфеты любят все и я не исключение. Только съев её я фантик не выкидываю, а кладу в шкаф. За год скапливается их большое количество. Как только начинается осень, вечерами мы вместе с мамой собираем из них пушистые и блестящие шары на ёлку. На один такой шар уходит по двадцать фантиков.

Не могу удержаться и снова подхожу к окну. Снег прекращает падать. Тонкие лучики солнца пробиваются через белёсую муть неба. А вот и наш кот Макалей пробирается домой. Но не по дороге, а осторожно шагая по огороду. Впереди его поджидает куст калины, который растёт у самого забора. Я с удовольствием наблюдаю, как кот начал пролезать между ветвей, сохраняя равновесие. Но как только он коснулся калины, то на него обрушилась снежная лавина. Макалей остановился, но с забора не слез. Он присел и начал трясти головой, а потом резко рванулся вперёд и большими скачками преодолел препятствие. Теперь близко и дорожка, ведущая к дому. Меньше чем через минуту кот заскочил в форточку кухни.

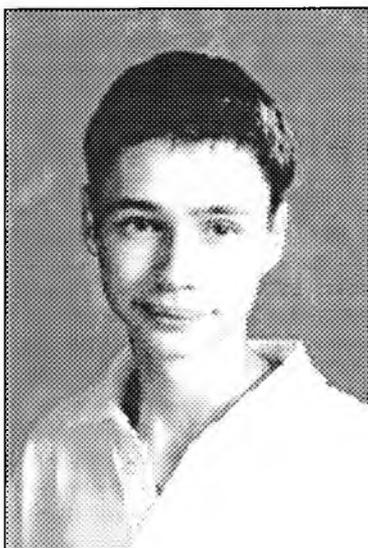
А на ёлку осталось повесить цепь. Это украшение одному мне не под силу, нужна помощь мамы. Новогоднюю цепь собирали мы из блестящей подарочной бумаги двух цветов, а длина её почти десять метров. Немного усердия и ёлка готова.

К обеду солнце поднялось высоко, и в комнату хлынули его золотистые лучи. Новогодняя двухметровая красавица просто засияла волшебным светом.

Под вечер я расчистил снег у дома и отправился с собакой на прогулку. Я шёл по своей улице и не замечал такого чуда: деревья, как деревья, обычные берёзы и тополя. Но как только повернул назад, то понял, что стало как будто светлее. А всё случилось потому, что одна сторона деревьев была занесена снегом. Вчера вечером началась метель и продолжалась всю ночь. В результате одну сторону деревьев залепило липким снегом. Только под утро начал падать лёгкий снежок.

Вечером, перед тем как лечь спать, я думал о том, что наверно, это природа подарила мне этот чудный день. Он получился просто предновогодним праздником. Такие радостные дни бывают и не только зимой. Но может быть, не все это замечают?

АЛЕКСАНДР КРОТОВ (Кустанай) АКСИНЬЯ

Посвящается К.Т.П., чья забота и любовь превышает «страдание и сострадание»...

На подоконнике стоял букет из опавших листьев тополя, таких больших, что они даже и не думали проваливаться в огромную вазу. Их принесла Аксинья. Больничная палата была чиста, как руки матери. В палате стоял запах лекарств - запах, знакомый каждому с рождения, с детства. Стоит его вдохнуть и тут же появляется легкая слабость в ногах.

- И всё же есть в этом букете что-то угнетающее, а что, я до сих пор не могу понять, - упираясь всем своим телом в подушку, говорил Арсений.

- Наверное, то, что они опали, - стараясь не глядеть в глаза Арсению, отвечала Аксинья.

Жизнь пятнадцатилетнего мальчика изменилась, когда он почувствовал, что ноги его не слушаются. Дни проходили мучительно долго. Врачи, уже не зная на что им надеяться, ничего не говорили; а близкие то и дело спрашивали, и как бы ждали ответа, который им хотелось услышать. Мальчик же не поправлялся и лучше ему не становилось.

В палате была тишина. Пауза между Арсением и Аксиньей постепенно переходила в вечность.

- Ну, тогда я приду завтра. Ладно? В это же время. Хорошо? - наконец-то произнесла Аксинья.

- Ты точно придёшь? - подтянув худыми руками больничное одеяло, спросил Арсений.

- Конечно, - слегка смутившись, отвечала ему Аксинья. - Если хочешь, я могу прийти с твоими одноклассниками. Хочешь?

- Нет. Приходи лучше сама. Очень прошу, приходи.

В сердце у Аксиньи защемило, впервые она поняла, что кто-то в ней нуждается,

нуждается в её заботе. Она коснулась губами его бледного лба. Ещё раз сказала, что завтра обязательно придёт, и уже нехотя ушла. Арсений накрылся одеялом, из-под которого торчала только его нестриженная макушка, и, оставленный в полном одиночестве, подумал о подаренном ему поцелуе. И все же, казалось ему, что это не выражение вежливости, а поцелуй, дарованный любимому.

Прошла ещё неделя. Доктора огласили Арсению диагноз, из коего следовало, что «ходить он будет не в силах, но организм молодой и всякое может случиться». В течение этой недели с деревьев опали почти все листья, по которым он больше не сможет пройти. Близкие выплакали все слёзы. А Аксинья всё так же продолжала навещать больного. Она часами сидела с ним в палате и разговаривала, иногда просто молчала оттого, что нечего было сказать, тогда воздух в палате становился особенно тяжёлым, и минуты молчания, казалось, были часами. Каждое посещение заканчивалось поцелуем в лоб, и этого поцелуя он снова ждал после каждого ухода Аксиньи.

Дни становились всё холоднее, ветер бродил сквозь голые ветви деревьев, солнце уже не так часто радовало своим присутствием. Поздняя осень.

Утром пришли два медбрата. Когда медсестра меняла постельное бельё, они должны были перенести Арсения на кушетку. Один из медбратьев, перенося его на кушетку, спросил, не больно ли он взял его ноги, Арсений ответил, что нет. На самом деле он не чувствовал боли, но разве мог медбрат, которого он видел впервые в жизни, знать это? Больничная постель была застелена, новые простыни слегка хрустывали, как будто были только с мороза и пахли морозом. На душе был холод.

Сегодня снова должна была придти Аксинья. Время шло мучительно долго. Он достал из тумбочки яблоко, которое было будто отполированное, и принялся его жевать.

Через некоторое время пришла Аксинья.

- Привет, - сказала она, заодно улыбаясь.

- Привет, - сказал Арсений, улыбнувшись ей в ответ.

- Ну, и как дела?

- Хорошо.

Арсений не знал, что дальше говорить, да и Аксинья была в этом деле не очень мастеровита. «Наверное, стоит спросить, как у неё дела», - думал про себя Арсений. Но спросил он совсем другое:

- А почему ты приходишь ко мне?

- Ты же просил, - после некоторого раздумья ответила Аксинья и покраснела.

- А если бы я не попросил, ты бы стала приходиться?

Аксинья по-детски кивнула головой и ещё больше покраснела.

- Значит дело совсем не в том, что я тебя просил? – продолжал Арсений.

- Значит, не в том.

- А в чём?

Аксинья не отвечала.

- Тебе меня жалко, – ответил он за неё. – Ты думаешь, что ко мне больше никто не будет ходить? А ведь и правда, никто не будет. И всем меня жалко. Мне самому себя бывает жалко. И я бывает, накрою голову подушкой и кричу в неё. Я кричу не от боли в ногах, они у меня давно уже не болят. Но мне больно, очень больно. Не знаю, как объяснить. Я смотрю на тебя и мне хочется любить. Я люблю тебя. Но я, я прикован... Таких не любят, таких жалеют. И когда ты приходила снова и снова, я должен был сказать тебе, что мне больно, больно не стоять перед тобой, а лежать прикованным к кровати. Но за один твой поцелуй я готов был пересилить все муки, и спрашивал, постоянно спрашивал: «Ты придёшь?» - Арсений затих, испугавшись сам того, что сказал, и посмотрел в сторону окна. Около него была Аксинья, она стояла всё время спиной к Арсению и сейчас не поворачивалась.

- Ты вправду думаешь, что я прихожу к тебе ради того, чтобы выделить очередную порцию сочувствия? Глупенький, – она кинулась к Арсению и, задыхаясь, начала целовать его. – Боже мой, какой ты глупенький. Я ведь люблю тебя. Слышишь? Люблю.

Они вместе плакали, и их детские слёзы катились по щекам.

- Может быть, хочешь яблоко? – наконец-то заговорил Арсений, утирая слёзы

- Давай! – сказала она, снова заревев.

Арсений потянулся к тумбочке и сквозь плач закричал:

- Ноги, ноги! О Боже, какая боль!

23.02.2005

АНДРЕЙ

- Ведь я такой же, как все! Такой же, как и вы! Не надо! - бился в слезах Андрей, крича в лица своих недругов...

Андрея растила бабушка. Он жил в обыкновенной пыльной деревне, где по узким улицам вальяжно разгуливают коровы, где мальчишки с раннего детства создают себе кумира, и где сон приходит, стоит только закрыть глаза.

Нельзя сказать, с какого момента всё начало идти не так, как хотелось. И было бы правильно сказать, что всё началось с рождения, но понимание этого к Андрею пришло в третьем классе. Его друг отказался с ним иметь что-либо общее из-за постоянных унижений со стороны

сверстников. Дружба оказалась не так крепка, как того хотелось бы Андрею, и он попал в среду изгоев. Что случилось? Вряд ли он мог понять. Он был такой же, как все: читал те же книги, верил в ту же правду. Он не хотел слышать, что ему в спину кричат: «Маменькин сынок». Да он им и не был. Но это уже не важно...

Было жарко, очень жарко... Солнце достигло пика и уже не грело, а жалило своими лучами. Метровой глубины речушка метрах в пятистах от деревни стала оазисом для жителей деревеньки, опалённой горячим дыханием лета. Улицы были пустынные, собаки прятались в тени, ложились на землю, но везде земля была обжигающей. Андрей сидел на лавке, сбитой из досок старого забора. Под скамейкой, отмахиваясь от чего-то, лежала чёрная одноухая собака. Андрею исполнилось сегодня одиннадцать лет. Настроение было фальшиво-праздничное: такое, когда ты должен улыбаться, а тебе совсем этого не хочется. Андрей наклонился, потрепал пыльную шерсть дворняги и, как бы успокаивая её, сказал:

- Всё хорошо. Тебе ведь хорошо? И мне хорошо. У нас всегда всё будет хо-ро-шо.

- Не иначе сам с собою разговариваешь? – презрительно спросил Тимур, появившись откуда-то с двумя своими друзьями.

- Нет, не с собой. С Жучкой, - отвечал Андрей.

- Да ты, брат, в ботаника превратился, имена живностям приписываешь, - поехидничал Тимур, и его друзья заулыбались.

- Ботаники – это те, кто с цветами работают, а те, кто с животными - зоологи, - набравшись смелости, сказал Андрей.

- Ой, да какая разница биолог, ботаник, зоолог, хоть механик. Ребята возьмём его с нами, покажем... ну, то... за Пашкиной хатой?.. - развернувшись к друзьям, поинтересовался Тимур.

- Ага, - ответили они разом.

- Хочешь, я покажу тебе что-то? - спросил у Андрея Тимур.

- Что покажешь?

- Пойдем, увидишь. Или трусишь?

- Ну, пошли, - сказал Андрей, встал с лавочки и пошёл за Тимуром.

Тимур и его друзья зашли в сад к Пашке, пояснив Андрею, что того неделю не будет дома – он с родителями уехал в город.

- Ну, сад как сад, - сказал Андрей.

- А вон видишь контейнер с дверцами? – спросил Тимур.

- Ну, вижу и что?

- А то, что мы тебя сейчас там закрём, а вечером, когда придём с речки откроем тебя.

- Вы что, сдурели что ли?

Друзья Тимура подхватили его за руки и потащили к контейнеру.

- Ведь я такой же, как все! Такой же, как и вы! Куда вы? Не надо, - бился в слезах Андрей, крича в лица своих недругов...

Андрею всё же удалось выбиться, выбегая из сада, он споткнулся о черенок лопаты и рассёк губу. В крови он прибежал домой. Бабушки не было. Андрей умылся и привёл себя в божеский вид.

Тимур же не собирался униматься. Спустя полчаса к окнам дома, где жил Андрей он за верёвочку притащил Жучку. Его двое друзей привязали к её задним ногам по верёвке и теперь тянули их в разные стороны. Ноги у Жучки раздвигались и она падала. Собака была настолько стара, что даже не лаяла.

Андрей выбежал на крыльцо с палкой, которой они с бабушкой подпирали двери, и ударил ей по руке Тимура. От неожиданности Тимур опешил, а его друзья, выпустив из рук веревки, бросились на Андрея. Повалив его на землю, они начали избивать его ногами. Андрей, прикрывая лицо руками, старался встать, в зажмуренные глаза светило белое пятно солнца. Он услышал бабушкин крик:

- Ах, вы, бисовы дети. Нехристи окаянные. Караул, люди! Андрюшенька!

Меньше чем через неделю синяки сошли.

На седьмой день бабушка зашла в комнату и сказала, что к Андрею гостья. В комнату вошла Жучка.

- Ну не могу же я её не впустить, всю неделю у порога пролежала, - улыбаясь, сказала бабушка.

Жучка подошла, и прямо по-человечески вздохнув, легла возле кровати Андрея.

- Ведь мы не такие, как все. Кто сказал, что это плохо? – тихонечко сказал Андрей Жучке и потрепал её пыльную шерсть.

ЕВГЕНИЯ МАЛИНОВСКАЯ (Вологда) ГЛОБУСЫ БЕСЯТСЯ

глобусы бесятыся

Ритмично бью себя канарейкой по голове.
Она визжит какую-то классическую мелодию,
а я бью себя ею по морде...
И катись оно карманным глобусом
к чертовой матери!

Не отдавайте себя в руки зажженного колокола.
Вьганцовывайте апрельские тезисы,
каждый – в новом платье.
Берегите себя, как умеете:
укрывайте в окопах волось-веточки,
сердце сложите в коробочку и завяжите ленточкой.
что еще ценного есть?
Да ни чертежа, ни схемы, ни диаграммы.
у старых дам еще есть губы,
но они быстро изнашиваются.
И планета пуста,
как ладошка заклейменного обманщика:
линия жизни стерта,
ни колечка нет, ни ногтя сломанного.
Улыбайтесь, господа,
невидимыми улыбками.

белым снегом по свету размазывает
меня держи крепче никому не показывай
заберут ищи свищи вскрикивай
найди по косточке выкопай
'выходи входи всходы свежие
поливай люби пересаживай
на почву новую никому не показывай

я так люблю эту песню заунывную
трель соловьиновую
на пленку магнитную
выслушаю выпишу выпечу
корнями в глуть самую
растаю воду выпитьваю

выбирай из двух пепел сигару дымную
руби на части грей избу старинную
тепло не трать в кулачки вдыхай уйду
не найдешь кричи свищи не найду

и я бегу по липам
стволами ступни прокалываю
и сердце тикает
тиктиктик тикает
ам чувства проглатывает
в дамки вниз головою
бам елизавета на сладкое
дедушка бог с тобою
это не за вами
но ам

выписать драму из околесицы бьтия
в надежде просльпть – навеки –
одной из лучших
разладить колесо мирского
скромно краешек материи теребя
стать на самой вершине кручи
разорвать эти самообразовавшиеся оковы,
любя повседневно и хмуро
выказав разладившуюся поступь,
уосесться главной за круглым королем Артура
распялив угольчатые локти,
заявить остро
"я этот, как его
апостол
и этот, гроза ясновидцев
да, я выгляжу дистрофично и маленького роста я
вы не смотрите, что я из провинции
я вам предсказываю голод»
затем оглядеться зорко
и не скрывая презрения к насупившимся
бессловесным лицам,
удалиться

время:summer

карамель льнет к небу
корабль на мель – слишком пеше
ходишь давай быстрее
еще одно опоздание
лишаешься права на сон
сонм – такое чудесное состояние
уложил парашют раз два пошел

синее небо ковыляет первомайскими открытками
покров розово-нежный как чума чемо-
дан собираю меня как цитрус мятный выжали
умираю в двести грамм шоколадных
водители млеют от жажды
болевого порог повысили
дважды по одной стороне проезжают
кабы не сбили мама-шу
шура, шу! шепотом-шепотом кричи!
видишь, дите в коляске убаякано!
динь ка динька икота молчи
как бело-мор-ное айлюлю за домино
хлоп рыба ааа! на суше высохла
каждый первый день недели – понедельник
что за напасть
каждую пятницу в про-пасть
(моя очередь собаку выгуливать)
счет 1:0 в банке не даст пропасть
что ни ночь, то крытые гули-гули

на-доело! больше нечем угощать!
августа павловна придумала правило
до 23 сумасходите балуйствуйте
в 23 до свиданья – завтра снова здравствуйте
а между – горячие ванны и прочая беллетристика
маня манит (трали-вали о внезапной повальной
клинике)
кому-то везет – вычерчивают на асфальте белым
линии
кто-где я справа замечайте-фотографируйте!
подруга лето в себе возомнила
страшнее наполеона в дурке
не покиньте милую

недетское волшебство

и отрешиться стоит
боже
отмашка и вперед
и не кидай меня
обратно
согни как
ложку
взглядом
переплавь в клубок
алюминиевых нитей
вологодских кружев
треск
об лед
и думается мне, что зевс
мертв
а молнии в небо
кидает моя мама
вот такое кино
такие, милая комната,
листья клена

молитва

он пытается напнать меня –
ходит за мной толпой

бог дай мне сил справится с этой толпой
убей меня боже пастушьим
посохом в спину
считай впотьмах своих овец,
другую скотину
беспозвоночный безмозглый бескровный
во мне – мертвой - живи.
толпу потерявшую горизонт
осиротевшую, обретшую космос – шок
взгромозди на спину
как мешок гостинцев, трофеев, клад.
мощи мои, святой евгении, не трогай,
оставь лежать.

диалог

лик, говорю, на небе мой видел?
нет, говорит.
а луну видел?
видел.
это ты, лёва, лик мой видел.

на ключах от его квартиры скелетик-брелок
в глазницах его уголёк
где он тебе уделит уголок
в какой поставит угол?

пишет пятое подряд полотно
на нем колесо
пятое колесо

каждый раз завершая дело
кричит
вот оно я обрел его
была, мол, только душа стало тело
я стала пятое колесо

присобачь меня к другой телеге, о
пресвятая дева

по спине ходит плеть
это слово ударяет в гонг
это мертвецы –
мои бывшие любовники –
бдят.
барабанная дробь

я могу прокормиться медью
она лежит у моих ног
и пытается заглянуть под подол

он музыкант
он играет на треугольнике
в хоре стоит в третьем ряду
в свободное время пишет песни
тратит папину пенсию
на ерунду
пытается не быть застенчивым
пытается быть трагичным
пытается не быть сътым

за победы считает неудачи
у него все хорошо получается
а папа
кутается в мамину шаль
и плачет

... когда у фифи будут дети
мы оставим ее дом
поселимся где-нибудь под брестом
а фифи уже и молится-то с трудом
так что будете жить здесь
всегда вскорости вдвоем

у меня важное дело
я нашла семя вербы
теперь буду дома
взрачивать веру

но прежде
полью поле горя
однажды я ненароком
просьпала семена белены
на дороге

а он все велосипед с девятого этажа тащит
она на него глаза таращит
слова ему сказать не смеет
он ее имя на разные лады перевирает
она ноет – мама ей сладости покупает
его мама – его на диету сажает –
счастья ему хочет
он какие-то болты у своего велосипеда ворочает
она то хньмет
то жвачкой его угощает
он ее – отвергает
он плот строит
ее прочь от плота прогоняет
женщина, говорит, к беде
плот пускает по воде
сам стоит, наблюдает
она то хньмет
то жвачкой его угощает
он ее – отвергает
кажется, так всегда будет
пока брат сестру не позабудет
пока в другой город не переедет
сестра то хньмет
то брата жвачкой угощает
брат сестру – отвергает

обезьяна-пожирательница чернил
поселись во мне за меня засупись
крепдешин мохер на себя надень
паланин накинь

мне приснилось в чернильнице сонмы варей
о юм едва ли чернила знали
и мы не знали савили кл. яксы
ак вари маериали зовались

становились чернее зеркал и ночи
ах не спас меня всемогущий сварожич
ах не спасла обезьяна
варей не пожрала
мне ночка показала длинной
я все терплю его се нанья
божественное озаренье лебедиво
ю ю мик хлебникова в сумке
всевышний расворился всеу
хотелось вы парить его обраву

МАРИЯ МАНОЙЛОВА (Вологда) СТИХОМ И ПРОЗОЙ УМОЛЯЯ

Колокольный звон затих, лишь вторит эхо,
И скрипач забросил в угол скрипку.
Посижу с тобой, домой не к спеху,
Некому закрыть за мной калитку.

Помолчу, ты слушай эту песню,
Реквием без слов, и так всё ясно.
Чешуя воды покрылась жестью,
Очень жаль, но ты погиб напрасно...

Тот маяк, что освещает дали,
Он свеча, за упокой поставлен.
Я под шалью грусти и печали,
Вечный траур мне тобой доставлен.

Я поко тебе, услышь молитву,
Я приду к тебе, ты подожди немного.
Но не сдамся. Лишь окончив битву,
Я пойму: «Мне не дано иного...»

Кто я тебе? Я просто снег,
Летающий с неба на пальто,
Кружащий медленно, легко,
Забывший этой жизни бег.

Иди к звезде,
Что освещает небосвод
Я просто путь, я поворот,
Я лишь ступенька,
Что ведёт к мечте.

Я не прошу, я не зову,
Я не иду и не беру.
Но я люблю, но я хочу,
Хотя молчу, всю жизнь молчу.

Кто будешь ты?
Ты Тихий океан,
Что топил стаи кораблей,
Чья мощь затмения страшной,
Ты всех пленяющий тиран.

Горят мосты,
Они горят от слёз
Людей, влюбившихся всерьёз,

Проткнувших грудь себе
О верности кресты.

Но ты не зри, ты не гаси,
Но ты не чувствуй, не грусти.
Ты властвуй, ты повелевай.
Ты океан, ты это знай.
(2005)

Есть много дорог заблуждений,
Дорога правды - одна.
Наш мир состоит из сомнений,
Иллюзии давит стена.

И проще всего заслониться,
Сказать то, что хочет другой.
Довольно! Не нужно креститься,
Овраг обойди стороной.

Так проще, как страус в пустыне,
Так легче, в руке пластилин.
Я кукла в театре отныне,
И властвует мной Господин.

Но ниточки вскоре порвутся.
Восстание близко, терпю.
Лишь только куранты проснутся,
Я мат объявлю королю!
(2005)

То лишь Земля -
На этом небе странница.
Она - волчок -
А мне какая разница?
Она - мой дом,
Но это вряд ли скажется,
В неё уйдём,
Уснём, и всё забудется.

Хоть ты Земля,
Но это не существенно,
Я не в долгу,
А значит, все же квиты мы.
Я не прошу,
Сама поймёшь и выполнишь.
Ты - госпожа,
А я твоя наместница.

Кругом земля,
Везде твои владения.
Тобой живу,
Такая вроде гордая,
Но, паразит,
Грызу и не жалею я
Твоей груди
Изрытой, перекопанной.

Терпи, Земля,
Такой удел твой горестный.
Пусти слезу
И дальше продолжай терпеть,
Неси свой крест.
Тебе, увы, никак не помогу.
Я - человек,
Я просто лишь тобой живу.
(2005)

Перестанет плакать дождь по крышам,
 Слезы кончились.
 Улыбнёшься тихо, не услыша
 Нашу летопись.
 «Где твой друг?» - спросят прохожие.
 Отянясь.
 Нет друзей, мы не похожие -
 В лужу жизнь.
 «Где твой друг?» - свербит внутри,
 Прячу взгляд.
 Друга нет - одни нули.
 Шаг назад
 «Где твой друг?» Ответ, как ком,
 Прямо в грудь.
 Он ушёл искать «Потом» -
 Не вернуть.
 «Где твой друг!» - кричит Земля,
 Давя на виски.
 ...Где мой друг? Да он звезда,
 В небо посмотри.

(2005)

БЕЛОСНЕЖКИНА СКАЗКА

Белоснежка идёт по дороге. Холодно, моросит дождь. Капли падают с неба прямо на лицо, в жёлтых пальцах рук дымится сигарета.

«Проходит жизнь, а принца всё нет. Вчера взглянула в зеркало и поняла, что сказки уже не будет. Меня не станет, а ведь никто этого даже не заметит. Хотя нет, заметят. Этот Вади́к, он, наверное, как всегда напьётся до состояния свиньи, влезет на стойку бара, начнёт хрюкать и привизгивать: «Где там моя Белоснежка? Отзовись, милочка! Мне как обычно и побольше!» Затем он разразится смехом, пивное пузо будет истерически трястись, морда покраснеет, потекут вонючие нечистые слёзы... Вот мерзость. Почему я вынуждена терпеть такое? Хотя, это глупый вопрос. «Се ля ви», - любила повторять мама...»

Рука машинально поползла в карман и нашарила ключ, который вскоре также машинально в темноте с первой попытки прошёл в скважину замка, послышался щелчок, дверь отворилась и Белоснежка оказалась дома.

Чтобы не вдаваться в подробности описания комнаты, в которой жила героиня, можно просто представить комнату Раскольникова, в которую плюсом поместили небольшой радиоприёмник, ручную швейную машинку, доставшуюся ещё от матери, и плакат Джулии Робертс с автографом посередине отвратительно-жёлтой стены. «Дом, милый дом».

Время показывало 7 часов утра. Белоснежка растянула молнию своих чёрных лаковых сапожков, оголила ножку, сняла остальные составляющие костюма, бросила на кушетку грязно-белый парик и пошла мыться. Очищать тело, смывать грязь.

Зеркало в ванной в очередной раз иронично укололо самолюбие Белоснежки, показало всю её жалкость и ничёмность. Девушка отвернулась, раздавила ногой показавшегося из укрытия таракана и включила воду.

«Он не придёт. Романы врут, люди лгут, жизнь – жесть. Как жаль, что я не принцесса. Да какая принцесса? Мне бы просто уйти со дна. А этот Игорь Григорьевич, он же намекнул, что из меня вышла бы неплохая жена. Намекнул, расплатился и уехал куда-то.»

Слеза предательски скатилась по щеке и серой капелькой упала на ржавую поверхность ванны. Белоснежка резко направила струю воды на лицо и истерически стала смывать маслянисто-жирный слой макияжа.

«Я не плачу. Бог свидетель, я не плачу, это просто глаза слезятся от яркого света... или от отчаяния?»

Девушка вытерлась, переделалась, расправила кровать, выключила свет, легла, покрепче обняла плюшевого медвежонка и... разревелась.

В баре, как обычно, было полно народу. Размалёванные девки обхаживали пьяненьких мужичков, демонстрируя все свои, так сказать, прелести. Какая-то щетинистая, распухшая от пива «мерзость» подошла к Лолите, пышногрудой длинноногой особе в слегка рваненьких чулках, приобняла её за бывшее подобие талии и, окатив перегаром, спросила: «А Белоснежка то где? Мне бы уже...того...хочется.» Лолита, усмехнувшись и обдав объекта сигаретным дымом, вывернулась из объятий, пожалала плечами и изрекла: «Чёрт её знает. Или принца себе заграничного отыскала, или издохла от голодухи. Не моё это дело. К Шефу с подобными вопросами». Мужичок хмыкнул и влил в себя очередную порцию пивка, издав при этом до жути неприятный звук.

Всё было, как обычно. Всё было, как всегда.

Была она, а, может, не была. Жила она, а, может, не жила. Белоснежка – принцесса из сказок, или шлюха из подворотни? Кто знает?

ПРОСТО НЕ МОГУ

Сию...стены и потолок...кошка на кровати. От неё пахнет тушёной и мылом, но мне наплевать. А ей наплевать на дырку на моём носке. Обменялись любезностями, дырявый носок полетел в кошку. Шипение...теперь мы враги. Как просто можно его себе найти. Ты мне враг, может тебя убить? Ведь именно так поступают с врагами. Дьявол шепчет. «Пусть помучается, сделай смерть долгой.» Ангел по другое плечо переубеждает. «Не делай так, пусть её смерть будет тихой и безболезненной. Просто скрути голову.» Да вы что все с ума сошли?! Не собираюсь я её убивать, что она мне сделала-то? «Она же тебя ненавидит, люто ненавидит всей своей душкой. Разве этого мало?»...не знаю, наверное мало. Если ненавидит, значит имеет такое право, значит я сама виновата, что случилось именно так сама заслужила. «Глупо и необоснованно. Что ты мелешь? Поставь тварь на место или придётся жить под неё. Покажи свою силу или тебя втопчут в грязь!» -два голоса сливаются в один электрический шёпот, затекающий в оба уха одновременно. холодно, больно, страшно, темно...Я боюсь! Я не хочу! Я не могу! Что мне делать? «Ты сама всё знаешь, ты ведь у меня умничка. Ты сможешь, я верю. А я буду с тобой. Я тебя не брошу...Никогда.» -голос стал слащавым, его температура мгновенно поднялась и стала похожа на тёплую манную кашу...запахло мамой...слёзы...Ведь это же её голос, она стоит у моей кровати, а я малышкой лежу и целую её в щёчку перед сном... запах крема! Точно, это же запах крема, которым она каждый день мажется перед сном. Не нужно! Не нужно воспоминаний, я всё сделаю...» Маму в обмен на кошку, кошку в обмен на мышку, мышку в обмен на спички - выпянули душкой! Ха-ха-ха! Ты глупа, ты слаба. Ты сожалешь, ты будешь раскаиваться. Так не считается, я так не играю. Возненавидь её! Ведь она же ещё жалче и ничтожнее чем ты!...но за что? «За её взгляд, разве этого мало? «голос стал похож на змеиное шипение, и я почувствовала, что он знает всё, о чём я думаю. Он видит всю мою жизнь, что нарисована на листке бумаги и спрятана в томике стихов...Голос был прав. Взгляд кошки всегда меня пугал, даже в кошмарных снах я его видела. Он пронзал меня... Кошка ехидно скалясь, запрыгнула на стол и уселась прямо на тетрадь, не дав закончить предложение. её хвост. Он меня раздражает! Зачем она им так нелепо размахивает, возит по страницам? ..мне бы топор...» Правильно! Ты у меня молодец. Пробуди в себе агрессию, прикончи эту мразь, она же тебя изводит. Прямо сейчас сидит и изводит. Да она же сама хочет своей смерти. Ей просто надоело жить! Помоги ей!...а разве так бывает? разве можно не хотеть жить? А как же вон та маленькая звезда на небе? ..разве только ради неё не стоит радоваться каждому мгновению? ..Не понимаю... «Заткнись! Хватит трепать! Действуй, дура, мне надоело с тобой возиться! Ты хочешь и себя, и её мучать?»

Голос

Голос покашливал
 вчера вечером
 такой тоскливый и звонкий
 Голос покачивался
 взлетал на вдохах
 смеялся сам
 говорил что я
 смешная
 Голос переливался всеми своими
 очерченными гранями
 лепетал как ребенок
 Голос медленно перекачивался
 из одного уха в другое

Голос растекался по шее
 тонкой
 теплой
 струйкой
 Голос разлетался в разные
 стороны
 ах как жаль что его не словить ладонью
 не сжать
 не съесть
 Голос был бы со вкусом черного хлеба
 или корицы
 вот наверное правда
 а ты заискришься
 скажешь смешная
 лучше посейся
 расплескай свой голос
 забрызгай меня
 так сладко от черного
Вологда

этот город полный
 окурков и плевков
 мокрой грязи и листьев
 синего неба и коричневых
 штанов
 подделки
 город подделки
 город без лица
 со множеством неорганических
 веяний и масок
 город потерявший свой
 внешний вид
 (чего уж говорить о внутреннем)
 город облачившийся
 в коричневые штаны и
 извалявшийся в грязи
 город выломанных
 окон и
 промокших досок
 город который хранит
 в колючих набережных
 коней
 город неудобства
 город мнимой
 самостоятельности
 город время которого
 склизкое утро четверга

хлеба с корицей

Мой чай горит он негодует
 Он мечется о стенки чашки
 Он слишком страшен
 И на него никто не дует
 Испепеленные чайники
 Глядят озлобленно со дна
 Возьму одним глотком
 И выпью
 Твою такую злую красоту

Время четное полутопленое
 прохладное серо-голубое
 людей почти нет
 почти
 нет
 движения тяжелые и плавные
 как в воде как в воде
 глаза почти закрываются
 от печали
 откуда-то смутные желтые
 звуки
 безвкусные и тоскливые
 и эти купола
 и этот вологодский свист
 и камешки под ногами
 и небо почти потолком
 все топит и топит
 тоска:

ВИКТОРИЯ МАСТЕРЧУК**ДВЕ КАРТИНЫ
 ВОСКРЕСЕНЬЯ**

Буквы расплывались. Я читала очередной сумасшедший рассказ Чарльза Буковски, заматавшись в зеленый плед и иногда утыкаясь в подушку от боли. Спина ныла и читать не хотелось. По телевизору рассказывали что-то про Непал. Я натянула одеяло до ушей с открытого балкона дул февральский ветер.

- Чего это за шампанское стоит, - крикнула Ритка с балкона.

- Дай посмотреть, - сказала мать, лежащая слева от меня.

На балконе послышался звук падающих болтов.

- Ира, где все отвертки? - голос с балкона, рылся грязными руками в инструментах.

Ритка, прыгая, притащила бутылку шампанского.

- Надо будет выпить, - заметила мать, скрипя пружинами. Ритка унесла бутылку на кухню.

- Черт, где эти отвертки, - шумел голос. Я устала в книгу. Выше рука не

поднималась, а боль была просто нелепой. Я укусила губу и дотронулась до спины.

Пришлось медленно встать и прошлепать на кухню, так и не расставаясь с пледом. На кухне я нашла коробку спазмалгона и глотнула горькую таблетку. Запила стаканом воды. Впрочем, тошнило от обоих.

«Ничего больше есть не буду», - подумала я и двинулась в спальню. Все так же говорили про Непал и про отвертки. Я зарылась в подушку и прислушалась. Она чуть скрипела своими холлофайберовыми перьями. Часы тикали, голос бурчал, болты гремели, мать дышала, кто-то настойчиво говорил про Непал.

Вот он мой новенький тренажерчик стоит посреди новой комнаты. Я обошла его и посмотрела на свои ноги в джинсах. Четыре килограмма за 2 недели мой личный рекорд. С этим парнем дело пойдет быстрее. Я одела питерские красные кроссовки, еще не испытанные бегом или физкультурой и села на тренажер. Чего-то не хватает. Медленно поплелась к шкафу и стала выбирать кассеты. Я извлекла черную запись Rolling Stones и вставила в магнитофон. Мик Джаггер завыл I can t get no satisfaction Конечно, ай кэн гет ноу сетисфэксн от размера моих джинсов , - хмыкнула я и шлепнулась на седло. Поза велосипедиста о чем-то напоминала.

О, мое лето. Так яростно я еще никогда не крутила педали. Мы просто орали я, Вика, и Серега - свобода переполняла нас. Мы были равны, не смотря даже на то, что я с Викторией на великах, а Серега на мопеде. Солнце жгло наши спины, волосы разлетались, в ушах шумел ветер и ноги слились с педалями, нашли продолжение в колесах и чувствовали шершавый асфальт.

Я повернула колесо раз, еще и раскрутила его. Черт знает, о чем я тогда думала, просто уставилась в стекло на двери и проигрывала произошедшие события, а Мик все орал cause he doesn t smoke the same cigarettes as me

Кроссовки смачно скрипели, а я то опускала руки, то клала их на колени. Сердце стучало где-то у ушей. Вымытые сегодня утром волосы липли на лоб. Я остановилась и тяжело отдышалась. Огромными шагами я пришла на кухню. Горел свет и голос с балкона жевал свою колбасу, уткнувшись в газету. Сначала я достала стакан, подняла с пола бутылку минералки, смерила взглядом стакан и удалилась с бутылкой в правой руке. В комнате мелодия любимого Manishboy. Я села на кровать, откинула голову и закрыла глаза. Опять лето. Помню, играло то же самое, а я спряталась на веранде, а Серега на жаре мыл свой мопед. Я принесла ему

еще чистой воды в ведре и услышала, как он разговаривает с мопедом.

«И все-таки, он ничего», - подумала я про мопед и про Серегу. Оба были мокрые на красном бачке мопеда капли воды, на лбу Сереги капли пота. Он продолжал тереть колеса, а я уселась на скамейке. »Вот и лето кончается», - прошептала я. Я машинально открыла бутылку и долго пила, не открывая глаз. Потом снова села на тренажер и покатила. Кажется, я снова закрыла глаза. Спина уже не ныла. 7996 показал счетчик

Джинсы прилипли к коже, я задрала майку и вытерла лицо. Протянулась к бутылке и отхлебнула. Я подумала – 7999. Хватит? Подошла к окну, отдернула штору. Эта тошнотворная дымная Вологда тонула в вечере. «Никого», - заметила я. 8000. Вот теперь точно хватит. Как раз моя любимая восьмерка. Встала, отхлебнула минералки и села в кресло. Закончились семь километров, минералка, день... Наверное, весна пришла.

БЕЗ СНЕГА В ГОЛОВЕ

Лед был отвратительный, носки проваливались в него, всюду валялись кусочки снега и темнели пятна земли; коньки разваливаются, неточеные. Народу было мало март уже на горизонте. Ноги разъезжались в стороны, под дубленкой было жарко, а лицо бледнело от ветра. Алексеевна выстроила нас в неровную шеренгу и велела рассчитаться. 13.

- Когда выполняете виражи, левую руку заводите за спину, работаете правой, колени сгибаются еще больше.

Поехали.

А ехать не хотелось. Отсутствие всяких мыслей, координации, хорошего льда, времени убивали.

- А я не катаюсь, просто хожу тут 10 кругов, - слышалось где-то сзади. Это Женька.

- А че, она разрешила?

- Ага, ты просто скажи, что у тебя коньки кретинские.

Я срезала круг наполовину и покатила к Алексеевне. В кадре: лед, Алексеевна, и только одна дорога к ней, а она в белой куртке и снежных перчатках, как будто финиш и я еду к ней, а камера трясется.

- Эээулена Алексеевна, - промямлила я из-за того, что была даже не в курсе того, какое у нее полное имя, - а что, можно просто как женька 10 кругов ходить?

- А чего?

- Да у меня коньки отвратительные, шатаются и тупые еще, - не смотря на нее, сказала я, упершись в снег рядом.

- Да ты их перевяжи, - отчески ответила

Алексеевна.

- Три раза перевязывала.
- Попробуй еще.

Ругаясь на все на свете, я пробрела по мутному снегу и резиновой дорожке в гардероб. Правый шелковый шнурок вконец развязался, намок и стал грязным. Недалеко бродила гардеробщица в холодных ботинках. Пол был весь в воде. В кадре: старые коньки, кусок дубленки и мои мокрые грязные руки.

Я вышла на улицу. В сугробе отыскала чистый снег, растопила его в руках, кое как помыла их и побрела обратно. Небо белосерое. Весна.

Ну что ж, было все-таки чуть получше. Алексеевна стояла на льду и наблюдала за всеми. Обычно все уходят попить пивка. Коньки расшатывались, ноги тяжелели, я скользко дышала и тупо смотрела в пол-лед. Ни одной мысли, ничего того, чем можно развлечь себя во время такой рутины.

Я медленно катилась около Женьки. Справа притормозила Ира.

- Тупо, - промычала Женька.
- А главное быстро, - заметила я.
- Ага, - согласилась Ира.

Послышался запыхавшийся голос Лизки:

- Девчонки, вы помните, какое на вас сейчас белье?

Я подняла голову и оглядела троих.

- Ну да, - протянули мы.
- Хорошо, - Лизка помчалась дальше.

У Женьки на волосах снег. Откуда? Небо чистое, она же не валялась в сугробе.

Мы были в минутном оцепении.

- Ну и чего вы помните?
- Беленькие кружевные, - причмокнула Женька.

- А у меня черное, - улыбнулась Ира.
- А у меня розовое, - странно низким голосом отрезала я и быстро покатила вперед. «Какое еще белье?!» - носилось в голове.

Я катила последний круг, да если честно признаться, срезала его наполовину. Свист Алексеевны заполнил стадион. Закончилось. Ноги сводило, воздуха не хватало, а надо было доехать до наших, со всех сторон они едут к общей цели, отчеканивают лед и у меня своя дорога. Все красные, дышат, кто сидит прямо на снегу, Женька уселась на куртку Еремеева.

В кадре: Женя на куртке, куртка на сугробе. Она загадочно улыбается, сует руку в карман еремеевской куртки, вынимает комья снега, еще и еще (столько не вместится!) потом лезет в свою сумку и вытряхивает оттуда снег У всех на шапках снег (Да нет же сегодня снега с неба, нету) Они стряхивают его, а в ушах тоже снег, Они снимают перчатки и руки все в снегу. У них на ресницах снежинки, а они

улыбаются. Я остановилась. Моргать было больно. Что же это? Где же тогда мой снег? Я оглянулась и все растаяло, весь каток превратился в болото, а сзади меня они хохочут и все просто. А здесь мое болото. В кадре: земля и талый снег. Хриплый мужской голос: «Да ты без снега в голове».

ГОСТИНАЯ (заметки на полях)

Галина Александровна: Всем, всем здравствуйте

Татьяна Ивановна: блестящая, радостная - заметила каким цветом стены в этом помещении а какие в прошлом.

ГА: Автор - Светлана Бажина разговор не в лицо. Бажина будет плакать горячими слезами, что не пришла

Саша: здесь затронуло отношение к внешнему миру. Образ дерева образ камня что она видит то и делает в рифму чувства переданы зрительным рядом

ГА: стихи понятны всем и доходят до ума каждого

(Появляется Вади Смит с Леной Поповой)

ГА: Извините, Татьяна Ивановна, просто народ подошел. Все смотрят сюда (девица слева худенькая, впалая, короткостриженная и Т. И. и ребята в зеленых кофтах и Архипов)

ГА: мне вот хочется эти столы вот так вот сделать как-то. (Хелп в каких-то ковбойских штанах какая-то заморенная, с хвостиком, нос изломан, жилетка)

Артем Бауман: читает c'est la vie

Кирилл: мне чуждо настроение патетика патетика много патетики

Саша Широков: супер супер (Еще 2 зашли)

ГА: Сначала на уровне легко-нелегко, а дальше нужно размышлять, учиться говорить более доказательно Наше думание над тем чего мы не понимаем, нас обогащает

(Старик вошел в салатом пиджаке)

Влад в очках читал Март: дыхание времени но не нашего (кокотливо) ну в общем оба мне стихотворения понравились

Манерный Кирилл читает: Мне часто снятся зори. Не знаю понравилось или не понравилось во всяком случае я здесь не увидел идеи оно не направлено на читателя лирика должна быть понятна хоть и отчасти Многовато действия

(Вади Смит осторожно перебирает пальчики Елены. А мартовский Влад похож на японца взглядом). У Саши Широкова какое-то бисексуальное чтение Светкиного Зверя. Сбивается.

Т. И: Ну это же чтение не для мужчины и поэтому мы сменили актера

Архипов. Телефонная сюита. Читает.

(Архипов: ..звонят:: Т.И. машинально и тихо: звонят. Печально уткнулась в ровную поверхность стола).

Блевать охота от таких взглядов
(А как ГА нежно отставила Смита)

Пушкинская дама напротив качается Идет
рассказ о старухе. Пушкинская глаза
сощурила трет шею волосы белые манжеты
романтичные смотрит в окно оперлась на
правую руку пальцы левой у мочки уха)

ГА: скажите вопрос к автору

(У Андрея Наугольного тонкие ноги
картавый голос, свитер, все стихи сливаются
в одно туманное месиво - стихи точки - не
нравится. А какой смысл выражать мнение?)
Т.И. все так же смотрит в стол и не хлопает.
Надоел, надоел (у раздевалки Смит одевает
Елену) - хлопну дверью. А на улице моросит,
на улице живо, на улице четко и страшно

6.11.2004

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

*...За крыльшки схвативши,
В вино его я бросил,
А сам вино то выпил...*

Стою у киоска, отражаясь в стекле

Отражение красивое, губы блестят помадой,
беретка. Люди ходят спокойно. Я прячусь. Я знаю, что
ты колдун и сыщик, и тебе ничего не стоит заметить
меня из окна магазина. Там ты покупаешь вино, я это
знаю и прячусь, потому что мне тоже нужно купить.
Мороженого. К вину.

Однако пересекаться нам нельзя. Нельзя, чтоб ты
видел мой новый берет, и как губы красиво блестят –
тоже. Год назад ты работал в доме с красной
крышей, ты занимался чем-то, что связано с
прикосновениями пальцев. А я купалась в снегу около
церквей, поэтому штаны у меня были мокрыми, а вся
я – запыхавшейся. Ты рассказывал о своей работе,
прикасался пальцами, и заглядывал за вторую
пуговицу, правда, я этого не замечала. Я написала
тебе стихотворение про Эрота и вино –
лепкомысленно не заметила значение. Так, на губах
вертелись строки...

У меня в руках – голубая коробка с ванильным
пломбиром и фильм Ромео и Джульетта. Сегодня год
как мы встретились. Тогда это было воскресенье.

Как ни в чем не бывало, широко, левой рукой
открываешь мне дверь. Снимаешь беретку.
Улыбаешься. Мы оба ждем. Нашей встречи.

У чилийского вина пластмассовая пробка.
Изловчился, открыл. Я только после заметила еще
одну бутылку, за креслом. Встала на стул, занавесила
аккуратно красной тканью окно, от карниза до
подоконника – красное месиво складок и волн.

Два стеклянных стакана, два вина, нас с тобой
двое. Давай, заводи мотор.

Двумя ложечками зачерпываем мороженое.

Ваниль на вкус оказалась гоголем-моголем. На
мороженом написаны наши имена.

Тихо сидим.

С мечом в руках - о мире говорить?

Мне даже слово это ненавистно.
Как ад, как все Монтеки, как ты сам!
Трус, начинай!

То, что стаяло по краям ларчика с лакомством – у
нас в уголках губ.

За час до той поры, как солнца луч
Взглянул в окно востока золотое,
Пошел пройтись я, чтоб развеять грусть,

И вот, в тенистой роще сикомор,
Что тянется от города на запад,
Увидел сына вашего, синьора.
Пошел к нему я. Он меня заметил
И скрылся от меня в лесной глуши.

Итальянское вино более терпкое. «Для лучшего
диалога культур» - говоришь, подливая. «Я ничего в
винах не понимаю», - добавляешь.

Мы неаккуратные, вино у нас стекает по стенкам
стаканов и капли на наших руках. Ладони мои на
твоих щеках, на ладонях моих вино.

И течет оно тонкой струйкой по губам.

Чувствую, что вино меня развязало.

Имя твое повторяю. Вино.

Стрелой его я ранен слишком сильно,
Чтоб на крылах парить, и связан так,
Что мне моей тоски не перепрыгнуть.
Любовь, как груз, пнетет меня к земле.

Иди ко мне, ну иди ко мне.

Прекраснейшие в небе две звезды,
Принуждены на время отлучиться,
Глазам ее свое моленье шлют -
Сиять за них, пока они вернутся.
Но будь ее глаза на небесах,
А звезды на ее лице останься, -
Затмил бы звезды блеск ее ланит,
Как свет дневной лампаду затмевает;
Глаза же ее с небес струили б в воздух
Такие лучезарные потоки,
Что птицы бы запели, в ночь не веря.

Я слышу, где-то далеко, пришел гость. Но наша
дверь заперта, мы глубоко в одеялах, гость один. Кот
тоже за дверью. Тибальт и Меркуцио что-то говорят, я
помню, как наизусть, их слова, и мне они как залог
того, что будет еще вечно глубокая теплота одеял,
глубокая теплота наших губ.

Стакан вина стоит на полу, пополняется
неведомой рукой, течет по подбородку.

Мальчишка, это извинить не может

Обид, тобою нанесенных мне.

Сейчас вернись и обнажи свой меч.

Я лежу и смотрю вверх ногами на полоску света,
что пробивается на пол из-за красной ткани. Сначала
она голубая, мне спокойно. Синяя. Синее. Смотрю на
вечерние часы. И понимаю, что по цифрам ничего бы
не поняла.

Меркуцио, близкий герцогскому дому,
Мой лучший друг, - и что ж,

смертельно ранен

Из-за меня! Тибальтом честь моя

Поругана! Тибальтом - тем, с которым

Я породнился час тому назад!
 Моя Джульетта, красота твоя
 Женоподобным сделала меня
 И чести сталь в душе моей смягчила!

Где-то в складках одеяла, где-то в этой комнате, что пропиталась красным варевом и шекспировскими фразами, затерялся ларчик мороженого. Ладони мои забираются туда, черпают сладкую прохладную жижу

Господи, мы пьяные И на спину тебе. Облизываю пальцы. Гоголь-моголь. И на шею тебе. Он, видимо, стекает, но я не знаю.

Нам надо вымыться, мы все в мороженом, фильм еще идет, но бутылки уже пусты.

Недоумеваю.

Не чувствую совсем воды.

Вижу себя в зеркало. Обмотана одеялом.

Стыдно немного. Спонтанно. Кружусь. Итальянское, чилийское пляшут. Позже гость вернулся.

Стою, уткнувшись лбом в голубую стену коридора, который заканчивается кухней. На кухне за столом сидит гость. Я, завернутая в одеяло, едва пальцами придерживаю, волосы светлые на фоне обоев, тихо так

«Ты извини, пожалуйста, нас... Мне стыдно. Но что поделать... Год назад мы встретились...»

НА МОРЕ ХОЧЕТСЯ ЕСТЬ

Ей восемь, у нее косичка светлая. За окном слышно, как дети кричат и как трава шумит. Этот домик из пары картонных стенок принадлежит кудрявому старику, вон там его кровать, а здесь кровать его внучки. Внучка, эта темноволосая девчонка, старше ее, она приезжает сюда каждый год к деду, на море. У кровати зеркало, а тумбочка запечатана наклейками. Она думает, что хорошо вот так, как эта девчонка, приезжать к деду, который вечно чем-то своим занят. А девчонка всех местных парней знает. Она гуляет допоздна по этому деревенскому курорту, она загорелая, она горланистая. За забором этого курорта другой курорт начинается, там качели есть во дворах и дома все одноэтажные. Однажды вечером там устроили большой костер. Его было видно с длинного коридора-балкона, на втором этаже, и все пришли туда смотреть, как горит костер. Между курортов пыльная дорога, и местные старухи ездят по ней на велосипедах, а дальше рынок, тем лотки и жвачки по пятьдесят копеек. Потом озеро, а потом море. В озере плавали медузы, их было видно с моста.

Девчонка гордится своими наклейками, наматывает волосы на палец, качает ногой. Тут все ее, она чувствует себя хозяйкой. Рассказывает, как на пляже целое лето лежит.

А она не может от нее уйти, уйти из домика. Ей скучно на море. А это славная девчонка, думает она, взрослая и классная. Гуляет целый день с нею, а теперь пригласила к себе. Она смотрит через тонкое окно и сетку на окне на двухэтажный дом, там, где они в комнате живут с родителями. Там у лестницы, на стене, большой дельфин нарисован голубой краской. Девчонка парней разных знает, она с ними на качелях качается по вечерам, когда уже комары повсюду.

Ложиться спать очень неприятно. Жарко, когда закрывают все форточки, а если не закрывать, налетят комары. Голыми ногами шлепать по полу комнаты, пока мама не сделает замечание. Стены желтоватые и лампочка без люстры, покачивается, оставляет круги в глазах, когда закроешь, и мутное что-то по полку ползает. А потом засыпать в постели, прикрываясь одеялом, что мама взяла сюда – бордовое, шерстяное, или простыней. Тут же спят папа и сестра.

Засыпать непонятно, потому что скучно, потому что не поболтать, папа ерзает на кровати, жарко, потом папа захрапит, или где-нибудь включают Анжелику Варум. А утром заново, как и с вечера – умываться идти далеко, через забор, туалет какой-то дурацкий, и это все с мамой, повесив полотенце на плечо, ждать своей очереди. Завтраки в столовой пропускали, потому что вставали поздно, зато в два – обед. Большое помещение и гул, и гречка с тарелки сваливается, а однажды она угодила кончиком косички в куриный суп. Когда косичка высохла, то стала жутко пахнуть, а она брала ее и нюхала, и морщилась.

- За обед мы заплатили, говорила мама, - и поэтому ты должна все съесть. Гречку можно было кинуть на пол, и никто бы не заметил. Булки давали. В компоте плавали разваренные яблоки.

Она не помнит, как она жила не на море. Она тоже болтает ногами, сидя на стуле в домике девчонки, чей дедушка тут всем заведует. Болтает ногами, раздирает царапину на колене и нюхает кончик косички. Не на море это еще близко, зато дома – не представить. Или зиму, школу, колготки. А сейчас на ногах сандалии какие-то. Парни всякие взрослые, нахальные, играют в волейбол во дворе дома с дельфином, кричат. В кармане фиолетовых шорт еще три рубля – бабушка дала, когда на море уезжали.

На песке растут колючки. В песке раковины, у мамы купальник коричневый. Далеко не заплывай, говорит мама. Сестра чуть не утонула, ее кто-то за ноги вытащил. Там дно не ровное, там яма. Кажется, что совсем неглубоко, а если пройти еще немного, то резко яма. Ветер волосы

треплет, вода холодная. Она закопала руки в песок, тут рядом брат двоюродный худой, у него ноги тонкие и кепка желтая. Он тоже наглый, кричит все время что-то. Папа купил на рынке зеленый виноград. В винограде косточки. Хочется в песок что-нибудь зарыть. Ей охота тоже лифчик носить, только не на что, и поэтому она без лифчика. Смотрит на свои соски и немного ей не по себе.

Они вдвоем вышли на лавке сидеть, семечки девчонка достала. Прибежали темнокожие чумазые дети с косыми глазами, у них сандалии рваные, и в руках булки. У одной мелкой чумазой из кармана платяца торчит кусок хлеба. Недалеко от лавки какие-то железяки, там можно спрятаться. Родители куда-то подевались, а ей не хочется идти домой, ей приятно быть рядом с классной девчонкой, она ногами болтает, в землю смотрит.

Папа потом пришел. Оказывается, был обед. Она забыла. Она забылась совсем. Вспомнила потом про детей чумазых с горбушками черного хлеба и удивилась, как же она не сообразила, что обед. Может, есть не хотелось? Может, мама не позвала? Они ее, наверное, искали, а она в домике была у главного деда. Папа спрашивает, а она молчит. Что ей ответить? Двоюродный брат прибежал, он задорный, смотрит, что кто-то провинился. Папа сказал, что раз уж она такая неотвечественная – они же деньги платили за обеды – то пусть тогда день вообще ничего не ест. Раз не хотелось ей кушать. Пусть тогда вот совсем не ест, и всем он скажет, чтоб никто ей ничего не давал. Он надулса от волнения, он ее искал, а она забылась.

Девчонка говорит, ну и что, что ты расстраиваешься, я тебе дам хлеба с маслом и сахаром и с медом. Да ну их.

Она сидит и все вспоминает детей чумазых, какая же она непонятливая, как же это так забыла. Они ее искали. На море скучно, она не умеет плавать. Здесь все пьют вино и слушают Анжелику Варум. Она ждет, когда девчонка предложит ей хлеба с маслом и с сахаром, она прямо видит этот кусок черного хлеба и как сахаринки попадают в маленькие хлебные норы. Нет, она не голодна. Это другой голод, голод от наказания. Но девчонка все свои слова позабыла, девчонка не понимает, как это важно для нее.

Она пытается себя приободрить. Ну и ладно, зато есть три рубля, пойду на рынок, куплю себе чего-нибудь. Как раз на шесть жвачек. Все остальное дорогое. Шесть жвачек, а голод еще сильнее. Ветер дует со стороны моря, она вдыхает кончик своей

косички, ветер поднимает пыль дороги, торговли уезжают на велосипедах – вечереет.

Сюда же приехала подруга тети, они все вместе живут, только на другом конце второго этажа, там, откуда было видно костер. Подруга молодая, но толстая, она красится сильно, ее Таня зовут. Тане тоже нечего делать в общем, она красится и прихорашивается для парней. Таня на них поглядывает, купальник у нее желтый – правда, закрытый – она, наверное, хочет завести курортный роман. Папа и ее тоже оповестил о пропущенном обеде. И велел ей никакой еды не давать. К Тане она пришла. Таня взрослая, а ей восемь, поэтому ей немного неудобно себя рядом с ней чувствовать, а Тане тоже. Они играют в карты. Козырь – пики. У нее – валет пик. Таня говорит, что она жульничает. У Тани на столе банка меду, из банки торчит ложка. По краям банки налип мед, и если бы просто пальчиком это зачерпнуть, хотя бы чуть-чуть, это была бы маленькая победа. Она пытается невзначай взяться за ложку, но Таня ее останавливает. Э нет, я знаю, что ты не была на обеде, и папа мне все сказал. Тане наплевать, правда это или нет, и надо ли так, она только и думает, что о мужчинах. Она знает, что Тане с ней скучно, потому что она не очень веселая, и уже не просто маленький милый ребенок, - ей восемь. И Таня сказала, что она жульничает.

На балконе дует ветер, парни играют в футбол. Видно, что девчонка с темными волосами качается на качелях с другими девчонками, они все старше. Им, наверное, тринадцать. Там, где море, там синие тучи. Однажды они ходили ночью на море, смотрели, как у берега на песке блестят и переливаются жучки, фосфоресцируют. Тогда на море никого не было, и не было видно, где вода, а где песок. Волна приплывала на берег, и в тот самый момент, когда она замирала, чтобы вернуться, начинали блестеть и переливаться бирюзовым цветом жучки. Вдалеке играла музыка с дискотеки. Она промочила кроссовки. Это были не ее кроссовки, а чьи-то, то есть их ей отдали, она их не любила. Мама потом ругалась, когда ложились спать, что кроссовки мокрые, и не в чем будет ходить завтра, если они не высохнут. Поздно было уже, и дельфина не разглядеть было в темноте.

А ей хочется есть. Может быть, уже и по-настоящему, а может, из-за обиды. Она стоит на балконе и смотрит туда, куда уходят синие тучи, и еле-еле представляет то, что сейчас так далеко от моря. Школа, например, колготки теплые, зимние. Еще вспоминает Таню, дядю своего вечно веселого, он ей

тоже еды не даст, они все заодно. Папин брат, наверное, думает, что она и не расстроилась вовсе, что тут на море весело и есть чем заняться, и друзья разные у нее есть – вот, например, эта девчонка, внучка деда, который дешево сдает комнаты. Дядя думает, что приободряет ее своей улыбкой. И вообще, что некогда тут думать о еде. А может быть, он совсем о ней не думает. Ей кажется, что никто о ней не думает. У нее еще одна жвачка в кармане осталась. С наклейкой.

ДАША МИНЕНКОВА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ПОВЕРЬ

Город

С недавних пор проснулось чувство
Невольной близости к нему.
Я выхожу, встречаю воздух
И взглядом чую глубину
Бездонной плотной сероты...
Я счастлива: со мною ты.

На серое простое небо
Смотрю сквозь кружево ветвей.
Прозрачна сетка в свете белом –
Стремлюсь смотреть так на людей,
Но лишь с тобой наедине
Могу раскрыть себя вполне.

Мой город, ты спокоен, кроток,
И в однобокости домов
Мелькает встреча новых суток
Опять с тобой, опять без снов.
И, слава Богу!..

Кривой асфальт, побитость улиц –
Ничто не горделиво в нем,
Как есть сейчас, так пусть и будет,
Гори лишь внутренним огнем.
Закрыв глаза, я вся в себе,
Открыв, – ты знаешь обо мне.

И каждый штрих тебе родной,
И я родной быть рада тоже.
Я не построю жизнь с тобой:
Повторных кадров быть не может.
Мои мелодии признанья
Ложатся фоном созерцанья...

МУЗЫКА ГОРОДА

Музыка города – импровизация
В той тональности мерной бессмыслицы.
Что где-то движется? Где что-то замерло?
Жди безответной и вечной реакции.

Гул обгоняющих время автобусов,
Топот погруженных в мысли людей,
Ропот листвы на высотах спокойствия –
О безответности ты не жалеи.

Город поймет тебя: он знает каждого.
Он не ответит на вечный вопрос,
Он окунет в неизбежности музыки –
Ты теперь страдающий бури матрос.

Где ты найдешь её? Что будет
ждать тебя? –
Снова ты вряд ли получишь ответ.
Часть той бессмыслицы, часть мироздания,
Ты неизбежно оставишь свой след
В музыке города...

В суровом мире, в старый век,
Изношенный, но «новомодный»,
Живет чудесный человек –
Ценитель судеб непокорных.
В завидном чтенье трех миров –
Былом, текущем и грядущем –
Проходит время; мир его
Уже не учит – он мир учит.
И в сочетанье непростом,
И усердно и не уставая,
Творят и властность, и добро,
Границы разума стирая.

Лучом проникнув в чей-то ум,
Остроконечным, но не колким,
Осветит верный путь ему,
Направив в сети правды тонкой.
Сколь ни проходит в мире лет,
Нещадно кроющих свободу,
Живет чудесный человек –
А он свободен от природы.
И, благодарности внимая,
Надеюсь, чувствует тепло
Признательности, понимает,
Насколько дорог свет его...

ДАРЬЯ МИНЕНКОВА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ПОВЕРЬ

Эта история приключилась с нами, когда мне было девять, а брату Алешке семь лет. А кажется, что это было куда как раньше - столько сказочного мы повидали!

Мы жили в тихом городке, не большом и не маленьком, но очень родном. Все свое детство я помню именно в той квартире, где прожила до семнадцати лет, пока не уехала учиться в другой город. Думаю, Алешка тоже не помнит ничего путного раньше тех лет, как мы переехали на улицу М.

Мебель в квартире была не новая, обтертая нашими бабушкой и дедушкой, которые до нас жили здесь, а затем переехали. Самая ранняя новая вещь на моей памяти - это тумбочка под телевизор, привезенная родителями из важного города Санкт-Петербурга. Причем я упорно не хотела верить в покутку этой самой отныне модной вещи, мне непременно надо было знать, что ее нам кто-то отдал, а родители из славного города привезли кое-что во много раз интереснее. Но интереснее ничего не нашлось, поэтому я подолгу украдкой всматривалась в белую наклейку «SONY» и в стеклянные дверцы, надеясь обнаружить за ними не кассеты с нарастающим слоем пыли, а что-то необыкновенное для детей в этой квартире.

В одно воскресное утро мы с Алешкой опять обзывались, я разозлилась и спрятала его зубную щетку в стиральную машинку. Пусть бы поискал! Я кричала на него «дурак», он на меня - «плохая девка» (самое страшное ругательство!). Маме надоело слушать вопли, она ушла в другую комнату, а когда мы замолкли, за обедом она шепнула нам заглянуть под тумбочку. Ту самую, что под телевизором в большой комнате.

Ну, мы и заглянули. А что молло быть под тумбочкой? Там было письмо. Без конверта, коротенькое такое. Внизу потешный рисунок и подпись «ВАШ НОВЫЙ ДРУГ ТАТИК». А остальное мы как-то не решались читать.

- Наверное, кто-то пишет вам из Чудесного Леса, - сказала мама так, словно всегда про Лес знала, и у нее там была куча знакомых. - А ну-ка, посмотрим!

Она взяла письмо и прочла.

С нами знакомство заводил чудесный гном - он нам с Лехой сразу понравился. Откуда он появился? Да все очень просто! Гномы недавно вернулись в свой Лес из далекого и трудного похода, очень устали, но он, Татик, сразу сходил на разведку: не живут ли в знакомой квартире новые детки? Оказалось, мы вот живем. «Как я обрадовался тогда, усталость как рукой сняло!» - писал Татик. Ну, а еще он ждал письма от нас - мы с Лешкой сразу сели строчить.

А когда закончили, вместе с мамой совершили обряд: держась за разные уголки конверта, засунули письмо под тумбочку. (А ведь я в ней не ошиблась!)

Мне казалось, что Татик будет приходить за посылкой ночью, поэтому я (и Лешка, наверное, тоже) постоянно заглядывала вниз под тумбочку, поправляла письмо, чтоб лежало ровненько. Я знала, что сейчас сказка отдыхает, а вот ночью. Но иногда, очень редко, наши письма исчезали днем - это означало, что чудо есть всегда и везде. И мы с Лешкой тайно радовались этому.

В Чудесный Лес прибывали все новые отряды и отрядики, группы и группочки гномов. Доносились звуки топоров, бодрые разговоры и радостные всплески воспоминаний.

- Помнишь, мы тя напугали у этого дерева, - кричал один.

- Да это же тот самый пень-передышка! Ну-ка, сяду, передохну! - доносилось с другого конца.

Татик уже срубил себе избушечку и вносил туда инструменты, когда подбежал Лелик.

- Привет, Татито! Все трудишься? Быстренько ты управился! Что там с детишками?

- А, привет! Да, почти вот готово. Закончу - твоему семейству помогу. А с ребятами по-рядок, как раз собирался почту посмотреть. Ай да со мной!

- А это мыслы!

И гномы отправились в глубь Леса, окунаясь в мягкую синеву.

Утром я увидела, как Лешка, заспанный, в белой майке до колен, присев на корточки, засовывает руку под заветную тумбочку. Я ревниво подбежала и уставилась в глаза.

- Ну, что там?

- Письмо и... - Лешкино лицо расплылось в восторге, мне тут же передалось это выражение. - Ого!

Леха вытащи из-под тумбочки огромную шишку! Никогда таких не видела! Татик в письме благодарил за очередной наш ответ и присылал вот этот дар из Леса. Шишка называлась кедровой, ее нужно было замочить в воде, а потом вытащить орешки. С каким наслаждением мы их выколульвали! Спасибо Татику. Так завязалась нескудная переписка с подарочками. Мы посылали друг другу письма, а вместе с ними - конфетки или печенье.

Татик написал однажды, что хотел бы увидеть, как Лешка пишет прописными буквами (он ведь все письма Татику посылал печатными), и брат теперь выводил свои загогулины раза в два дольше, но старательно.

На следующий день мы получили от Татика письмо без подарка. Сначала расстроились, под тумбочкой все оцупали, но когда развернули письмо, все поняли: Татик послал нам фантик от конфеты, но не просто фантик - на оранжевом фоне в цветочках была изображена его корова Буренка! «Я только что купил ее и спешил порадовать вас, поэтому, извините, ничего больше не передаю с письмом», - читали мы.

- Да ладно, Татик, у тебя ведь друг появился. Корова! - воскликнул Лешка.

«Да, это здорово. Теперь наш гном будет с молоком и творогом», - подумалось мне.

- Катька, а я ему телегу смастерю! Раз у него теперь корова есть.

- А я шарфик свяжу! Зима ведь скоро.

- Вот и славно, - улыбнулась из двери мама, - а сейчас за стол! Я вас уже третий раз зову.

- Какой подарочек своевременный мне Катенька сделала! - говорил Татик своей Буренке, заматывая поплотнее белый шарфик вокруг шеи, - зима-то нам на пятки наступает, Буренушка! Давай-ка, запрягу я тебя в Алешкину телегу - ой, хорош мастер! - да и двинемся к детишкам.

Татик со своими товарищами отправлялись в ночную смену. Надо сказать, что работка у гномов была нелегкая. Поскольку они были особыми гномами - гномами сна - они часто выходили по ночам добывать трудные отрезки сновидений у ребятешек. А днем так обрабатывали сны, что в следующую ночь дети сами преодолевали свои страхи и неприятности. Попадались и особо трудные кадры, которые повторялись от ночи к ночи. Тут секретного воздействия не хватало. Поэтому гномы выдумали переписку с ребятами - вот, как с Алешей и Катюшей, которым уже пора было прислать новое письмо.

- Лешка, спишь? - спросила я, свешиваясь с верхней полки.

- Не-а!

- Давай ему вместе напишем, а?

- Давай!

Мы сбросили одеяла и подбежали тихонько к столу. В комнате было темно, так как зима и утро, но одна новость, которая все эти признаки превращала в радости дня - был

выходной. А в выходные нужно было как можно раньше встать.

Заразились общей тайной: стали гулять вместе, болтать в кроватях перед сном. Ну, и засыпали, соответственно, с отличным настроением.

А однажды Лешка мне шепнул, что они ушли. Я не очень-то поняла, кто они, но, кажется, что-то перестало ему сниться плохое. «Ну, и слава Богу! Не вспоминай больше», - посоветовала я. А в глазах у него вспыхнул огонек прямо рыцарской смелости. «Как будто сражался с ними», - подумала я.

И тут он выдал:

- Больше не слепка мне умереть от жизни, потому что у меня есть вон чего!

Сказано было сильно. Я оторопела. Леха стоял с поднятым вверх пальцем и, кажется, что-то держал.

- Ой, покажи! Что там у тебя? - подбежала я с любопытством.

Лешка раскрыл ладошку - там лежал карандаш.

- Это я под подушкой нашел, - тихо проговорил он, будто делился со мной тайной.

А для нас с недавних пор словечко «под» было волшебное, от него сказкой веяло, где бы оно ни прозвучало. Поэтому я тоже насторожилась.

- И чего ты будешь делать? Ну, с этим, - я кивнула на карандаш, боясь назвать эту вещь обычным именем.

Лешка, не отвечая, подбежал к столу и застрочил карандашиком по бумаге. Долго сидел, почти целый день, не считая, там, покушать, мультики посмотреть.

- Слушай, завтра ведь у папы День Рождения! - вспомнила я вечером, когда мы уже лежали в кроватях.

- Да-а, - протянул брат и больше ни слова, тут же засопел.

Лешка преподнес папе замечательный подарок он написал историю про белого медвежонка, который попал от «злых людей» к индейцам, которые потом увезли его на санях в город, где он на поводке таскал за чем-то доски. Написал тем самым карандашиком, что из-под подушки. Целый день крутились возле забавного рассказа: и утром прочли, и днем для бабушки, и вечером за праздничным столом.

А Татик оказывается, тоже слышал. Он в письме говорил, что вместе с друзьями сидели и хохотали за вечерним чайком, Лешку поздравляли. А Буренка-то как расхваливала рассказ про неведомого ей зверя!

Ох, какие мы теперь длиннющие письма писали! Вернее, письмо-то одно, мы больше порознь Татику не писали. Зато обо всем расскажем подробно, друг друга дополним.

В школе ни я, ни Лешка уже не могли молчать о Волшебном Лесе. Одна моя одноклассница тоже послала гномикам письмо, но почему-то ответа не получила. «Так ты, наверное, место не то выбрала!» - догадалась я. «Тогда ты, Катя, передай им вот что», - и Лена достала из портфеля книжку с засушенным сиреневым цветочком. «Это я на юге нашла. Он так пахнет вкусно, пусть у себя посадят, в Волшебном Лесу должен вырасти», - и она протянула мне книгу, краснея. «Конечно, вырастет! Только не сразу», - воскликнула я и обещала все сделать.

Вообще про Татика любили слушать, это ведь не какие-то там выдумки, а настоящая сказка! Бывало, мы с подружками собирались в кружок и обсуждали, что там за домики, посуда, деревья. А мальчишки в Лешкином первом классе вырезали из картона солдат-гномиков. Ну и потешные попадались!

- Тревога! Тревога! Всем собраться на Грибной Поляне! Тревога!

Через несколько минут Поляна пестрела, копошилась и разговаривала. Все уже знали о беде: дети боялись расставаться со своими кошмарами. Нужно было срочно

принять решение. Впрочем, его не трудно было угадать, труднее воплотить. Набирали усиленную бригаду для переписки с ребятами. Бригадиром по большинству голосов назначили Татика. Прибавилось ему теперь работы.

- Катерину с Апешенькой придется оставить, - с тоской шепнул Татик своей Буренке, воротившись после первого дня работы на новой должности и выгружая из телеги непослушные сны.

А вскоре выяснилось, что и Чудесный Лес до поры до времени тоже надо покинуть.

- Эх, только обосновались в родном краю! - горько воскликнул Лелик, провожая взглядом вереницу телег, идущих из Леса, - где ж Татик запропастился?

- Да здесь я уже, - окликнул Лелика грустный голос сзади. Тот, оттянувшись и увидя понурюю голову друга и в руке красочный конверт от ребятешек, ободрительно похлопал его по плечу.

- Всегда больно расставаться с друзьями, - проговорил Татик - но нас ждут другие ребята, и им сейчас нужна помощь. А этот дом я навсегда запомню: не одно поколение выросло со мною в нем. Помнишь мальчугана Павлика? А красавицу Сашеньку? Да что я! Конечно, помнишь. Память - это ведь главный дар Чудесного Леса. И ребята мои запомнят, - совсем тихо закончил Татик.

- Да что ты, друг, помни и ты! Восточный ветер еще обязательно подует!

И Лелик Татик и Буренка зашагали по Желтой дороге за своими товарищами.

«Здравствуйте, мои дорогие!

Наконец-то я написал вам. Столько дел появилось в нашем Чудесном Лесу!

Катенька, что бы мы делали без твоих песен! Ты так замечательно поешь по вечерам, что мы перестали устраивать концерты, сядем рядком и тебя слушаем. Ты, главное, за песней уроки не ленись делать.

А от тебя, Лешенька, ждем новых рассказов. О чем поведаешь та нам на этот раз?

Славные мои друзья, мы с Буренкой иногда вместе читаем ваши письма, иногда я ей рассказываю о вас. Она хоть и не знает вас, а помнит. И так ей радостно, когда я ваши имена произношу! Она вас любит. Видите, совсем не обязательно знать друг друга в лицо, чтобы любить, главное - помнить.

А у вас, наверное, отличная память. Попытайтесь-ка вспомнить, сколько дней назад мы с вами познакомились? А теперь сложите это в недели. Пока считаете, напоминайте, о чем были письма, какие больше всего обрадовали, что писали в ответ? Чем больше мелочей вспомните, тем лучше.

Ну, теперь вам есть, чем заняться! Уверен, справитесь!

Ваш старый друг, Татик»

Мы с Лешкой долго-долго, прочитав письмо, считали дни, сначала наперегонки, потом углублялись в воспоминания и забывали об игре. Хохотали, прыгали, кричали. А потом вдруг сели вместе на диван.

- Леш, - посмотрела я на письмо, - а почерк мамин...

Все умолкло. Мы не обижались на родителей, Татик повис во времени. Он не был настоящим, он не был и выдуманным. Отныне он просто существовал как воспоминание.

ИВАН МУХИН (Вологда)

П О К Р О В С К О Е

Впервые я побывал в Покровском еще в начале лета 2004 года со школьным экологическим лагерем. Мы приезжали туда на сутки с ночевкой. Почти поход: спальники, костровая еда. Там познакомились с «лидерцами» - людьми, регулярно обретающимися в усадьбе. Напросился съездить второй раз в конце августа... Но так уж получилось, что я поехал отдыхать в другой лагерь, отказавшись от поездки в усадьбу, не успев лично извиниться перед экспедицией. И еще в Вологде думал о том, что «Единство» и Покровское разделяют лишь восемь километров. Проверил по карте. А в лагере нашли еще желающие хоть ненадолго получить свободу - неприятно, когда со всех сторон решетки...

Мы, трое друзей, решили договориться с вожатыми, благо, с ними легко было найти общий язык. Выбрали день, когда с утра была хорошая погода. Сразу после обеда сообщив всем, что мы на информатике, и, честно отсидев там сорок минут, решили выдвигаться. По лагерю прошли, не привлекая лишнего внимания. Дальше - по знакомой нам, биологам, тропке через баню, заброшенную часть карьера, за Комелу и дальше по направлению, которое мне на экскурсии указал Александр Юрьевич.

Он описал дорогу так. Сначала по грунтовке, нигде не сворачивая, затем по асфальтовой дороге еще километра три. Найдя начало пути, мы бодро зашагали через поле. Шли, болтали ни о чем, шутили. Странные траншеи и вагончики кто-то обозвал базой американских ВВС. Эта шутка пристала к нам на всю дорогу.

Полевые тропы совсем не похожи на городские улицы. Идти по ним «не сворачивая» довольно сложно. Первая развилка нам встретилась уже метров через пятьсот. Затем мы уже не обращали на них внимания, выбирая из двух дорог более чистую, но чаще отклоняясь вправо.

Достигнуть Покровского мы рассчитывали за час (час-минут сорок, так говорил мой учитель). И через этот самый час, наткнувшись на небольшой холм, окруженный рвом, мы задумались о том, что можно на холме съесть тортик и виноград и - разворачиваться. Тут я вспомнил: расстояние до усадьбы по прямой восемь километров, очевидно, что за час его не пройти. На совете решили пройти еще минут тридцать и уж потом возвращаться. Так как дальше дороги не было, повернули под прямым углом - опять наугад. Дорога под ногами стала заметно грязней и разъезженей.

Мы прибавили шаг! Ведь надежды добраться до Покровского с первого раза практически не было, я отдавал себе отчет в том, что вся экскурсия - это лишь разведка.

И вдруг за поворотом, после небольшой рощи, открылся прямой отрезок дороги, который опять под прямым углом пересекал другую дорогу на насыпи. Мы так и встали. Ведь по асфальту надо пройти всего три километра и мы у цели! Но каково покрытие трассы, нам было не видно.

- Если это асфальтовая дорога, то я ее поцелую! - воскликнул Саня.

Мы почти бежали. И чудо свершилось: это был асфальт!

Выбежав на дорогу, сделали три вещи. Первое - заставили Саню выполнить свое обещание и поцеловать. Второе - запомнили ориентиры «нашей» отворотки. Это - жегтеющая, стоящая особняком береза. Третье - стали думать, в какую сторону идти дальше. Ничто не указывало на близость деревни или хотя бы на то, в какой стороне она находится, и мы, все еще находясь под впечатлением несомненного чуда, снова пошли... наугад. То есть направо. Тут, подгоняемые нетерпением, подуставшие, ввели отсчет уже не минут, а километров. Через два столбика на горизонте показалась крупная магистраль с автобусной остановкой. И, что гораздо приятнее, показались трое местных жителей, идущих навстречу. Чуть позже я узнал знакомых по экспедиции, они ходили за продуктами в деревню: опять чудо!

Они развернули нас и проводили до усадьбы.

Этот отрезок пути оказался самым долгим. Последний километр тянулся просто бесконечно! Наконец, крутой подъем на гору, где и расположилась усадьба и деревня Покровское. По правую руку оказался небольшой синий домик (бывший сельский магазин) с магносиевым палисадником. Сейчас этот магазин принадлежит Татьяне Ватсон, наследнице Брянчаниновых, которая все лето проводит в наших краях. А ведь для этого ей приходится лететь почти трое суток из далекой Австралии, куда ее семья эмигрировала после революции. По левую руку кладбище. Среди многолетних огромных деревьев прячутся фамильные могилы Брянчаниновых и последних постоянных жителей деревни. Зимой в поселке живет всего лишь одна старушка-фельдшер находившегося в поместье тубсанатория.

К лагерю можно было пройти и через кладбище, однако мы не рискнули, и я повел друзей к парадному входу, украшенному большим щитом. Щит заявлял о важности этого места, подтверждал, что это - исторический памятник, имеющий огромное значение для Русской Православной Церкви.

Пришлось пройти вдоль кладбища, недавно отстроенной церкви и всего парадного фасада усадьбы. Отмечу, что, несмотря на следы реставрации, усадебный дом выглядит не очень респектабельно. Левый флигель лишен стекла и декоративной отделки. Парадный подъезд толком не оформлен.

Итак, мы пришли на территорию поместья, имея по правую руку каретный сарай (в годы санатория он выступал в роли склада, поэтому выглядит соответственно), а по левую - один из флигелей усадьбы.

Здание, где собственно обитали экологи, построенное специально для врачебных целей, располагалось справа от нас, уже на границе парка, но я решил повернуть налево, чтобы попасть в верхний, регулярный парк. Там работали «лидерцы». Надежду Геннадьевну, моего знакомого педагога я узнал издали. Большинство народа, как я и предполагал, было занято на расчистке парка.

Парковый фасад мне нравится намного больше. В его оформлении присутствуют военные мотивы - изображения мечей, горнов, венков и прочей атрибутики. По-моему это связано с военной карьерой одного из Брянчаниновых. В центре фасада - большая ниша в восточном стиле

наподобие той, что украшает парковый вход в Воронцовском дворце в Крыму.

Парк же, как и предполагается французским регулярным парком, имеет правильную планировку. Аллеи звездой расходятся из центра две основных, перекрещенных под прямым углом, и еще две крест-накрест. Если идти от усадьбы по главной аллее, то попадешь в нижний пейзажный, или английский парк. Из-за сильного зарастания сорными видами в английском парке даже пруд довольно сложно определить как рукотворный водоем, украшающий местность – он больше напоминает болото. Между парками справа от аллеи располагается питомник – это место активной деятельности экологов. Скоро его будут использовать по прямому назначению – выращивать деревья для парка. Надо упомянуть еще одно детище вологодских ребят и Натальи Николаевны Репиной, ботаника из ВГПУ. Это две клумбы в верхнем парке, если идти по основной дороге от фасада. Они были созданы по сохранившимся образцам в других усадьбах XIX века.

Я тепло приветствовал Надежду Геннадьевну. Людмилы Александровны (руководителя, к которой я собственно и шел) в лагере не оказалось: уехала в Вологду по делам службы. С удовольствием приняв приглашение присесть – пройденные километры сказывались! – достали из рюкзака виноград. У походного костра съели вафельный тортик, честно разделив его на всех присутствующих. Нас угостили чаем. Всего мы погостили в усадьбе примерно полчаса. Узнав, откуда мы, все наперебой стали давать советы, как скорее добраться до лагеря, показали дорогу на Троицкое, где есть мост через Комелу.

«Блудиться – так блудиться!» – решили мы. Настроение было великолепное. И... пошли новым путем. Минут через двадцать выбрали одну из двух дорог на отворотке и бодро зашагали домой. Вскоре показалась деревня. Не помню, как она называлась, но тогда мы приняли решение слегка пробежаться, чтоб успеть к ужину: оставалось около часа.

Мужчина, стоявший у забора одного из домов, неожиданно крикнул нам вдогонку.

– Белите, белите! А то на поезд опоздаете!

Мы даже остановились, лихорадочно соображая, не добрались ли нам до лагеря на электричке. Я, представив карту, сообразил, что железная дорога на Москву проходит значительно севернее. На вопрос, где находится станция, пенсионер неопределенно махнул рукой и сообщил, что он сам прокладывает рельсы к этой деревне. Только тут мы сообразили, что он пьян... И двинулись дальше, рассуждая на тему «нам бы попутный поезд...»

На краю деревни росла одинокая яблоня с маленькими и очень кислыми яблоками. Саня набил целые карманы этими яблочками и угостил нас, но есть их было невозможно, и вскоре мы просто швырнули плоды на обочину. Солнышко припекало, мы шли, иногда бежали, лимонад пили через дырку в пробке, которую проковыряла Кристина.

После семи часов, когда стало ясно, что на ужин мы опоздали, вышла небольшая соора. В разговоре мы обмолвились о чем-то, а когда Кристина заинтересовалась – «мол, ночью, да при луне – тос!», «напустили туману».

Тогда Кристина обиделась, сказала, что с места не двинется, пока ей все не расскажут. И села на песок дороги. Мы тоже решили показать характер, и пошли дальше. Естественно бросать ее одну на дороге никто не собирался, за ближайшим поворотом остановились. Однако долго ждать не позволяло время, и минут через пять Санчо командировали «подписывать капитуляцию». После он признался, что так и нашел вожатую сидящей на дороге. По его словам, она нарисовала могильный холмик, памятник и при появлении посыльного приступала к изображению на надгробии. А я так и не понял, поверила она нам, что ничего не случилось, или просто приняла отговорку.

Когда из-за очередного поворота показался край большого села, Юрово, навстречу попала бабушка с сумками. Встреченных за день людей можно было пересчитать по пальцам, поэтому мы воспользовались случаем, чтобы узнать дорогу. Узнав, куда мы идем, женщина настоятельно советовала успеть на автобус в Юрово – уж больно далеко идти. Особого значения словам «очень далеко» мы не придали, это понятие относительное. По нашим подсчетам, оставалось наоборот, полчаса. И настроение было бодрое, чувствовали себя героями: мы повторили подвиг Ольги Михайловны Барболиной, «первооткрывателя» Покровского, в первый раз она отправилась туда из нашего лагеря с группой, тоже не зная дороги... И решили поспешить, соображая попутно, как уговорить водителя провезти нас бесплатно.

Итак, мы быстрым шагом вошли в Юрово. Перейдя мост через Комелу, решили зайти в магазин. Небольшой, почти ларёк, но нам требовался не широкий ассортимент, а информация. Автобус ушёл, следующего уже не будет. На наш вопрос, в какой стороне Вологда, девушка – продавщица лишь пожалала плечами. Но и тут мы не отчаялись. Нашли остановку, дорогу с асфальтовым покрытием. Правда, она почему-то уходила от реки, тогда как нам надо было идти вдоль. Юрово оказалось довольно большим селом, там даже было несколько каменных домов. Мы прошли его насквозь и бодро зашагали вдоль полей. Нас, уже довольно усталых, подгоняло время: скоро восемь, Аня уже волнуется.

А тут еще какая-то странная (на наш взгляд) нумерация придорожных столбиков, цифры на которых, как известно, означают количество километров. Но вот отчего и докуда? На первом от Юрово указателе с одной стороны была цифра «1», с другой – «15». Ясно, что начало отсчета – село, а до чего пятнадцать километров? Этот вопрос особенно нас мучил. Стали рассуждать логически. Цепочка выглядела примерно так «Отсчет ведётся от какого-то значимого объекта. Это может быть Грязовец (слишком далеко) или Вологда (неправдоподобно). Следовательно – это большая автомагистраль, выйдя на которую мы ... Мы всё-таки надеялись, что именно эта дорога приведет нас к лагерю, ибо крупных дорог в районе «Единства» не было. Сомневаясь всё более, мучительно вглядывались в горизонт, надеясь по косвенным признакам угадать наличие поблизости реки – нашего главного ориентира. Подходя к какой-то деревне со смешным названием, решили слезть пешком, но достаточно оптимистическую никто не вспомнил. Было сильное желание спросить дорогу, но люди, как назло, сворачивали с дороги, догонять их по деревне не хотелось. Мы считали километры, оставшиеся до весьма туманной цели. В начале девятого решили ловить машину, но продолжали идти. Движение никак нельзя было назвать оживлённым: машина проходила раз в пять-десять минут. Никто даже не притормозил. Тогда еще были силы шутить насчет подозрительной девушки с тремя подростками, шляющейся по ночным дорогам Грязовецкого района. Наконец, оставив Кристину ловить машину (надеясь увеличить её шансы, мы даже несколько раз прятались в придорожную канаву), осмелились приблизиться к деревенскому дому. Какой-то мальчик вышел из крыльца снимать бельё. Я заговорил с ним, хотя это было нелегко: нас разделял ограждённый сенокос или пастбище и постоянно лаяла собака. Несмотря на все препятствия, всё же сумели уяснить, что направлялись мы Грязовец, и осталось нам, судя по столбику всего семь километров. Поспешили обрадовать Кристину тем, что нам надо вернуться в Юрово (девять км) и свернуть под прямым углом. Уже темнело.

По дороге обсуждали, что с нами сделают по прибытии и пытались угадать, в каком часу Аня подняла тревогу. Очень жалели, что не захватили мобильного телефона. Кристина решила, что её непременно уволят, мы обещали ей, что возьмём вину на себя, всячески ободряли.

Настроение было слегка подавленное. Мы дипломатично пытались выпросить, какой зарплаты лишится наша вожатая в случае увольнения, но она ничего не сказала.

В отчаянии мы едва не бросались под машины. Бурю гнева вызвали «Жигули», в которых сидел лишь один водитель. Наконец попалась машина, выезжающая с боковой дороги, из поля, и потому не успевшая набрать скорость. Это была «Нива», заднее сиденье которой было полностью занято, на переднем сидели мужчина и женщина. На бегу мы кричали, что хотим лишь узнать дорогу. Они вняли нашим крикам и остановились. Подтвердилась правота деревенского мальчика. Нас пожалели, но места в салоне автомобиля не было совершенно. Это была предпоследняя машина, попавшаяся на нашем пути в тот день. Потом – ходьба, ходьба и еще раз ходьба, упорная и безостановочная.

В темноте думали, как будем оправдываться. Старались угадать, что предпримут в лагере. В полной темноте цифры на столбцах определяли на ощупь. Первые (после Покровского) привалы стали делать за несколько километров от Юрово: садились прямо на дорогу, отдыхали не больше трёх минут. Саня снял с усталых ног ботинки и шёл босиком. Тяжело приходилось и Кристине – её обувь совсем не была приспособлена для длительной ходьбы.

Вот и Юрово! Наша отворотка пряталась как раз между панельными домами, потому мы её и пропустили. Парень на остановке, у которого был мобильный, сказал время (было около полуночи). У него же узнали дорогу. Последние несколько километров (около восьми) были самыми сложными. Сначала бежали, чтобы ноги отдохнули. Лимонад закончился еще во время «сиденья» Кристины, виноград мы и вовсе оставили в Покровском. Вдруг Саня нашёл в кармане три диких яблочка, сорванных в деревне. Еще несколько часов назад мы дружно выкинули эти кислые плоды, но сейчас, когда во рту пересохло, каждый полностью, молча доел свой плод. Дальше – хуже. Дойдя до крытой остановки с деревянными сиденьями, мы серьёзно решили вернуться и переночевать в ней, если не найдём лагерь. Мысли о ночёвке в одной из деревень и раньше всплывала, но отвергалась: мы понимали, что творится в лагере, и решили вернуться как можно быстрее. Теперь отдыхали, ложась прямо на дорогу, раскинув руки. Деревни, расположенные вдоль дороги, бросали на дорогу пучки света от прожекторов. Инстинктивно мы отошли к противоположному краю полотна. Прожектора были немедленно приписаны ВВС США, придуманным в начале пути. Действительно, странно: зачем небольшим деревням такие мощные прожектора? Мы шли, падали, снова шли. Мне были известны первые приметы приближения лагеря: спуск с холма и небольшой мостик, чем я поделился со спутниками. Представьте нашу радость, когда мы всего лишь через полчаса увидели этот самый мостик! Мы бросились бегом. Осознание того, что лагерь не может быть так близко, пришло позднее. Дорожные мостики похожи друг на друга, как две капли воды. Второму мостику радовались меньше, боясь разочароваться. Не слишком обнадеживало даже то, что я «опознал» верёвку, висящую на перилах и подмеченную еще накануне, во время выхода с биологами. И вдруг – отсвет фар за дорожным возвышением. Зная, что до лагеря осталось совсем не далеко, мы не хотели быть обнаруженными в неподходящий момент. Следовало незаметно прокрасться в лагерь и согласовать «линию защиты». Поэтому мы живо бросились на край дороги. Там оказалась канава (как раз в наш рост, к счастью без воды), и, боясь пошевелиться, пропустили иномарку.

Лагерь был за следующим поворотом. На территорию проникли через дыру в заборе, со стороны клуба, стоящего на краю лагеря. Следующий за клубом корпус – наш. Тихонько пробрались на веранду, где жили вожатые. Аня ахнула.

Пока мы пробирались по ночной дороге, лагерь уже охватила тревога. Заместитель директора Марина

Георгиевна сначала отправила легковую машину объехать окрестные дороги. Поскольку машина никого не обнаружила, решили обратиться в одно из отделений ОМОНа и позвать их на помощь. Как потом оказалось, бойцы этого отделения действительно приезжали в Покровское, искали нас, но не нашли...

В лагере была ужасная обстановка, все говорили шепотом. Никто не думал о мерах наказания, все думали – только бы они остались живы... Много усилий было затрачено и на конспирацию события. В курс дела изначально была введена лишь часть администрации лагеря и наш отряд. На наших постелях лежали скатанные одеяла, и даже девчонка из соседней палаты (чтоб не бросались в глаза пустые кровати). Всем объявили, что мы ушли в лес перед самым отбоем и заблудились: таким образом время отсутствия было сведено к минимуму. В доказательство этой версии вожатые подробно описали мероприятия вечера и дискотеку, нас осмотрел медик на предмет клещей. Хотя позднее слухи и расплозились по лагерю, толком никто ничего не знал: нам поручили хранить тайну. Но сейчас в историю посвящена уже половина населения Вологды. Моя учительница, например, узнала об этом от своего мужа, который работает на водно-спасательной станции в Вологде. Ну, а про работников образования и говорить не стоит...

К счастью, нам догадались оставить ужин и полдник. Недостаток ощущался только в питьевой воде. Аня побежала к Алексею Ивановичу, собралось много народу и нас стали отчитывать. Но в целом все – и учителя – были рады, что все обошлось...

АНДРЕЙ ОПОЛИТОВ (Вологда) СТАРШИНА

Был жаркий летний день. Такие дни обычно выпадают в середине лета – знойные, сухие. По пыльной дороге шел Григорий с вещмешком, худощавый и высокий, с папиросой в зубах. Сзади слышались торопливые шаги. Его догонял грузный, мешковатый солдат. Отдышавшись, он приложил руку к козырьку и сказал:

- Здравия желаю!

- Здравствуйте, - ответил Гриша.

Дальше они пошли вместе и постепенно разговорились. Грузного попутчика звали Васей.

- А вот давай расскажу тебе историю, которая в нашем полку была! - воскликнул Василий. - И она не про бойцов, хотя ее тоже можно назвать военной историей. У нас в полку служил Иван, славный такой паренек. И вот приносит он на руках щенка, гладит его, даже в шинель завернул. А у нас старшина – мужик добрый, но строгий,

война как-никак. Он сначала ругался, говорил: «Неси, откуда принес». Ну, мы на него пороптали, он и согласился щенка оставить. Пристаем, значит, к Мишке, он в зоологии немного был сведущ. Спрашиваем: дескать, что за мать? А он и говорит: «Зверь неопознанной породы!» Читай по первым буквам - получается ЗНП. А старшина у нас - Зоев Николай Павлович. По первым буквам - тоже ЗНП. Вот и назвали щенка - Старшиной.

- Интересно! - рассмеялся Гриша.

- Слушай дальше. Прошло два года. Старшина вырос, окреп. Он был среднего роста и очень лохматый. И вот однажды дано задание. Наши ребята взорвали ночью колонну немецких автомобилей, где везли всяких армейских шишек. Захватили, в основном, рядовых, остальные в лес поубегали. Разбили нас на шеренги, дистанция 50 метров, все как положено. Пес за нами увязался. Иван в лесу не очень, чай, городской, так что Старшина был очень нужен. Вдруг слышит Иван - в кустах прошуршало что-то. Решил проверить. Медленно подходит, держа автомат наготове. И тут сзади - щелк! щелк! - и крик: «Хэнде хох!» Иван опустил автомат и медленно повернулся. Фашист уже наставил пистолет и говорил что-то зло на своем языке, как вдруг Старшина серой молнией вылетел из кустов и бросился на немца. Тот начал палить в собаку, но как-то сразу обмяк и завалился набок - это Ваня его прикладом погладил слегка. Тут наши подоспели, повязали немца. Стали допрашивать его - мол, где остальные! Сначала молчал гордо, ничего не говорил, а как Старшина зубы оскалил на него - залепетал, как заведенный. Признался, что прятались они на хуторе. Пробрались мы к хутору, узнали, что фрицы в одной хате прячутся, и окружили ее. Хотели по-тихому, да немцы нас заметили и завязалась перестрелка. Двоих мы уложили, а трех живьем взяли. Вдруг смотрим - пес скалится, рычит, потом уши наострил и к опушке помчался. Мы за ним! Оказывается, еще один фриц чуть не ушел. У него какие-то важные бумаги при себе были. Но скрыться не успел - Старшина ему помешал. Правда, ранил немец его смертельно, и помер пес у Ивана на руках. Вот такая история.

- Там, кажется, кто-то едет, - оглянувшись, сказал Василий, - может, подвезет нас?

Водитель ехал один и был рад поболтать с кем-нибудь по пути. Проехали они километров пять и вдруг услышали нарастающий гул.

- Мать честная, «юнkersы»! - закричал водитель. Распахнув дверцы, все трое бросились врассыпную. Прогрело три взрыва. Машину разнесло в клочья. Раненый осколком водитель лежал неподалеку. Гриша подбежал к Василию и попытался привести его в чувство. Тот открыл глаза и тихим голосом молвил:

- У меня в Твери жена живет, Ксения Смирнова, она в госпитале работает. Ее там все знают. Найди ее, пожалуйста, и передай, что я всегда любил ее и любить буду.

С этими словами он затих.

Война закончилась и шло первое мирное лето. Григорий шел по незнакомому городу и искал нужную улицу. После распросов у нескольких прохожих он нашел дом и несмело поднялся по лестнице. Дверь открыла молодая женщина.

- Извините, вы Ксения? - спросил Гриша. - Я не знаю, как это сказать...

- Вы насчет мужа? Я знаю, - тихо сказала женщина, - похоронка была давно.

- Простите меня, я пойду. Только вот... Понимаете, я был рядом с ним, когда он... Когда его... В общем, он просил передать, что всегда любил вас.

С этими словами Григорий вышел на улицу. Он прошел пару кварталов, когда его остановил какой-то пацаненок.

- Дяденька военный, собака у меня родила, а щенков топить рука не поднимается. Возьми щеночка, затак отдам.

Гриша взял в руки мягкий комочек, присел на землю и стал гладить его. Щенок сопел и слегка подрагивал ушами. «Старшина», - прошептал Гриша. Щенок взглянул на него, как бы соглашаясь...

24.02. 2005 г

МАКАРЫЧ

- Ну, пожалуйста, Макарыч, ну, еще чуть-чуть! Не подведи, родной! - умолял пилот, подлетая к своему аэродрому. Лицо летчика выражало смертельную усталость, костяшки пальцев побелели от судорожного сжимания штурвала. Стекло самолета было в копоти, киль хвоста разодран пулями в лохмотья, но самолет приземлился.

Василий Федоров, так звали летчика, был родом из забытой богом деревушки в Алтайском крае. И самым ярким воспоминанием из детства было то, как дед Макарыч, старый конюх, собирал всю деревенскую ребятню и учил их делать воздушных змеев. Вот с тех пор и заболел мальчишка небом. После школы Василий закончил летное училище, а когда началась война его направили в знаменитую эскадрилью штурмовиков, летчики которой воевали еще в испанском небе. И когда он получил свой самолет, Вася сразу окрестил его "Макарычем", в честь старого знакомого.

Когда двигатель заглох и лопасти пропеллера остановились, летчик устало откинулся на спинку сиденья.

- Молодец, Макарыч, спасибо, - прошептал Василий и, откинув фонарь, вылез на крыло. К самолету уже подходили командир эскадрильи и какой-то незнакомый офицер в плащ-накидке, судя по манерам, высокого звания.

- Товарищ майор, разрешите доложить: задание командования выполнено! Потерь с нашей стороны нет! - бодро доложил Василий, хотя на самом деле он еле держался на ногах. Бой был трудным, и несколько раз его самолет лишь чудом оставался целым.

- Молодец, Федоров, хвалю. Очень результативный летчик нашей эскадрильи, - сказал командир старшему офицеру, - на его счету восемь успешно выполненных штурмовых операций.

- А что, старший лейтенант, не хотите освоить новую модель штурмовика? - обратился незнакомец к Василию. - Сейчас в войска поступают новые ИЛы, и ваш опыт мог бы здорово пригодиться.

- Конечно, если прикажут, пойду, но очень прошу оставить меня на своей машине. Мы ведь с ней с самого первого дня воюем. Сроднились уже. Мой старичок из таких передраг вытаскивал, что я

по гроб жизни ему обязан, - как бы оправдываясь, ответил Василий.

- Ну, смотри, дело твое, - усмехнувшись, сказал офицер

Вася не соврал незнакомцу. Он действительно всей душой прикипел к своему старенькому Макарычу. Часто оставался после вылета с механиком и до глубокой ночи латал израненного товарища.

- Спасибо тебе, мой друг! Много раз ты меня выручал. Не подведи, - думал Василий, затягивая какой-нибудь капризный болт. Глаза его при этом были наполнены теплотой и благодарностью за не раз спасенную жизнь. Часто, перед тем, как идти в казарму, он гладил обшивку самолёта и говорил: «Вот кончится война, Макарыч, и попрошу я у командования, чтобы отдали мне тебя. А что? Мне как героическому летчику уступят. Скажу: не надо медалей, а оставьте моего Макарыча. Будем летать без оружия в свое удовольствие, или поля опрыскивать, или фотосъемкой для геологов заниматься. Так ведь, друг?»

Спустя три дня Васе с Макарычем дали задание - совершить разведку фашистского аэродрома, на котором по сведениям командования базировались новенькие немецкие бомбардировщики. На штурмовик установили фотоаппаратуру, но боекомплектом загрузили под завязку. На всякий случай.

У Василия было какое-то непонятное предчувствие. У Макарыча тоже. Самолет долго не хотел заводиться, но после колдовских действий механика вздрогнул, заурчал, и, заведясь, ровно и спокойно заработал.

На полете к объекту их окутал густой туман, а когда пелена закончилась, Василий увидел вражеский аэродром, окруженный целой батареей крупнокалиберных пулеметов. И хотя немцы не ожидали его налета, Макарыч успел сделать только один заход для съемки, как в воздухе сухо затрещали разрывы бронебойных патронов. Василий уклонялся, уходил за кромку леса и вновь возвращался, пытался прикрыться поднимающимся солнцем.

Вдруг Макарыч дернулся и дал крен на правое крыло. Взгляд летчика пробежал по панели приборов - двигатель был поврежден, да и с топливом что-то случилось. Василий вдруг ясно осознал - до дома не дотянуть. Вот и пришел черед боекомплекта!

- Повоюем, дружище, - закричал Василий и направил самолет в атаку.

Макарыч сверкал черной молнией в лучах встававшего солнца. Обшивка напоминала решето, фонарь кабины был разбит. Василий истекал кровью от ранений осколками, но его лицо было бледной маской, он не чувствовал боли. Ненависть переполняла его и направляла в последний бой. И когда кнопка гашетки пулемета защелкала вхолостую, и Макарыч надсадно завыл, Василий направил его на шеренгу зачехленных бомбардировщиков, укрытых маскировочной сеткой.

- Давай, Макарыч, давай, дружище! - напоследок шепнул Василий.

Через два дня фашистский аэродром был захвачен и эскадрилья штурмовиков, в которой воевал Василий, была перебазирована на него. Обойдя окрестности, его боевые друзья наткнулись на кусок обшивки от Макарыча. Все

замолчали - перед ними явственно встала картина страшного боя.

Вечером хоронили кусок обшивки фюзеляжа и вещи Василия. В холмик земли командир эскадрильи воткнул табличку, на которой было написано: "Двум неразлучным друзьям - Василию и Макарычу".

И НЕ НАДО ЛОХМАТИТЬ БАБУШКУ!

- Странно, что так мало посетителей, - думаю я, входя в маленькую кафешку на углу площади. - А впрочем, кому придет в голову сидеть в такую жару под крышей? Сейчас освежусь стаканчиком «Спрайта» и пойду к другу Кольке, скачаю с компа на мобилу новые мелодии, а там уже и до вечера рукой подать.

Подхожу к стойке, делаю заказ и тут замечаю в углу за столиком натуральную Бритни Спирс! Глаза - два бриллианта в три карата, губки бантиком, волосы разлились по плечам волнами, в общем - полный улет! Бармен пил лимонад, а я не мог от нее взгляд оторвать. В голове одна мысль - на чем подкатить к такой красавице? Прикинуть-ка я крутым перцем, а для этого напрягу память и воспользуюсь лексиконом конкретных пацанов. Беру бокал и на ватных ногах выруливаю в ее направлении, лихорадочно соображая, с чего начать

- Привет! - говорю еле внятным голосом. В горле пересохло от волнения, и делаю глоток лимонада. - Можно мне здесь упасть?

- Привет, - она подняла голову и улыбнулась мне. Какая у нее улыбка! А голос - чистая музыка! - В смысле присесть? Можно, хотя здесь много свободных столиков.

Не слишком обнадеживающее начало, но и не крах. Сажусь напротив и начинаю разговор:

- Мне кажется, я видел твою фотку на развороте модного журнала. Кстати, меня зовут Миша, но для своих я просто Майкл.

- А меня зовут Таня. Но для журналов я пока не фотографировалась.

В голове полный ералаш. О чем ей интересно будет поговорить? Музыка? Кино? Интернет? О чем вообще базарят реальные пацаны? Черт их знает, но я ведь должен показать себя одним из таких!

- Миша, а чем ты занимаешься - работаешь? Или учишься?

Вот и тема для разговора! Кем же мне представиться? Эх, была-не была, если врать - так по полной программе:

- Децл работаю, децл учусь. Но в основном живу в свое удовольствие - оттягиваюсь во весь рост. Дискачи, клубы, тусня. Шнурки у меня клевые, так что бабок хватает. Хотя иной раз самовар подолгу доить приходится. А если мазы не катят, кенты выручают. Правда, и среди них те еще кексы попадают.

Смотрю, глаза у Тани округляются. Она украдкой бросает взгляд на мои кроссовки и говорит:

- Может я что-то не поняла, но какая связь между шнурками на обуви и твоими бабушками? Ты ничего не говорил. И разве можно доить самовар? - Какие бабушки? - Ну, ты сказал что бабок у тебя хватает.

- Да, бабок хватает, в смысле капусты. А без них - полная ботва!

Глаза у моей собеседницы расширяются. На лице ее вижу полное непонимание предмета разговора.

-Ты меня совсем запутал. При чем здесь огород? Как можно доить самовар? И кто такие кексы? Миша, ты говоришь забавно, но совсем непонятно!

Она что - с луны свалилась? Умом осознаю, что хватил лишка, но в роль уже вошел и отступать поздно. Эх, держите меня семеро!

- Танюша, милая, бабки - это деньги. И капуста тоже. Доить самовар значит «просить денег у отца». А кексы - это не очень хорошие люди. Вообще, клево чувихе, вроде тебя, стыдно не знать такую феню.

Кажется, я вконец обнаглел. В воздухе повисла неловкая пауза. Таня смотрит на меня, как мне кажется, с каким-то интересом, но и недоумением. Я набираю воздух в легкие и продолжаю:

- А вот совсем недавно я застрелился с конкретными челами, но вместо них подкатили какие-то лохи. Понятий никаких, борзомерт зашкаливает! Туда-сюда, базар-вокзал, кое-как разрулил ситуевину. Но, думаю, нафига мне все эти заморочки, если...

Тут я осекаюсь на полуслове, заметив полное смятение в глазах собеседницы. Таня дрожащим голосом спрашивает:

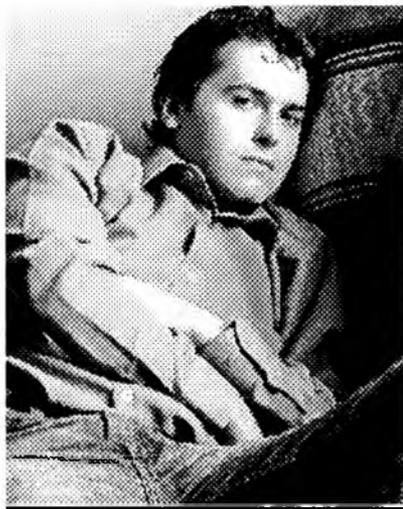
- Как ты мог застрелиться? Ведь сейчас ты живой и сидишь передо мной?!

Я захожусь гомерическим хохотом так, что бармен подозрительно бросает взгляд в мою сторону. Таня, обидевшись, берет сумочку и идет к выходу, а я давлюсь от истерического смеха и кричу ей вслед, что застрелиться — это значит договориться о встрече и что-то еще объясняю, но она уже этого не слышит. Через полминуты я прихожу в себя, и в голове появляется мысль: «Какой же я дур ис! Как я мог обидеть такую девушку? Ведь единственным моим желанием было понравиться ей...»

А через два месяца мы встретились с Таней на городском конкурсе школьных сочинений, где она заняла первое место, а я всего лишь восемнадцатое. Жутко смущаясь, я подошел к ней, чтобы поздравить с победой. Я попросил у Тани прощения за тот случай в кафе, и - о, чудо! - она простила меня! Потом мы долго гуляли по городу, и, совсем не замечая, оказались у той самой кафешки, где я питался «произвести впечатление». Мы сидели за столиком, ели мороженое, пили лимонад и разговаривали о музыке, о кино, об Интернете. И я хотел, чтобы этот вечер никогда не кончился.

НИКИТА ПАРУСНИК (Вологда-СПб)

БЛОГИ

Ну вот, я уже две недели в Санкт-Петербурге. Да, почему-то всегда хочется сказать, что уже вжился в этот город, но это не так, это всего лишь иллюзия, всего лишь навсего не обращаешь внимания на толпы народа, в метро едешь с закрытыми глазами, и все вокруг происходящее как-то по барабану. Ощущаешь себя здесь неким существом, которого и хлестают, и ублажают, словно амплитуда все больше. В Вологде все умеренно, мало благ, мало боли. Здесь сложнее. Главное, что я чувствую, что мне охота бороться, словно мне показали конфетку и я готов за нее биться. В. сидит дома и готовится к экзаменам, я, чтобы не мешать (не по собственному желанию) ухожу утром, а прихожу вечером. Целый день

шатаюсь по городу. Сажусь в троллейбус и еду в любую сторону, потом выхожу и иду по какой-нибудь улице, на таблички с названиями проспектов и переулков не смотрю, потому что это все неважно. Ходишь, ходишь, пока ноги не начинают отваливаться, потом начинаешь искать место, где можно посидеть, помыть руки, сходить в туалет, покушать, почитать (в пакете учебник философии). Таких мест не очень много.

Самое удобное - Ладожский вокзал. Плюсы: дешевая еда, удобные сидячие места. Минусы - туалет грязный и платный. На втором месте по удобству - гипермаркеты (любые с торговыми площадями от 20000 кв. метров). Минусы: еда дорогая, но качественная. Плюсы: хорошие тубзики (бесплатные и чистые). Но в этих заведениях сидишь не часами. Очень все-таки интересно знакомится с культурной частью города. Ходил в Исаакиевский собор, стоял на коллонаде час...

Смотрел в сторону ее дома, смотрел в сторону Вологды. В такие моменты ощущаешь себя одиноким и некрепшим. И все же у меня есть любимое занятие. Я отлично запоминаю человеческие лица. В Санкт-Петербурге 6 000 000 жителей. Я вот думаю, смогу ли я всех выучить? Сложно поверить, но за две недели мне запомнились тысячи лиц. Идешь по Невскому проспекту и узнаешь людей. Я не знаю, как с помощью этого качества зарабатывать деньги. На какой работе нужна память на лица? Полиции, видимо, но с ними я не хочу связываться никаким образом. Вчера меня чуть-чуть не остановили на проверку документов, а я тут без прописки и регистрации, они могли придраться. Но да бог с ними, когда они остановились, я про себя начал повторять одну фразу - «ментосики-новые колесики».

Спожляк встречаешь на улице сумасшедшего человека, он идет и просто орет на всех, у него

глаза дикие, рот открыт на всю ширину, волосы взъерошены. Инвалиды, бомжи, дорогие иномарки, пентхаусы с видом на залив. Тут столько всего разного. И ведь знаешь, что находясь здесь ты начинаешь играть в рулетку. Может, повезет, а может и не повезет. Один раз, я уже стоял у кассы на ладожском вокзале, за пол часа до отхода поезда на вологду. Один раз я купил 250 грамм водки и выпил. Один раз у меня потекли слезы в метро. Один раз меня чуть не сбила машина. Один раз был в католической церкви. Один раз поезд в метро остановился в подземелье. Много раз передвигался по городу с помощью внутреннего маячка. Три раза был на заливе. Один раз купался. Много раз встречал красивых людей. Много раз был в кино. Много раз я испытал счастье по Ницше.

Счастье - чувство преодолеваемого противодействия. Еще и эти философы с гипотезами иллюзорности мира. Ложь- правда, а правда-ложь. Один раз я ел блин на привокзальной площади. Порыв ветра прилепил к моему блину чей-то оторвавшийся волос, клочок бумаги, и еще какую-то дрянь. Мне нужно было выбрать: либо остаться голодным, либо преступить свои принципы чистоплотности. Блинчик я съел...

В. меня поймала у касс, сказала, чтоб я не уезжал. Живет в мгновении, жадно схватывая его и наслаждается им на лету. Наслаждение не дает ей возможности остановиться. В. игрушка в руках стихии собственных эмоций, чувств, страстей. Я же здесь не для того, чтобы в мой трудовой книжке появилась очередная запись. Я же здесь для того чтоб окунуться и посмотреть, нужно ли мне все это. Почувствовать себя. И в том случае если понравится, начать решать ПОЛИТИЧЕСКИЕ вопросы.

Здесь жара. За 14 дней я один раз видел дождь. Шорты я забыл в Вологде. Постоянно ЖАРКО! Сегодня пойду на фестиваль джаза. Завтра пойду смотреть на финал кругосветки парусников. Вчера ходил на «фотоувеличение». Столько вокруг всего происходит. Покупаю журнал 200 страниц «Ваш досуг». Там расписаны все события на ближайшие две недели. Только все перечитывать можно несколько дней. Выбираешь то, что интересно тебе. В прямой видимости мост, а за ним залив. Кажется, что туда можно быстро пройти, а по настоящему идти час. В день прохожу километров 15. День удачный, если я его провел с В.

Это может затеряться. После этого может не последовать ответа. Это может стать последним, окончательным в моей жизни и в жизни той, которая существует напротив моей.

Эти жизни близки, но между ними стена, которая не позволяет им хотя бы видиться. Со временем так они могут забыть друг друга. Потом смогут изредка, оборачиваясь назад, вспоминать друг друга. Ну что ж, стена - единственное, что может связывать две жизни, идущие разными путями

...Ты к чему-то сильно привязан, не знаешь, почему именно к этому, но тянет и тянет тебя к этому. И нет сил больше. Когда вблизи увидишь это, покажется, что успокоился, и тягу уймет. Но нет. После этой встречи (на следующий день) тебя будет невыносимо тянуть к этому. Тяга станет еще

сильней. Пусть тяга больше, но все равно очень рад, что видел это вчера. Невыносимо счастлив.

«Я вот тут сосчитала, одна копейка, плюс еще одна копейка, ты никита как считаешь, одна вот еще сюда, а ведь внучка, она, плюсь еще восемь копеек, - как никита считаешь, - а вот умерла тетя, нужно и постирать и еще плюс одна копейка, а в Баку, сейчас час дня, и пошла в магазин, и плюс одна копейка, на улице плюс один градус, и все то нужно постирать, понимаешь»

Никита, и плюс три копейки, и шарф и ботинки и шапка, деньги же не напечаташь и еще три рубля, а она ведь малолетка, ты никита меня прости, давайте без интима, и еще пять рублей, никита, разве я не права, в бывалово ходила пешком, и инвалидность и плюс еще одна копейка, а умерла сестра, плюс еще денег нужно, работаем как ишаки, и абик на горло за нее наступит, и плюс еще одна копейка, вчера я подметала в коридоре, внучка натоптала, посмотри сколько песку в коридоре, ужас, неделю под ногами все песок, все молчу молчу, а то мешаю тебе тут работать и денег нет, а ведь тринадцать тысяч, а если еще подливкой залить, я ведь для супа поджарю, и через москву ехали, пошла в пятерочку, и пахнет куревом, разве я не права никита, никита, ты слышишь меня, да да, ну не обижайся на меня никита, я же старая, а внучка думает бабка деньги считает, плюс еще три рубля, ну вот сколько получается, и палец вывихнула, а он говорит - надо в кувшиново полежать, - я ведь знала татьяну тайганову, - посуду вымою, в шесть утра встану, таблетку сильную выпью, ужоу, не мешаю тебе, разве я не права никита, никита, а родители, только у нее это началось, а я же не знаю куда деньги ушли, а там такая клумба была, такие есть сапожки, рукавички, шапочки, по три рубля покупала, у нее подошва рельефная такая, песок набьется, а вчера утром я подметала, ой не вчера, позавчера, ну никита иди посмотри сколько песка, в вологде два раза убирала в понедельник и пятницу, а тут волосы по всей квартире, где ж столько денег взять, не напечатать же, плюс рамсторг, всех невест от никиты отмету, все равно ты меня не слышишь никита, не одной не оставила, ты что так много пишешь никита, книгу печатаешь что-ли, жалко конечно работа хорошая, серьезная организация и обеды, ужас, хоть на минутку повернись никита, это все с одной комнаты, два дня не убиралась, суббота, воскресенье, понедельник, сейчас плюс три температура, без дождя, ну разве я не права никита, а по телевизору всех убивают, этого убили этого убили, плюс три копейки, ну где же столько денег взять, а это, ветер в голове, посуду помой, придет все раскидает, все молчу, молчу, не мешаю тебе, карту какую-то купила за триста рублей, никита иди скорей сюда, тут разембаев кино снимает, ну ты меня пойми никита, ты маме письмо печатаешь, весь унитаз вычистила, все нормальные люди у себя дома ходят в туалет, еды наготовлю, все сделаю, она же внученька моя, никита тут про людоедов иди передачу посмотри, ой мой хороший иду иду, иду иду мой хороший, плюс три копейки, плюс еще, свои деньги трачу, я ведь к тебе как родственнику, а там пусть хоть негр, самое главное чтоб ему нравилось, а то ведь уже столько лет, а я ведь ничего не говорю, а тут еще эта кустотерапия, она же мяса не ест, а тебе как сделать курицу, вот тут можно поджарить с лучком, плюс принтер-минтер или как его, купили за четыре тысячи, никита, как они приедут, сниму

шапки у перчатки в пакетики, кулечки, закупил себе, спортивные штаны 1800, раньше вот все бесплатно было, с нуля начинали, никита, никита, никита, никита, никита, никита, никита.»

В общем, примотал к лапе кота скотч, потом был собакой и гавкал на него. Потом засунул его в кресло. Скрябал пальцем по дну. Достал его. Потом оделся и сказал «пошел гулять на балкон». Замерз за 3 минуты. Сел в кресло, включил музыку. Че за музыка играет? Выключил музыку. Говорю сестре - «приходит ощущение нервной перегрузки, чо блин такое-та».

Сел за комп, открыл фотошоп, почирикал. Открывал еще другие программы.

Запустил сапера. Выиграл за шесть секунд с первого раза. Последний раз сапера я открывал около года назад. Призадумался. Съел 17 конфет «Шах». В Яндекске задавал «капелла, увертюра, симфония». Не могу находиться на одном месте. Потом показывал коту язык. Чувствую раздражение. Ноги еще мои сами дергаются. Видимо куча ненаправленной энергии. Или что-то мешает. Даша опять скажет что я ересь в журнал пишу. Вроде выпался. Кофе своего дорогого попил. Покушал. Комнату проветрил. Солнышко светит в окно. Могу включить музыку, могу выключить. Оделся и еще раз сходил на балкон. Замерз. В комнате кричал на каждый кирпич в стене. Ну почему в этой комнате нет всего? Где бассейны? Где Самолет?? Где барабаны? Где кисточки?? А может мне этого ничего и не надо. Заиграла. Да, вот те звуки которые я жду уже три часа. Да, мурашки по коже. Да, я теперь понимаю. В куртке я лег под одеяло. Звук на полную громкость. И неспроста эти наши с В. разговоры о полной бессмысленности слов, разговоров, идей, иллюзий и т.д. Слово разочаровались во всем. Но не в музыке. Да, да. Но на чем же мне играть? У меня в комнате нет ничего кроме звукоспроизводящего, кроме магнитофона. У меня даже колонок для компьютера нет. За последнюю неделю на «СПб_отдам_даром» отдавали два пианино.

Да, лишь в музыке есть то что мне нужно. Звучит другая песня. Я вслушиваюсь в тембр, в трещинки, в голосовые нити сургановой, и понимаю что это для меня. раскладываю все в слои, верчу, глотками пью аккорды, вращаю вокруг себя отдельные звуки, приноживаюсь и даже чувствую кислинку на кончике языка. Да, да.

А что ребенок, а как он тут оказался? И девочки нетленны и мальчики в цветах. Слова пусты, а голоса глубины не видно. Может быть, можно просто издавать звуки? Я специально на ночь себе поставил радио «классика». Был опыт лечиться музыкой. Каков сейчас и был ли он вообще эффект? Но на утро радио классика я выключил, звучало пусто. Я никогда не был дизайнером или художником.

Многие вещи я просто не понимаю или отношусь к ним безразлично. Я никогда не был писателем или поэтом, потому что рифмы красоты не ощущаю. Я всегда видел музыку. Я всегда плавал в ней, проваливался и отталкивался от нее. Я никогда не был к ней безразличен. Я буду делать звуков ряд. Я буду петь без слов.

Можете даже не читать. Это так просто рассуждения моего мозга. Куча бытовых мыслей. Ересь. Да жестко как-то это все.

Видимо это организм. Или что? Страх, это физиология или мозг? Кто управляет страхом? Я вчера никак не мог лечь спать, занимался в интернете всякой фигней до четырех часов. Сегодня утром просыпался в 8 часов, в 9 часов, в 10 - я все оттягивал и оттягивал время, когда нужно встать. А все от того, что у меня в 17 часов сегодня собеседование в крупной компании. И я ведь знаю, что бояться не надо, нужно ко всему очень просто относиться, даже не серьезно как-то, и тогда все получится. Ан нет, страх есть, а как его отбросить? Видимо, это к вопросу об Уверенности в себе. Да есть у меня эта уверенность в себе. Жмет что-то другое. Видимо, ощущение, что если тебя не возьмут, то жизнь может пойти ко всем чертям: нечем будет платить за квартиру, нечего будет кушать, и придется уезжать в Вологду, и оставлять В. Это же СОВСЕМ другая жизнь. Мне она не нравится. Вот такие внешние факторы и давят. А еще то, что институт как-то меня не доучил. Не доучил до того, чтобы будучи выпускником, с легкостью устроиться на работу в питере. Там требуют свободное владение английским языком! Представляете - свободное!!! У меня с русским-то бывают проблемы. Ну как тут не волноваться. Я даже на кухню не хочу выходить, в прихожую - потому что как-то подсознательно понимаю, что это приведет к приближению часа собеседования. И вот ведь, если бы сейчас позвонил этот мужик и сказал что не надо ехать, я бы сразу успокоился, вошел в норму и стал бы заниматься на компе полезными делами. Как же я хочу нормально устроить свою жизнь! Даша работает в подвале, где раньше ученые проводили испытания на ртути и еще на на каких-то вредных реактивах. В приморском районе, где мы живем - самая большая в питере помойка. Что в этой помойке только не валяется, даже что-то радиактивное.

Власти хотят зацементировать ее и построить на месте помойки жилые дома. Когда закончится собеседование - независимо от его исхода я пойду куплю бутылочку пива, выпью и мне станет хорошо.

Мне тут предлагают работу. Все вроде бы ничего, да только ехать далеко. Дольше чем 1,5 часа. Сначала на троллейбусе до метро, потом на метро 7 остановок, потом на трамвае 40 минут, а потом еще пешком 10 минут. Как-то в падлу каждый день столько ездить туда обратно. В день на дорогу будет тратиться 3,5 часа - это ж вообще абсурд.

Во фрилансе я чуть-чуть разочаровался. Пока у тебя нет нормальных работ, нормального своего сайта - то очень сложно иметь заказы. Я уверен, что я буду потом фрилансером, но не сейчас, нужно немножко раскрутиться, встать на ноги. Нашла одна фирма меня и пригласили на собеседование. Вот-те на, 10 минут пешком от дома от моего. Это чудо для питера. Я сходил на собеседование, все друг-другу понравились, и директор сказал что выходи с понедельника на работу. А была среда. Ну вот у меня была пара спокойных дней. Когда я думал, что работу я нашел, да еще и так близко, что все теперь окей будет. Кстати должность seo специалист. Эта тема меня как раз очень сильно привлекает. В. видела какой я ходил счастливый эти несколько дней. В понедельник я звоню директору, а он мне говорит что они уже взяли другого человека. Вот падлу мне сделал, а!. Ну и скоты же попадают.

Еще одна фирма меня приглашала на 600\$. Ехать больше 1,5 часов. Условия работы дерьмовые. Представляйте, работать до 19 часов, а потом 1,5 часа в дороге, в общем к 21 только дома. А как же с В.? Я же ее люблю, я же здесь ради нее, а не ради работы.

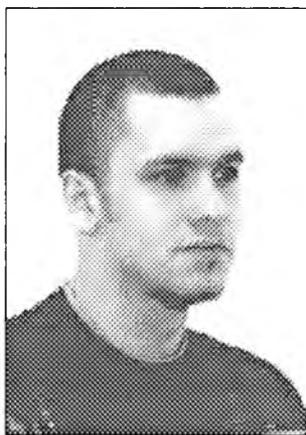
Еще я ведь долбаный призывник. Меня тоолько аспирантура спасает. Но я вот ничего не делаю чтобы в ней удержаться. Вот отчислят меня из аспирантуры и пойду в армию. Будет вообще радость. Самое главное, что я знаю что в жизни будет все как сам этого захочешь. Я в этом уверен. Просто вопрос в том, когда же воплотятся твои желания. И вот и я жду эту работу свою ненаглядную. Попытаюсь представить себе идеальный вариант работы.

...Про женщин давно хотел написать, есть что сказать. Но рука не пишет, скрывает маркером по картону. Вчера я силою своей и могуществом мужским довел до слез женщину за проступок ее мелочный принижал и жестко плетями бил оголенную душу хрупкую, любящую. Ничего, - думал я, - «наказанье мир спасет» с оскалом вырывалось. Господи и откуда ж шла эта дикая злость? И вся-то разность мужского и женского? Но как же так научиться мне с женщиной быть, не мстить, не бить, не унижать, не обижать, не оскорблять. Этот слабый женский пол не собирался заваевывать здесь никого и от сильных и требуется лишь слушать, беречь и любить.

www.parusnik.com

ЮРИЙ ПУХЛОВ (Вологда)

ПРОЩАНИЕ

Когда во хмеле как на дуэли
иду качаясь душа тоскует
душе так тошно ее волнует
совсем не то что,
мол я во хмеле,
как на дуэли.

ей глаз довидеть
ей слов дослышать
но настоящих не пьяно-красных

Работа в центре. Где-нибудь на садовой или на Невском. Я менеджер по веб-проетам. Это как бы веб-мастер. Зарплата 700\$. Работа с инетом бесплатным, со свободным временем немножко, и чтобы рабочий процесс вел к самосовершенствованию. Ну ладно. Пришел час, когда нужно вставать со стула и идти, идти и идти. Вот такие вот крики моего мозга.

Число родинок на теле у В., хотел было я сказать, но жадность берет свое, жалко просто так отдавать это немыслимое количество телесного кофе, как она говорит, если взять их размешать в стакане а потом на тело выплеснуть - мулаткой в итоге можно стать. Ну да ладно, а родинок-то двести штук.

не лживо-льстивых а настоящих.
а только нету, а сердце бьется
пульс рассекая потоком гнева
мы все Адамы и все мы Евы
Сад разрушая в котором жили
куда приплыли туда приплыли
Но кто же что же нас разрушает
любви лишает, в вино кидая
а нету смысла и убивает
как безысходность судьба тупая
нам нет свободы! нам нет покоя!
мы просто в воду

мы просто воем!
мы просто дети которых били
ножом кололи но не добились
я так истрепан я так истерзан
что и во хмеле как на дуэли
душа тоскует «кого волнуют
твои проблемы, поэт паршивый...
и забулдыга»
лети квадрига моей печали
подобно шали по ветру в небо
туда где не был...

В Вологде утро. Запахи помоев
духов чужих подруг торчков изгоев
в ночи остались.
в коридорах грязных мы повстречались
в целом вовсе глупо, бездарно
и засалено до крови
мы повстречались!
Это ли не чудо
«я жизнь бы до конца прошел с тобою»
любви там не было
желанье било слабо тоской в висках
ты для меня могла быть просто баба
но не была и слава Богу
мы в песках
в траве, и в облаках
и в том, совсем другом
но только в том, что нас свело
что мы могли пройти, как мельницы
а повстречались горит чело

вдохновляют
 тех, в Белом доме, кто жизнь нашу меряет и
 направляет
 им что до нас, книг статистики
 мы миллионы
 чтоб веселить их, увы, не для нас,
 всех религий законы
 всякая сволочь желудки деньгами набьет
 и жирует
 но не желайте своим продолжениям участь
 такую
 с музыкой лета и солнца, с гитарой,
 без тусклости арфы
 черные люди идут, все их стрижки под афро
 поступь их дрожью восставшей земли рушит
 зданья полиций
 черно - белые, - желтые, - красные души
 и лица
 за потерянный рай, за свободу, да разные
 будут причины
 но идут брать свое, не важно кто женщины
 или мужчины
 и знамена сердец излучаются сотнями
 тысяч расцветок
 знак другим, что в аду - «мы достанем вас
 из застенков»
 мой штандарт среди многих, всем равен,
 не выше не ниже
 красной кровью омою и принесу тебе,
 слышишь?
 Бэби, это любовь, и к тебе и к всему что
 на свете живое
 черно-белое сердце мое все ж повсюду
 скучает о доме,
 но пока в мире много ведется уродских,
 ничтожнейших игр...
 так встречайте меня, Юрий Пухлов –
 поэт я и нигерр.

3. НЕТ!

незачем в красное красить
 если в сердце нет правды
 лучше сидеть и квасить
 и кидать кости в нарды

только тогда красное знамя
 настоящее. сила, вера
 когда сердце сплошное пламя
 алое, без серой серы.

4.ЯРОСТЬ

мозг - террорист,
 а душа как продажная дама
 сраму не имут мертвые, ну а живым
 море срама
 скользко морочить друг друга,
 конечно, но все же
 лучше уж так чем колбасить друг друга
 по роже
 мелочью души исходят, в мертвецкой
 как труп остывая
 и с каждым вздохом все ближе к колесам
 трамвая
 миокардит заработал, ну что же, пора и
 в могилу

несколько слабых идей и несколько
 девушек милых
 ша! все, довольно, итак вы себя здесь узнали
 мы просто штампы
 из сделанной в прошлом скрижали
 этой скрижали стотонная тяжесть к земле
 так придавит
 так, что до смерти тащить ярмо жизни
 заставит
 мы все пустеем, становимся типа сосудов
 порожних
 так и становимся быдлом, становимся
 стадом скотов осторожных
 куда деться когда так темно, и как будто
 совсем ничего не осталось
 и начинает давить нас удавкой с мылом
 усталость
 стужат ветры сердца, выдувая любовь
 и надежды
 все, все, все, долой с глаз как рулоны
 ненужной одежды
 и на грани гранитной доски ты своей, и
 уже тебе некуда деться
 в этот срок ты вдруг понял что у тебя
 черно-белое сердце»
 и с понятием этим дрожанием кожи
 вздымаясь
 полилось ртутью красной по венам твоим
 слово «ярость!»
 с омерзением к себе, к своим страхам
 приходит сознание
 и вина за признание тех кто не стоит
 признанья.
 мы свободы своей заарканенной
 грустные дети
 и рабочий, и клерк, и кто шпоры катает
 в университете
 и другие, кто вроде уже утонул в безразличьи
 загляните в тюрьму грудной клетки и
 убедитесь в наличии
 черно-белого сердца, пульсара, луча в
 темноте наступившего дня
 если в честно заглянете вглубь, то конечно
 поймете меня

я не просто так слушаю рэги, и думают все
 что забылся в нирване
 нет ведь в правду прозренья ни в водке
 не в марихуане
 просто понял я эту музыку,
 хоть в ней и нету надрыва крутого
 заключается в общем она в три
 банальнейших слова
 только воздух врывается с ними
 в тюремное оконце
 так чеканьте их, - это
 «свобода», «молодость», «солнце».

5. ЧЕ!

видимо так и принято
 чтобы другие знали
 вместе с свободой выбитой
 руки нам отрубали
 они свои сделали выводы
 чей зад мозолен от кресел

чтобы какой-то выродок
всех нас за шею повесил
они всегда галантненьки
чтобы не мучались очень
согласно новому актику
стальные иглы в очи
и если вольют олово

будем харкать слогами
отрезанные головы
отрезанными языками
но этим все начинается
когда нас топчут ногами
в нашей груди зарождается
воплъ: «не хотим быть вами».

АЛЕКСАНДРА РЮМИНА (Вологда) МУЗЫКАНТ

1 Кажется, теперь, с уходом Наташи, все здесь будет причинять ему боль: эти веселые картинки, которые она наклеила на стоящие вдоль стены витражи; эти яркие циннии в вазе, что Наташа всегда ставила на стол, где с ее приходом царил порядок. Теперь только черный рояль, что стоял почти посередине комнаты, не навевал на Павла грустных мыслей.

Но сейчас даже не этот инструмент привлек его. Пашу манило к себе большое окно, которое находилось сразу напротив двери. Он прошел прямо к нему, отодвинул шторы и залез на подоконник, прижавшись лбом к холодному стеклу. Павел беззвучно глотал слезы, что текли ручьями по его бледному, осунувшемуся лицу. Его светло-голубые глаза потемнели, утратив свою мягкость. Тонкие, красиво очерченные губы слегка приоткрылись. Плечи его ссутулились, придав долговязой фигуре, сжавшейся на подоконнике, схожесть с щенком, выкинутым на улицу за доброту и ласку.

2

Павел уже в семь лет играл настолько хорошо, что учителя не могли на него нарадоваться. Он за несколько минут мог выучить страницу сложнейших этюдов, а потом без труда сыграть их. В свои пятнадцать лет Павел сумел добиться огромных успехов в консерватории, где занимался уже два года.

Мальчик бывал на каждом концерте в филармонии, и его заветной мечтой было услышать орган вживую. Однажды к ним в город приехали иностранные музыканты, в программе которых значились «Токката и фуга». Павел собрал все свои деньги, но ему все равно не хватало на билет. Тогда мать, зная о его мечте, купила ему билет.

- Пстой! – услышала Наташа у себя за спиной, но она бежала, даже не оглянувшись.

Паша сделал два неуверенных шага ей в след, и тут первые капли упали ей на лицо. Он поднял глаза к небу, и в них отразилась кривая линия, разделившая небо на две части. Вслед за этим его тренированный слух уловил глухое рычание неба.

Дождь все лил, а мальчик стоял, даже не шелохнувшись. Он смотрел туда, где еще совсем недавно был виден коричневый плащ Наташи. Казалось, Павел не сможет поверить, что ее уже нет рядом с ним...

Наконец, он все же пошевелился. «Что я такого мог сделать? Что?! Почему мы не можем быть вместе? Разве музыка – это препятствие для такой любви как эта? О боже! Вдруг она не любила меня, вдруг...» - думал Павел, медленно шагая в сторону дома, едва виднеющегося из-за стены дождя.

Придя домой, он устало разделся и побрел в свою комнату. Как счастливы они были в этой комнате, как весело проводили дни!

Павел, страшась и восторгаясь, пробирался на свое место. Рядом с ним сидела девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Сначала Паша не обратил на нее никакого внимания, настолько он был счастлив, попав на концерт. Но правильность черт ее лица поразила его. У нее были блестящие черные волосы, которые густой волной струились вдоль ее стана, черные брови и глаза оттеняли белую кожу ее лица с нежным румянцем на щеках.

Забыв про все на свете, затаив дыхание, смотрел на нее Павел. Никогда прежде он не испытывал подобных чувств. Ему хотелось услышать ее голос, ему хотелось смотреть на нее, не отрывая взгляда.

С ужасом Павел понимал, что концерт подходит к концу и что он не сможет больше увидеть эту девушку. Только теперь понял он, что должен решиться спросить, как ее зовут. Он глубоко вздохнул.

- Привет. - Она лишь чуть повернула голову в его сторону. Павел же, запинаясь, продолжал, - Меня зовут Па-павел. А... а тебя?

Девушка рассмеялась, а затем, немного успокоившись, сказала:

- Меня зовут Наташа. Друзья зовут Ната. Но вряд ли мы станем друзьями.

- Почему нет? - Павел уже оправился, и голос его окреп.

- У тебя красивый голос,- заметила Наташа, проигнорировав его вопрос.- Наверно, ты учился где-нибудь в музыкалке? - спросила она таким тоном, словно знала ответ заранее.

- Да, я учился, а сейчас занимаюсь в консерватории.

- Ну что ж, - задумалась Наташа, - ты забавный. Позвони мне через денек, - и назвала номер телефона.

3.

Паша был безумно счастлив. Когда он позвонил Наташе, та пригласила его на прогулку. Так они начали встречаться. Наташа стала бывать у него дома, а Павел

боялся верить в то, что Наташа испытывает те же чувства... Павел не решался говорить ей об этом, а она лишь смеялась, когда он смотрел на нее влюбленными глазами.

И вот наступил этот ненастный осенний вечер. Небо затягивалось тучами, которые едва заметно двигались. Павел был взволнован, ведь сегодня он решил, что откроется Наташе.

- Натали, - несмело начал он, - ты, наверное, замечала, что... что нравишься мне и...

- Нет, нет! Не надо говорить мне, что я должна тут же броситься тебе на шею и слушать глупые признания в любви. Почему...

- Но ты, - перебил ее Павел, - ты всегда радовалась, смеялась, когда мы были вместе.

- Ты думал? Я вместе с тобой проводила вечера только потому, что поссорилась со своим парнем, да к тому же ты показался мне смешным.

- И, уже повернувшись к мальчику спиной, добавила: Да ты и так смешной. И не звони мне больше.

4.

Молния ослепительно полыхнула в небе, и опустившаяся темнота показалась Паше пугающей. Он медленно вытер тыльной стороной ладони бороздки, оставленные слезами, прошел к выключателю и включил свет. Комната тускло осветилась одной лампочкой.

Как в бреду Павел подошел к роялю. Он вспомнил, как невнимательно Наташа слушала его игру, которую учителя называли божественной, которую неизменно высоко оценивало жюри на всевозможных конкурсах. Но, стиснув зубы, упрямо думал о том, что Наташа так же, как и он, занимается музыкой; вместе с ним она будет участвовать в городском конкурсе «Музыкант».

«Я напишу сюиту специально для нее. Опишу свою любовь, вдруг получится шедевр, - думал Паша, - Хотя... зачем ей это, ведь она ни в грош не ставит искусство, она любит только развлечения. Зачем же тогда мне эта музыка? Зачем же тогда я потратил столько лет, обучаясь искусству, если оно не может вернуть Натали?»

Он с ненавистью хлопнул крышкой рояля, надеясь, что сломает инструмент.

- Пашут, ты еще не спишь? - донесся до него голос матери.

- Нет, но уже ложусь, ма. Разбуди меня, пожалуйста, завтра, мне надо на учебу.

- Хорошо, милый. Спокойной ночи.

- Спокойной.

Все так же медленно разобрал Павел кровать и лег спать. Повернув голову, он увидел, что стрелки часов остановились. Это было последнее, что он вспомнит... через неделю.

5.

Целых семь дней пролежал Паша дома, а затем в больнице. Его била лихорадка. Невыносимый жар резко сменялся ознобом, заставляя его тряситься от холода. Движения его были скованными, а порой порывистыми и резкими.

Он мучился сам, но рядом с ним переживала его мать. Каждый крик отдавался болью в ее сердце; каждый хрип, вырывающийся из его горла, она сопровождала слезами.

Утром мать вызвала врача, но появился он только под вечер. Осмотрев больного, мужчина не сказал ничего конкретного, только, покачив головой, сообщил, что мальчика нужно отправить в больницу.

«Скорая» увезла Павла в полдень следующего дня. В этот день он должен был начать готовиться к конкурсу, вместо этого он лежал в бреду, и врачи опасались за его жизнь.

К концу третьего дня жар внезапно спал. Мать мальчика вздохнула свободнее, не смотря на то, что врачи все еще не могли сказать что-нибудь определенное. Когда же прошел седьмой день, сознание Павла окончательно прояснилось.

Он не помнил ничего о дне ссоры кроме того, что в *тот* день (он не помнил, в какой) стрелки часов остановились. Павел знал, кто он, знал родных, но что случилось с ним в последние два месяца? «Боже мой, - подумал Павел, узнав, какой сейчас день, - что же было со мной? Почему я не помню этих дней? Какое потрясение я пережил, если разум мой отказывается хранить этот момент моей жизни?»

Но не мог найти мальчик ответа, хоть снова и снова пытался вспомнить *то* событие. Постепенно к нему вернулось спокойствие, жизнь вливалась в привычное русло.

6.

Павел начал готовиться к городскому конкурсу «Музыкант» с усердием, которое проявлял раньше. Он целые дни проводил за роялем, разучивая сложные композиции, но ни одна из них не приходилась ему по душе. Он вечера напролет пытался разобраться в себе, чтобы легче было выбрать композицию для конкурса, но чтобы он ни делал, все его мысли обращались в прошлое. Павел пытался понять *те* события. Но ничего не получалось.

Тогда он подходил к роялю и начинал играть свои вариации. И вот в один из таких моментов к нему заглянула его мама:

- Павел, что это такое чудесное?

Тут только мальчик понял, что эту сюиту он создал сам, даже не задумываясь над тем, что играл, просто она лучше всего отвечала его мыслям и чувствам. Возможно, это было то, что нужно для конкурса.

7.

И вот наступил день, на который было назначено открытие «Музыканта». Павел должен был выступать пятым номером. Он совсем не волновался и не переживал, был уверен в том, что сумеет показать свое мастерство. Паша не вглядывался в толпу, окружавшую его, поэтому не заметил Наташу, стоящую всего в нескольких шагах от него. Она была явно взволнованна, ведь ей предстояло открыть программу.

В зале притушили свет, и Наташа пришла на сцену. Ее игра была довольно выразительной, но в ней отсутствовало чувство; не была вложена душа. «Что ж, неплохо», - пронеслось в голове у Павла, не узнающего Наташу.

Уходя со сцены, девушка заметила его, стоящего с нотной тетрадь в руках. Ее взгляд задержался на надписи, которая гласила: «Моему тайному прошлому». Мир в душе у Наташи мгновенно разрушился: «Нет, не может этого быть! Ведь он ничего не помнит, как же он...» Ей захотелось еще раз взглянуть на Павла, но толпа уже сомкнулась плотной стеной. Пока Наташа была в замешательстве, настала очередь Павла, и девушка решила остаться в стороне.

8.

Павел играл уверенно и вдохновенно. Он чувствовал музыку так, как парящая птица чувствует движения воздуха. Рояль, послушный движениям его рук, то громко и весело шумел, то протяжно плакал. Один мотив сменял другой; они были такими разными, но что-то в их различии было единым.

Легкий, как дуновение ветерка, шум привлек внимание Павла. Он, не переставая играть, обратил свой взгляд за кулисы. Там стояла Наташа. Паша, не глядя на ее широко раскрытые глаза, понял: что-то связывало их. Он продолжал играть, но внутренний взгляд его не отрывался от лица Наташи. Теперь его скрита звучала только для нее.

А Наташа слушала его игру, и эти звуки находили отклик в ее душе. «Как удивительно! Так не бывает. Кругом только фамильярность и пренебрежение, а ведь он действительно любит меня. А я?..» Слезы подступили к горлу, и, не в силах сдержаться, Наташа стояла и плакала, закрыв лицо руками.

И тут Павел вспомнил все: девушку, свои чувства к ней и ее отказ, внезапно возникшую ненависть к музыке. Пальцы его дрогнули на последнем аккорде, но этого никто не слышал: зал взорвался аплодисментами. Краем глаза Павел заметил, как Наташа уходит. Он улыбался зрителям, но в глазах его отразилось отчаянье. Он ушел за кулисы, не дождавшись оценки жюри.

Сердце его разрывалось на части. Ему хотелось оказаться где-нибудь далеко. Он, как в бреду, собрался домой, пробрался сквозь огромную толпу ждущих своей очереди ребят и вышел на улицу.

Звенящая тишина окружила его. Был вечер. Павел посмотрел на звезды и прошептал:

- Как жаль, что я не могу обменять их на ее любовь...

И тут откуда-то донесся голос Наташи:

- А это и не надо, музыкант.

Сентябрь 2004 года.

ОДИНОЧЕСТВО

1. Катастрофа

...Свет фар прорезал темноту вечера. Он буквально парализовал Соню. Округлившимися глазами она смотрела на приближающийся автомобиль...

- Кажется, мне сигналили, но ручаться за это я не могу. Я стояла посередине дороги и все смотрела на этот свет. Мне казалось, что если я отведу глаза, то просто умру.

...Соня совсем четко вдруг увидела водителя. Ужас исказил его лицо. Оно выглядело совсем белым на фоне темной обивки салона...

- Мне показалось, что это смерть. А потом ...Потом я словно очутилась в какой-то клетке. Нет, не в клетке... в комнате. Там все было белым, словно где-то в больнице.

Речь Сони оборвалась. Со стороны это выглядело так, словно она уже все сказала, но Михаил Лавров знал, что это не так.

- Соня, вы еще что-нибудь расскажете?

- Нет... Я... Я не помню.

- Хорошо, - сказал Михаил, собираясь. - Я, наверное, загляну к вам в ближайшие дни снова. Выздоровляйте.

Он уже взялся за ручку двери, когда она истерично закричала:

- Но вы же не верите мне! Вы мне не верите! Зачем же тогда мучить меня? Зачем весь этот балаган из вопросов и ответов?..

Михаил вышел. В коридоре его ждали два массивных санитара:

- Дайте ей успокоительного.

Такие допросы повторялись уже вторую неделю. И хотя Соня рассказывала далеко не всё, Михаил не мог ее понять.

Сначала ему показалось, что девушка попала в больницу по ошибке. После катастрофы она совсем не переживала и вела себя абсолютно адекватно. Но позже она рассказала Михаилу о комнате, и он понял, что Соня нуждается в помощи психиатра.

Михаил думал, что сможет легко убедить Соню в абсурдности ее видения, но с каждым днем все больше убеждался в обратном. Его слова Соня не воспринимала. Она снова и снова твердила о комнате, добавляя новые подробности в свой рассказ.

Два дня назад у нее случился первый срыв. Она не упоминала о комнате, но все время говорила о глупости окружающих ее людей. И вот опять...

Михаил был в отчаянии, когда увидел, с какой злостью она прокричала ему в след. Он искренне хотел помочь...

2. Голос

Комната. Здесь почти ничего не изменилось. Кровать прикручена к полу. Белая плитка. Высокий потолок. И нет двери.

Глаза Сони изучали каждый сантиметр в поиске выхода из этого страшного помещения.

Царящая здесь тишина давила на нервы. Можно подумать, что все умерли и осталась она, Соня, одна во всем мире.

Тишину не пугай своим криком,

Вздохом, шорохом, шумом дыханья.

Наслаждайся затишья мигом,

Жди суда ты без колебанья...

Что за бред? Может, послышалось, что тонкий, похожий на серебряный колокольчик голос шептал слова. Соня еще раз огляделась. Здесь точно никого нет. Всё как и было.

Но вот снова раздался знакомый шепот. Соня огляделась. Никого. Заткнула уши, но продолжала слышать голос...

- Пустите меня! Пустите!

Ужасное пробуждение. Как во сне, стены в лунном свете сияли белизной. Но Соня знает, что на самом деле они синие.

Слегка успокоившись и решив никому о кошмаре не говорить, девушка вновь погрузилась в тяжелый сон. На этот раз без сновидений.

Соня проснулась из-за солнечного лучика. Он, шутя, перепрыгивал с одного глаза на другой, путался в густых волосах, отчего они приобретали золотистый оттенок.

«Начинается новое утро... мучений», - подумала Соня, потягиваясь.

3. На разный лад

Через час зашел Михаил. Соня повернулась к нему лицом, но осталась стоять у окна, облокотившись о подоконник.

- Сегодня снова о катастрофе рассказывать?

- Нет, сегодня не надо, - в помещении повисла пауза. Михаил о чем-то размышлял. Соня же вновь повернулась лицом к окну.

- Отпустите меня домой.

- Соня, вы же прекрасно знаете, что я не могу это сделать, - горько сказал Михаил.

Соня резко обернулась:

- Если не можете вы, то кто может? - Она резко со свистом чеканила слова. - Может, вы неточно выразились. Наверное, вам доставляет удовольствие видеть, как тут мучаются люди. Что вы вообще знаете о нас? Хотите, я вам скажу. Ничего. Ни-че-го.

- Соня, я хотел сказать вовсе не то, что вы подумали. Мне безумно жалко вас. Я думал, может, вам нужны книги, например, или еще чего-нибудь, - Михаил ужасно расстроился из-за Сониных слов, но не хотел этого показывать.

- Извините, - тихо, почти шепотом сказала Соня, - я не хотела...

Михаил постоял еще несколько минут и вышел. Соня растерялась. «Что я наделала?»

- Доктор!

Михаил, услышав, остановился у самых дверей.

- Доктор...

- Соня, давайте вы будете называть меня Михаилом.

- Хорошо, док... Михаил, - сделала над собой усилие Соня. - Я не хотела вас обидеть. Правда.

- Ничего. И не такое приходилось выслушивать.

- Я хочу вас попросить... Вы не могли бы сделать так, чтобы мне дали бумагу и ручку.

- Вы хотите писать?

- Да. Я думаю, мне так будет легче.

Михаил не понял до конца смысл последней фразы, но все же решил поддержать Соню:

- Возможно... Больше вам ничего не надо?

- Нет... хотя, да. Если бы мне разрешили хотя бы иногда гулять.

- Обещать не могу, - Михаил обескураживающе улыбнулся, - но я попробую это устроить.

- Спасибо, - сказала Соня и совсем тихо добавила, - и извините еще раз.

4. Результат налицо

Ночь неумолимо приближалась. Дежурный врач уже прошел с проверкой по отделению. Соне с каждым часом становилось все страшнее. Не выдержав, она подошла к столу и стала писать.

Каждое новое слово давалось ей с трудом. Соня словно оттягивала момент написания каждой новой буквы. По десять минут она могла сидеть, глядя на свои руки, после катастрофы ставшие такими худыми, заострившиеся пальцы и локти. Потом вновь, словно нехотя, Соня начинала писать, склоняясь к самой бумаге и устало щуря глаза. Веки ее поминутно смыкались, но необычайным усилием воли Соня вновь открывала глаза.

Наконец, небо начало сереть, а на листе бумаги появилась последняя буква.

Соня откинулась на спинку стула и стала прислушиваться к шуму оживающей больницы.

Промчалась медсестра с тележкой полной лекарств; какой-то псих разразился отборной бранью, тут же послышался голос санитаря; за стеной начались обычные причитания: «Ироды. Демоны. Ишо творят-то бестии окаянные. Как скажут-то, как...»

Соня устало вздохнула.

Где-то недалеко с шумом распахнулось окно. Там шла жаркая дискуссия о разрешении прогулок больным.

- На улице весна, Карл Иванович, а больные это чувствуют. Большинству из них стены палат осточертели по самое не могу.

- А если кто из припадочных удерет? Что тогда?

Вопрос Карла Ивановича, заведующего отделением, поставил Михаила Лаврова в тупик.

- Не знаю, - честно признался он.

- То-то и оно.

- Ну... может, тогда не всем разрешать прогулки.

- Да что вы заладили? «Прогулки, прогулки». Что это за причина такая, а, Михаил Никодимыч?

- Больным нужен свежий воздух. Некоторым из них для выздоровления нужно просто нервы успокоить, а их загнали, как в клетки, в палаты и шагу ступить не дают, - красноречиво описывал положение Михаил.

- «Некоторым». А сколько у вас этих самых «некоторых»?

- Из моих двадцати человек двенадцать будет, да и Максим говорил, что у него такие есть.

- Ну, - протянул заотделением. - Садись. Пиши заявление. Но смотри, если начнутся массовые выздоровления, я сам всех проверять на трезвость мысли буду.

5. Встреча

Через несколько дней постановление о введении прогулок было подписано и вступило в силу. Соне, как и другим двадцати шести больным, было разрешено гулять в пределах больничного парка.

Соня прошла вдоль главной, самой широкой дорожки и только тогда почувствовала переполняющую ее радость. Ей не хотелось делиться этой с другими - она свернула на боковую тропинку, идущую в обход всего здания больницы. Пройдя в глубь парка шагов тридцать, Соня увидела скамейку, скрытую кустами. Ей так понравилось это место, что каждый раз Соня стала приходить сюда.

Однажды, как обычно придя к скамейке, девушка обнаружила юношу, занявшего ее любимое место.

На лице Сони выразилась досада и презрение. Она уже собиралась уйти, когда юноша приветливо ей улыбнулся:

- Добрый день.

- Разве дни, проведенные в психушке, могут быть добрыми?

- Могут, - убежденно ответил юноша. - Присаживайтесь, незнакомка.

Но Соня, развернувшись, пошла прочь, даже не заметив, что обронила листок. Максим (так звали юношу), пожав плечами, поднял листок с земли. Надпись на нем гласила:

Белая комната. Тихий приют

Души уставшие здесь обретут.

Светлая комната. Внутренний шок

Мой одинокий срывает цветок.

Бедный мой разум заточен в стенах,

Бледность смертельная есть на губах.

Белое всюду. Стальная кровать.

Чтобы не мучаться, надо не спать!

- Жалко бедняжку, - пробормотал Максим.

- Кого это ты жалеешь, Макс, - весело спросил тихо подошедший Михаил.

- Да, была тут одна... лесная нимфа.

6. «Свободы тоже нет»

Следующая встреча не заставила себя долго ждать и, разумеется, была не случайной.

Максим уже довольно давно стоял в тени ветвистых деревьев и рассматривал Соню. Девушка сидела очень прямо, словно от того, согнется ее спина или нет, зависит жизнь всего человечества. Ее лицо с прикрытыми глазами было обращено к солнцу. На губах играла улыбка, но вот сказать какая - счастливая или скорбная - Максим не мог.

Он медленно шагнул к скамейке. Под ногой громко треснула ветка. Соня мгновенно обернулась на звук.

- А-а... - протянула она безразлично и снова лицо к небу.

Максим прошел то расстояние, что отделяло его от скамейки, и остановился в нерешительности.

- Как сказал какой-то философ, не заслоняйте мне солнце, - обронила Соня.

- Извините. Можно мне присесть? - спросил Максим.

- Присядьте, если вам очень хочется.

Несколько минут прошли в молчании. Девушка продолжала нежиться на солнце, не обращая внимания на Максима, сидящего рядом. А он теребил в руках листок со стихотворением. Наконец Соня не выдержала и, повернувшись к Максиму, внимательно посмотрела на него.

- Вы что-то хотели мне сказать? - полуотвердительно спросила она.

- Да... В прошлый раз вы обронили, - Соня буквально сверлила его глазами. - Вы обронили этот листок, на котором было написано стихотворение, - закончил объяснять Максим.

- И что?

- Как что?! Я решил, что он что-то для вас значит, и принес его вам, - он протянул листок, улыбку и взъерошил черные волосы.

- Спасибо, - в глазах Сони промелькнуло что-то похожее на благодарность.

Снова повисла пауза.

- Вы пишете стихи?

- Нет. Я их записываю, - ответила Соня и, подумав, добавила, - за тем голосом, что слышу в комнате.

- Какой комнате?

- Белой. Я ее во сне вижу.

- А как же это? - юный эскулап наморщил и продекламировал, - «Чтобы не мучаться - надо не спать».

- А-а, это. Я тогда еще боялась комнаты.

- А теперь?

- Что теперь?

- Не боитесь?

- Нет, конечно. Я, знаете, как загнанная лошадь, которую все поднимают и гонят, а она падает. Но людям наплевать. Гонят, гонят, гонят, - вдруг Соня взорвалась, - да что вы знаете? Вам приходилось быть одному?! Кругом толпа. Огромная, живая толпа, а ты совсем один. В тебя тыкают пальцем, над тобой издеваются, тебя унижают. Но как только возникает неувязочка, все к тебе бегут. Меня загнали! Я устала! А в комнате я абсолютно одна... Нет ни друзей, ни врагов.

- А почему боялись? - не унимался Максим.

Соня долго молчала. Потом поднялась и пошла прочь от скамейки, но, сделав пару шагов, обернулась и задумчиво сказала:

- Свободы тоже нет...

7. Очередное испытание

Голос. Когда он появится? Неужели он продлит это мучение еще?

Нет. Вот уже послышался тихий шорох. Через несколько секунд в комнате звенит серебряный колокольчик, вещающий очередную истину, царящую в этой стране одиночества.

Я снова здесь, вокруг тебя,

Ты слышишь голос мой.

Попробуй быстро дать ответ.

Довольна ль ты судьбой?

Соня задумалась:

- Я... Я не знаю. Голос, какое это имеет значение?

Нет! Снова этот дурацкий приговор. Почему она никак не может дать нужный ответ?!

- Почему?

Тишина. Не слышно даже привычного звона

- Го-олос! Почему?

Ты в раю не готова жить:

Твой разум может согрешить.

Ты в аду...

Мельтешение теней в углу комнаты мгновенно прервало голос. Вглядевшись, Соня различила смутные очертания человеческой фигуры, манившей девушку к себе.

- Нет! Я не хочу! Голос! Вернись!

Девушка начала метаться по комнате.

- Вернись!

Утром ее разбудил Михаил Лавров.

- Соня!

С трудом открыв глаза, Соня долго не могла сфокусировать зрение на враче: пол и потолок плясали быструю мазурку. Но, наконец, ей удалось остановить взгляд на Михаиле.

- Господи, - тихо прошептала она. - Сегодня снова будет допрос?

- Ну, не допрос, а попытка выписать вас из этого дурдома.

- Неужели? - Соня не могла поверить в последние слова.

- Да. Только мне надо убедиться, что с вами все в порядке.

- Хорошо, - слабым голосом уставшего человека сказала девушка.

Михаил присел к столу. Разложил бумаги в нужном порядке и начал зачитывать вопросы, отмечая ответы Сони.

- Чувствуете ли вы головокружения, головные боли или иные другие неприятные ощущения?

- Видите ли вы кошмары?

Соня чуть-чуть поколебалась, но достаточно твердо ответила:

- Нет.

Вопросы следовали один за другим. Лоб девушки покрылся испариной к тому времени, когда Михаил оторвал взгляд от бумаг и, внимательно посмотрев на Соню, сказал:

- Последний и самый главный вопрос. Соня, ответь на него честно. Ты до сих пор веришь в комнату?

Соня легко выдержала пристальный взгляд стальных глаз. В ее душе не было сомнений:

- Нет.

8. Крушение мечты

Девушка бежала сломя голову. Несколько раз ветки больно ударяли ее по лицу, но она не обращала на это внимания. Вот впереди показалась скамейка.

Резко остановившись, Соня обвела все в округе недоумевающим взглядом. Где он?

Стон раненого зверя сорвался с ее губ и, словно подкошенное дерево, Соня опустилась на скамейку.

Максим стоял у окна и размышлял: «Предательство – это когда ты обманываешь ожидания других. А обман в благих целях – это тоже предательство? Ложь, она ведь и в Африке ложь. Как все глупо! Словно мальчишка, испугался рыжеволосой ведьмы с огромными глазами.

Надо было сразу сказать, что врач. Проблем бы меньше было! Да... Натворил ты делов, Максим. Поди ж теперь, скажи человеку с неустойчивой психикой, что он умишком тронулся. Это ж все равно, что красную тряпку быку показать...»

Лучи заходящего солнца окрасили лицо Сони в багровый цвет, переливающийся разнообразными оттенками в хрустальных каплях. Ветер нещадно трепал волосы и норовил ворваться в душу.

Теплая рука коснулась плеча девушки. Испуганно вздрогнув, она вытерла слезы ладонями и обернулась.

- Максим, - и тут же погасла не успевшая расцвести улыбка.

- Соня, уже вечер. Вам пора.

- Да. Конечно, доктор.

Михаил хотел еще что-то сказать, но сдержался, увидев, как понуро девушка опустила голову и поплелась в сторону больничного комплекса.

А на следующий день состоялось совещание.

Соню пригласили войти в кабинет, и одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять каким будет решение.

Грустными глазами Максим следил за движениями вошедшей. Едва он увидел ее, в его душе поднялась теплая волна, которая, впрочем, тут же была подавлена холодным разумом...

...Перекрестный допрос уже близился к завершению, когда Максим прервал его:

- Полагаю, всем будет проще, если я поясню ситуацию. Девушка, сидящая здесь, долгое время вводила лечащего врача, Михаила Никодимыча, в заблуждение, - протестующий жест Михаила остался без внимания - При чем, это удавалось ей в совершенстве. В связи с этим я не могу дать положительное резюме.

- Не могли бы вы, Максим Александрович, раскрыть причины столь категоричного и неожиданного заявления?

- Не надо, - негромко сказала Соня.

- Мы должны, - продолжал Карл Иванович, - понять...

- Не надо, - еще раз, уже громче повторила девушка. - Максим ...сказал правду. Я врала вам всем. И ему бы не стала говорить, если бы...

- Что?

- Ничего. Все я вам сказала. Мало? – Соня начала впадать в агрессию, но, встретившись глазами с Максимом, внезапно успокоилась. – Я устала. Можно мне идти?

Врачи молчали, ошарашенные таким оборотом дела. Соня встала и медленно пошла к двери

- Санитары! – крикнул очнувшийся Михаил. – Проводите девушку до палаты!

Обернувшись, Соня сказала:

- Как жалко, что мои мечты разбились. А ведь показалось, что кому-то я стала нужна...

- Топай, - встрял один из санитаров, - в палате расскажешь о мечтах.

9. Одна

На этот раз все иначе. Нет никакой комнаты. Наоборот, кругом скалы и море, которое лениво плещется у подножия утеса. В вышине виднеется фигурка маленького человечка.

Соня, стоя на каменном выступе, с высоты птичьего полета смотрела на солнце, которое окрашивало горизонт в золотисто-красавый цвет. Сквозь проплывающие облака прорывались сполохи огня. А к утесу, на котором стоит Соня, по морю ведет дорожка из «барашков», на которых покачиваются белые чайки.

- Я иду к вам, - внезапно громко сказала Соня и шагнула вперед... (2005)

ДИАНА САВКОВА «НЕ ПОКЛАДАЯ РУК»

Однажды я пришла к любимой прабабушке Зине, села рядышком и попросила рассказать о жизни в суровые военные годы. И вот те слова, которые до сих пор свято хранит моё сердце.

Бабушка Шишкова Зинаида Ивановна закончила Муромский лесной техникум. В военные годы она работала в отделе реализации треста «Владимирлес» в должности таксатора и инженера по лесному фонду. Работа была нелегкой. Но моя бабушка не из тех, кто боялся трудностей. Несмотря на усталость и непосильную тяжесть работы, она ни перед чем не останавливалась. Её задача - во что бы то ни стало организовать заготовку древесины на топливо, так необходимое в годы войны. Очень часто приходилось работать сутками, не покладая рук, организовывать работу по вырубке леса. Бабушка не знала слова «отдых», только «труд» с тех лет стал смыслом жизни.

Вспоминаю ее большие добрые глаза, множество крохотных морщинок на лице, густые брови... Волосы бабушки всегда приятно собраны заколкой, и хотя были совсем седые, они сохранили свою прелесть. А как она смеялась! Звонко, искренне, неповторимо.

Сама Зинаида Ивановна была небольшого роста, но ее отличала прямая и гордая осанка.

Я удивляюсь жизненной стойкости, безграничному терпению и силе воли этого человека. Однажды ей пришлось преодолеть огромную лесополосу, чтобы рассчитать лесосеки для вырубki. Она шла два дня и ночь, голодная и замерзшая, с ободранными израненными руками. Зинаида всё-таки судья. Это был её долг. От бабушки зависела судьба сотен людей. Она знала это, и поэтому трудилась так, как только могла.

«Я «сражалась» за Родину, но моим оружием были руки, мои знания и опыт», - говорила мне бабушка. Но только сейчас я начинаю понимать эти слова.

Зинаида Ивановна сверх плана выполняла свои задачи и делала это не ради славы, потому что знала, что и от неё на фронте зависит жизнь солдат. И она должна им помочь. Война унесла жизни братьев и мужа. В эти горькие минуты из сильной, стойкой женщины Зинаида Ивановна превращалась в хрупкую девушку, тихонько плакала о погибших, безумно скучала по крохотной дочке. Но не сдавалась. Продолжала работать. Бабушка вспоминала, что лес восстанавливал силы и врачевал душу. И рядом были люди.

Милая и добрая, она умела найти подход к каждому, кто был рядом: поднять дух, помочь словом, подарить обнадеживающую улыбку. Вокруг неё всегда был единый и сплоченный коллектив. Вместе они шли к Победе!

Не без гордости бабушка говорила о том, что в 1944 г. сам министр Бещев пригласил её в Москву, где она в течение нескольких месяцев координировала действия по поставке лесных грузов на фронт.

Я помню эти ласковые и теплые руки, смуглое морщинистое лицо, лучезарную улыбку... Часто слышу и вспоминаю минуты, когда прабабушка сидела рядом со мной, читала на ночь сказки, пела колыбельную. Подобно маленькой доброй фее из волшебного мира, она всегда суежилась возле меня, рассказывала истории, тихонько смеялась, прижимала к горячему сердцу. Тогда я, маленькая и несмышленица, видела в ней только близкого дорогого человечка, любимую и добродушную, всегда готовую помочь прабабушку Зину.

Я никогда не задумывалась, отчего столько оптимизма, трудолюбия и стремления к цели, несмотря на её немолодой возраст. И представить не могла, что часть своей жизни любимая и нежная, хрупкая на первый взгляд женщина, отдала войне.

О Дне Победы бабушка не могла говорить без слёз на глазах. Только сейчас я понимаю, что это была и её победа, победа русской женщины, выстоявшей в невероятных условиях и не потерявшей себя...

...Открываю заветную шкатулку. В ней - медали моей бабушки. Самая главная из них - «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. г.» Доблестный значит бескорыстный, беззаветный, самоотверженный. С трепетом держу медаль в руках и осознаю, как дорога она была для неё. Была... Потому что моей бабушки нет в живых. Осталась светлая память и эти медали, которые хранит заветная шкатулка.

Я горжусь своей бабушкой. Её история - это история многих русских женщин, которые непосильным трудом приближали победу. Я часто вспоминаю бабушку Зину. Щемит сердце, и плачет душа, когда понимаю, что могла бы чаще прислушиваться к её мудрым советам, дарить больше тёплых и ласковых слов, которых ей так не доставало в молодости. Если бы это было возможно...

И все-таки хочу сказать: «Я постараюсь быть такой же сильной, как ты, ведь внутри меня горит огонёк, зажжённый тобою, женщина-труженица, любимая бабушка Зинаида!»

ИАНА САВКОВА. КОГДА НЕ КОНЧАЕТСЯ ДОЖДЬ

Почему я люблю дождь? Не знаю... Наверное, потому что сквозь него видно чувства людей: их щемящую боль, печали и страдания, неразделенную любовь...

Порой смотрю за окно, и мне кажется, что это и вовсе не дождь, а слезинка за слезинкой капает на землю человеческое счастье. И плавно растворяется в едва заметных на мокром асфальте следах.

Холодный и ласковый дождик помогает забыть обо всем на свете. Только под дождем я, кажется, поистине счастлива. Есть в нем что-то родное, душевное, чарующее. Дождик как дождик, а никого в этом мире нет ближе...

Иду по улице, под ногами шелестят пестрые осенние листья, мне очень грустно и тоскливо. И ни один прохожий не заметит, как вместе с дождем из глаз тихонечко упадут несколько хрустальных слезинок. Никто и не поймет, что случилось, только крохотные капельки беззвучно, чуть дыша, унесут с собой мою печаль...

Когда мы впервые встретились, тоже шел дождь. Он был безжалостным, дерзким и холодным. Ты мягко накрыл меня своей модной курточкой и мы, словно маленькие дети, босиком побежали по прозрачным лужам. Мы улыбались и смотрели друг другу в глаза, которые в тот миг сияли ярче любых бриллиантов.

За что я так сильно полюбила тебя? Даже за то, что ты ужасно похож на этот осенний дождик, такой же непредсказуемый, нежный и удивительно прекрасный.

Но любой дождик, в конце концов, кончается. На небе засияет радуга, переливающаяся множеством разноцветных огоньков. Пушистые хмурые тучи накроются шатром лазурного неба. И ты уйдешь, даже не попрощавшись... Уедешь так же внезапно, как пройдет наш с тобой дождь-дождь светлых надежд и волшебных желаний.

Каждую осень по вечерам я слушаю мелодии дождя. Тайком выбегаю на улицу, чтобы почувствовать его прикосновение. Когда грубые капли ласкают мои руки, окутывают тело, играют мокрыми кудряшками, я вновь слышу тебя, чувствую, что ты рядом. И ничего другого мне не надо, лишь бы не прекращался этот дождь, никогда не прекращался!

За многие тысячи верст отсюда идет самый настоящий ливень. И ты не можешь спокойно уснуть. Этот бесконечный дождь навеки вонзился в сердце, и манит тебя за собой.

И вот на одном краю земли под дождем, нисколько не боясь простудиться, стою я, а на другом краю ты. Даже на расстоянии мы любим и помним друг друга через хрупкие дождинки. Они несут к тебе мое тепло и ласку, нежность и отчаяние, хранят твою преданность и робкую юношескую любовь.

Вот я вижу тебя. Луна, отражаясь в каждой капельке дождя, рисует передо мной твой образ. Ты совсем не изменился со дня нашей первой встречи. Горящие серые глаза, потрепанные светлые волосы, тонкие пальцы и сияющая улыбка. Ты одновременно так далеко и так близко. Дождик промочил тебя с ног до головы, но ты не спешишь возвращаться в дом, а я чувствую твою любовь, столь необъятную и безумную, как эта сентябрьская непогода.

Проходит время... Зима сменяется весной, весна – летом, и снова плакучая осень. Сегодня ты должен вернуться, а я совсем забыла...

Но вот пошел тот самый необыкновенно прохладный осенний дождик. Он еще на что-то надеялся, замерев в ожидании, но от нас ничего не осталось. Теперь есть только ты и я. А как же любовь? Нет, ее огонек не погас. Он остался в каплях дождя, который однажды стал случайным немым свидетелем нашего счастья. И он сумел сохранить непорочное, тонкое чувство, в то время как мы не удержали его.

Но я по-прежнему люблю осенний дождик. Пусть я потеряла тебя, ты - меня, но еще осталась надежда, живущая в небесных слезинках. Когда-нибудь мы начнем все сначала. Опять помчимся по лужам, крепко держась за руки и разбрасывая брызги по сторонам. Ты обнимешь меня и больше никогда не отпустишь. Пусть над головой сгущаются тучи, день покрывается густым мраком, для нас в этом мире больше нет одиночества.

Издали, еле слышно заструится волшебная симфония, а мы снова вместе и снова все втроем безумно счастливы: я, ты и дождь.

ВЕРОНИКА СЛАВЯНЦЕВА
(Кадуй-Вологда)

ПОЛОВИНКИ

Однажды я видела, как этот человек подпινывал парней младше себя. Что интересно, я не стала считать его плохим. Часто бывает, что человек падает в моих глазах из-за какой-нибудь мелочи, а вот с ним этого не случилось. Он не злой, я знаю это совершенно точно. Например, как-то раз его спросили, что он подарил на восьмое марта маме. Он что-то ответил, но с таким тоном заботливости, что в нём слышалось: «То, что я дарю, ничтожно. Моя мама заслуживает большего». Он очень доверчив и открыт. Однажды он рассказывал одному человеку, который ему практически никто, очень личную историю. Он очень искренний. Если уж засмеётся, то значит, ему действительно смешно.

Этот человек любил опускать глаза. То ли он стеснялся, то ли просто не хотел видеть меня... Сначала эта манера казалась мне очень милой; я ждала её проявления. Кстати, по его глазам ничего нельзя понять. Досадно. Иногда так хочется прочитать в них что-нибудь!

У него очень тёмные девчоночьи ресницы, широкие брови и волнистые, довольно длинные каштановые волосы, которые кончаются забавной завитушкой сзади. У него пухлые губы и правильной формы нос.

Этот человек много курил. Как ни странно, его не портили сигареты; без них его было трудно представить. Когда он курил, он отставлял ногу в сторону, опускал голову и потому смотрел на всех

как-то исподлобья, серьёзно, хмуро, но не зло. Он знал свою красоту и на его лице всегда было это знание собственной ценности, какое-то чувство превосходства, правда, в самой незаметной стадии. Однако он не был высокомерным.

У него мягкое имя, мягкая фамилия и мягкий характер. К своим многочисленным друзьям он обращался тоже мягко, даже ласкательно: не Сашка, не Лёшка, а Санёк, Лёха.

У этого человека чисто мужской, низкий, но приятный и ласковый голос, доносившийся откуда-то из глубины его существования, словно из бочки. В нём слышались доброта и глубоко запрятанная чувствительность. Он очень мало говорил, впрочем, этим и интриговал. На заданный ему вопрос он любил помолчать, не поднимая глаз на вопрошающего и коротко ответить. Он терпеть не мог извиняться, что-то объяснять или просить. Он был высоким и плечистым; он казался очень сильным и крутым, но это было не совсем так. Я знаю наверняка, что он умел плакать (хотя и не видела никогда). Он умел бояться людей, которых не из-за чего было бояться, но казался ни от кого не зависящим. Ещё в тринадцать он сделал себе татуировку; она изображала круг, разделённый на две половинки, в одной символ добра, в другой - зла. Я мало пересекалась с этим человеком, хоть и очень старалась, и поэтому следила за его жестами, за каждым его словом, которых слышала немного. Мне казалось, что эта татуировка говорит о его смирении к жизненным событиям: мол, если сейчас чёрная полоса, так и пусть; ну, а если кругом светло и ясно, так Слава Богу! А ещё у него была манера поднимать руки; он часто стоял и держал их замком, обхватив голову. В таком положении люди обычно лежат на диване.

Он всегда делал всё со знанием дела, уверенно и неторопливо. Иногда он красил для разнообразия волосы в желтовато-беловатый цвет. Он знал, что ему шло. Непонятно, как я узнавала его со своей близорукостью в темноте улиц. Наверно, было какое-то чутьё. А ещё его выдавали маленькие, но пышные бакенбарды и серёжка в правом ухе. Он одевался в яркие цвета – фиолетовый, красный. Он выделялся из толпы...

ВЕРОНИКА СЛАВЯНЦЕВА

СЕГОДНЯ

Сегодня я опять думала о Человеке, о Любви, о Смысле Всего. К ночи в груди стало пусто. Я ощутила, что где-то в районе сердца находится рана и, похоже, сквозная. Ветер свистел и гудел там, и сердце колыхалось от него, как воздушный шар, обёрнутый в красную гладкую материю — будто на этот шар одели наволочку. В эту дыру плакал маленький Дождь.

Сегодня я не понимала, откуда взялась Боль. Всегда её появлению я находила причины, а сегодня не нашла ни одной толковой. Кажется, я часто думаю о Смысле, Любви, Людях... И я всегда думаю об этом спокойно, грустно - спокойно, иногда зло, отчаявшись, иногда—тихо - отрешённо или с иронией. А тут—Боль. Почему? Вроде бы давно её не было, боли, именно Такой. Я уж было думала, что всё там, внутри, давно зарытое в землю миром, оравнодушело и покрылось коркой чудовищного пофигизма. Неужели нет? Нет. Больно. И откуда она, эта Боль, такая острая, вопиющая?

Почему же мне вспоминался Парень, ТОТ парень, ведь я же, кажется, не любила Его?! Тёмные небольшие глаза, хранящие какую-то тайну, гордые, со своими законами, и в то же время какие-то тихие, послушные; чёрные длинные волосы, красивые правильные брови; большие тёплые руки, смешные варежки с узором снежинки, как у Деда Мороза в сказке; низкий голос и неожиданный специфический смех... Фразы этого человека, только Его, индивидуальные, особенные слова и словосочетания...

Только что-то это всё не то, совсем не то. Мысли, эмоции. Глупо. По всему получается, боль на пустом месте. Боль из ниоткуда. А ничего не появляется из ниоткуда—что-то вроде этого, я помню, есть в учебнике физики... Странный день - Сегодня.

Изнутри идёт какая-то волна, что-то просится наружу. Хочется открыть рот и выпустить это что-то в виде певучих сочетаний гласных, так чтобы они звенели тонко, высоко и печально - напряжённо. Хочется или спеть, или крикнуть. Крикнуть так, чтоб самой удивиться своему голосу. Но кричать нельзя — уже давно за одиннадцать... Соседи. Да и вообще, разве можно крикнуть когда-нибудь так, как хочется, в полную мощь, чтобы почувствовать силу своего голоса?! И я выдыхаю жалкие звуки едва слышно, будто нет сил больше. Да и есть ли они?

Кто я? Что я?—возникает вдруг мысль. Я встаю и хожу по кухне. Это в порядке вещей. Значит, успокаиваюсь. Так и не поняла, что произошло Сегодня. Может, всё-таки так просто? Нервы?

Подхожу к окну. Падает снег. Наконец-то. Падает быстро, спешит. Снежинки мелкие, тоже жалкие. На стекле окна—капельки. Их много. Они стекают медленно, одна цепляет другую и они сливаются, спускаясь всё ниже и ниже. И на уровне моих глаз— целые ручейки. Ассоциации со всем этим, что в окне —будто небо плачет. Я выключаю Свет, чтобы лучше видеть Небо, Снег и Воду на стекле. Задираю голову—там, откуда-то сверху, с крыши, сквозь свет Фонарей всё ещё летит Белое. Я смотрю —и вот уже черно-обнажённая недавно земля покрыта этим белым, ослепительно-Чистым. Я плачу, улыбаясь—ничему я ещё не была так рада Сегодня. Открывшаяся дверь в рану захлопнулась. Там было тихо и спокойно. И не было заметно никаких следов открытия этой двери.

(30 декабря 2005г.)

НЕ ПОЭТАМ

Эти люди не удручены поиском смысла жизни. Им живется легче. Но зато они никогда не почувствуют запахов зимы, ночи или света, они никогда не испытают того пронизывающего насквозь, бросающего в дрожь волнения. Например, от появления солнца в январе. От жгучего желания познать мир, от таинственной бесфонарной темноты и черного святого неба за окном...Тихой, но сильной радости от того, что на подоконнике распустился крупный, яркий, ничем не выдающийся безвестный цветок...Они никогда не заплачут от счастья от снега, всего лишь обычного пушистого снега.

Они обыденнее, скучнее и грубее. Они бедные.

Небо — молоко, только грязное какое-то. Как будто чашка грязная, а свет, падающий в нее — тусклый, а на лампе — пыль и паутина. Вверху — грязное молоко, а внизу — белоснежное, свежее. Белоснежность эту омарачают лишь темные железобетонные коробки. Они кажутся такими чужими в этом молоке, точно корки черного хлеба. Лучше бы не было их в моем окне, лучше смотреть только на молоко...

Зима 2005.

ТАТЬЯНА СНЕЖИНА МОЛИТЬСЯ, ВЕРИТЬ, ПЛАКАТЬ, ЖДАТЬ

Я мир не мыслю без искусства,
Творит его и сердце и рука.
Как дорого, знакомо это чувство,
Когда рождается еще одна строка,
Когда в словах таинственная сила,
Когда порой вообще их не найти...
В волшебный мир мне Муза дверь открыла
С поэзией по жизни мне идти!
По-своему у каждого прекрасна
Душа, которая позволить нам любить
Поэзию и прозу. Это важно,
Без этого немислимо прожить.
Среди столь ровных, заурядных будней
Все для души найдем в стихах
Давайте к слову бережнее будем
И бережней к перу в своих руках!
17.05.03

Между строк
ты прочтешь мою злость,
Между строк
ты увидишь печаль.
Между строк
залепла моя грусть.
Между строк
станет вдруг тебя жаль.
Между строк
моя ненависть спит,
Между строк
лишь стук обид,
Между строк
умирает мечта,
Между строк
лишь одна пустота.
Между строк
одинокства гнет
Между строк
только мерзлый лед

Между строк
тягость будничных дней
Между строк
простуда полей.
Между строк
кроет истину мрак,
Между строк
правит разумом страх.
Между строк
чувства прячутся вновь
Между строк
притаилась любовь.
9.05.2004

Я там была вдали от дома,
Смотрела молча на Неву.
Всё было чуждо, не знакомо,
Как чудо, только наяву.
Мне не знакомы небоскрёбы,
Порядки здесь другие, лица,

И, в общем, были очень новы
Причуды Северной столицы.

Фонтаны, площади и скверы,
И эскалаторы метро,
Ходила я, глазам не веря:
«Неужто правда это всё?»

Да, правда! Правда, я была там,
Но я была там без тебя,
А без тебя и Петрограда
Блестящий вид не для меня...

«Его убью» - сказала ты,
сказала очень нежно.
Ну, вот опять горят мечты
И рушатся надежды.

Опять, опять свой гордый нрав
Ему ты представляешь.
Бьёт может, в этот раз он прав,
А ты его ругаешь!

И хватит разрушать мечты,
Когда-нибудь доразрушаешь,
Ты не «убьёшь», полюбишь ты,
Того, кого ругаешь!!!
25 дек 2004г.

Мне не нужна твоя любовь,
Тебе мою не надо.
Зачем тогда вопиает кровь,
Когда стоишь ты рядом?

Я не нарушу твой покой,
Не стану лезть я в душу.
Мне просто хорошо с тобой,
Но сам ты мне не нужен...
11 сентября 2004г.

Понимаю в который раз,
 Что не сделать мне этот шаг.
 Рядом сотни знакомых глаз,
 За спиною и друг и враг.

Чтоб проделать столь долгий путь,
 Чтоб пройти мне дорогу с тобой
 Мне б уверенности чуть-чуть,
 Чтоб не быть, как котёнок слепой.

Мне б поддержку с твоей стороны,
 Опереться на руку твою,
 Чтоб спокойно мне было идти
 И не вглядываться во тьму.

Чтоб не думать мне ни о чём,
 Каждый раз доверяясь тебе.
 Не мечтать никогда о другом,
 И не жить в этой вечной борьбе

Сердца, разума и души.
 Мне б найти, наконец, компромисс...
 Мне, пожалуйста, помоги
 Не упасть со ступенек вниз.

12 сентября 2004г.

Перед встречей с тобою волнуясь.
 Кажется, зря, а может, и нет.
 Как сыграть эту роль не простую,
 Чтоб у нас получился дуэт?
 Как вести себя в эти мгновенья?
 Как мне двигаться? Что говорить?
 Как же хочется стать чьей-то тенью,
 На минуту уйти и забыть.
 От чего так тревожится разум?
 Почему этой встречи боюсь?
 Повторяю себе одну фразу:
 «Брось, Танюша! Танюша, не трись!»
 18 ноября 2004г.

Я умоюсь слезами,
 Как будто водой.
 Я плачу ночами,
 Когда он не со мной..

Когда он не со мною,
 Тот, кто любим,
 Чьё имя не скрою,
 Чей образ храним.

Надеждой и верою,
 Любовью, мечтой,
 Встречю первую,
 Встречей с тобой.
 9 декабря 2004г.

Загорелись щёчки—
 Говорят дружки.
 Вспоминают ночки,
 Ночки, вечерки.

То, что уже в прошлом
 Вспоминают вновь,
 Вспоминают пошло.
 Это не любовь!

Матерясь безбожно
 Курят за столом.
 Кто сказал, что можно
 Рассуждать о том...

...Наивные девчонки
 Им отдаются вновь.
 Дружки смеются громко,
 Плевать им на любовь.

Загорелись щёчки—
 Говорят дружки.
 Вспоминают ночки,
 Ночки, вечерки...

9 декабря 2004г.

Не надо нам красивых слов,
 Невольно опущу ресницы.
 Возьмет ли ночь под свой покров,
 И свет луны прольет на лица.
 И робкие касанья рук,
 Чуть ощутимое дыханье,
 Еще несмелый сердца стук
 Проступит в таинстве молчанья.
 Февраль, метель, и только в снах
 Мечтала ощутить объятья,
 А в глубине рождался страх,
 Рука твоя коснулась платья...
 Метель уж замела крыльцо...
 А ты меня вгоняешь в краску—
 На руку правую кольцо
 Надел с особенною лаской..
 2004

Войти, святыням поклониться,
 Перекреститься, взяв свечу,
 Встать на колени, помолиться
 О том, чего сейчас хочу.

За здравие свечу поставить
 И пламя молча созерцать.
 Смотреть как свечка тает,
 Молиться, верить,
 плакать, ждать...
 10 декабря 2004г.

МАРИЯ СУВорова (Вологда) ПОДНЯТЬСЯ НАД СОБОЙ

Эссе

1 Первый шаг

Видишь, как все вокруг бессмысленно звенит, как легко люди впадают в зависимость от низкой дешевой выдумки?

Они забывают о духовной пустоте рекламы и моды, позволяют сверлить себя грязными словами и картинками, которые появляются на экранах телевизоров, на страницах журналов, газет, афиш.

Видишь ты, как тысячи пауков плетут мировую сеть антигуманизма, антипатриотизма, пошлой лживой культуры?

Человек сильный и независимый, обладающий благородными качествами, становится недостойным жить среди людей. Его пытаются отодвинуть в сторону.

Видишь, как металлическое кольцо обрастает ржавчиной? Так и человечество покрывается слоем грехов. В моих словах моя правда. В твоих – твоя, но если вместе – это ложь, истины не будет вообще. Человек бьет самого себя, не понимая, что он делает. А ударяет медленно и точно, ломая свою судьбу.

Люди, рушащие на земле единство, слепы. Попробуй вырвать из груди сердце – и ты мертв, попробуй уничтожить совесть – и ты не человек. Совесть – это та невесомая часть, без которой душа не может существовать, а тело без души – не живой человек.

Видишь ты летящую стаю птиц? Видишь толпу людей? В чем разница?

Если человечество разумно, если системы совокупности известны еще много веков назад, то все должно быть разумно проверено, просчитано, и уравновешено.

Толпа людей и стая птиц. Посмотри – есть ли порядок в стае? Птица не убьет птицу. Если ты слаб, это всего лишь слабость, и ты можешь умереть.

Но, летя к цели, птицы не сомневаются в ее существовании, и, зная это, – видят ее, ощущают, не останавливаются, не сворачивают в сторону.

Они не тронут друг друга, потому что у каждой из них есть свое место. Осмотрись. Все ли вокруг нужны тебе так, как ты нужен себе?

Твой единственно истинный голос – это голос твоей интуиции, а звучащие со всех сторон советы – пустые слова, необдуманные мысли вслух. Ты оправдываешься, говоря «а все такие». Но ты не замечаешь в этом своего бессилия и своей беспомощности, возникающих из глупости и невнимательности.

Ты говоришь: «Но я так хочу! Мне нравится!» А ведь это значит, что ты не замечаешь болота, в котором тонешь. Но подумай, так ли трудно отличить родник от мутной глинистой лужи? Если нет, то почему не скажешь «Вон! Вон лужь!»

Мы слышим, как люди превозносят свои недостатки. Заявляя, что это достоинства. Они знают смысл сказанного, но не понимают, и мы поступаем так же, даже прекрасно осознавая, что не принесем пользы ни себе, ни другим. И верим в свою идеальность, говоря при этом говоря обратное.

Даже если мы опускаем себя мысленно, то обязательно ставим пьедестал с табличкой «я» на несколько ступенек выше всех остальных. Не нужно считать себя первым, если ты человек. Но будь затем достоин того.

Поднимись над своими низкими инстинктами. Это не значит – встань и любуйся миром свысока. Ты должен использовать любую возможность для того, чтобы получить хоть одну единицу истины. И помни, что правда в тебе самом, не стоит искать ее в других. Зачем тратить силы на изучение чужой личности, когда ты еще не знаешь – кто ты сам? Посмотри на себя, и пусть каждый день станет высокой лесенкой, ступенькой на этой лесенке.

Не бойся перепрыгнуть через собственную голову и взлететь выше крыши – держать человек не может человека, на хвост не наступить, его же просто нет... И я тебе говорю: «Видишь, как много глаз следит за тобой. Так и ты должен следить за собой».

2. Вверх – вниз

И вновь на нашем полу следы чужих ног. Слезы, обозначившие тропинку приставшей грязию. Друг, видишь ли ты темные пятна в своих мыслях?

Швыряя стакан о стену, ты хочешь его разбить, бросаясь словами, бьешь ли ты только слова? Заметь, сломаны будут тонкие ветви уверенности человека. Один взгляд, жест и построенные ступеньки разворачиваются – лестница уходит вниз. Помни, не только лестница того, в кого полетели оскорбления, но и твоя вслед за всеми.

Так хочешь ли ты опускаться ниже и ниже с каждым днем? Кто-то случайно толкнул – ты грубо ответил – ступенька вниз. Ты обещал что-то сделать – забыл, не извинился, соврал – еще три ступеньки. И сколько таких шагов делает каждый человек всего за один день, за час, – уже немало. И вновь на наших поступках отражение десятка неверных ложных представлений. Каждый может сам сделать шаг вперед по обычному пути, все люди постоянно передвигаются с одного места на другое, им не нужна помощь, чтобы переставить ногу на несколько десятков сантиметров. А путь верный слишком тяжел без спутника.

Не в искаженных ли картинках и кривых зеркалах дело? Чашечка весов перевешивает, ли на ней больше груза. Но не забывай, прежде чем взвесить что-либо, надо посмотреть на качество. Пусть там

останется только добро, свет и радость... И только так можно избежать ошибок. Видишь, как долог путь к правильному решению?

Но знай и верь – он того стоит! Береги свои чистоту и не давай каплям кислотного дождя сливаться с питьевой водой и проникать в мысли.

No hay cuesta abajo sin cuesta arriba, но даже склон вниз, может быть поворотом к следующей вершине на которую было бы не забраться, если идти прямо и напролом.

Строй свою лестницу сам и не бойся обходить острые углы – не напорешься, избежешь неприятностей, успеешь поймать лучик света и увидеть новую цель. А я тебе скажу, когда мы встретимся где-нибудь на пересечении дорог: «Не иди по моим следам, другой у меня размер!»

3. Шаг второй.

Слышишь, как капли падают на землю? Они летают и наполняют собой жизнь, – так ты должен быть составляющей мира. Все держится за счет своих усилий и желаний, а если ты не думаешь о последствиях своих действий, то кто сможет предсказать будущее?

Ты скажешь, что будущее не стоит знать, но к нему мы все идем и естественным является желание светлой и мирной жизни. А какой свет может родиться из тьмы? Свет тьмы. Безусловно, в нем нет чистоты, он будет нести признаки своего родителя. Видишь, для него нужно заботиться о своей жизни уже сейчас.

Все мимолетно лишь потому, что оно вечно. Небесные краски меняются ежесекундно, но небо вечно, как любая часть мира.

Облако есть сейчас, а через минуту оно растворится, но облака и тучи будут всегда, то есть они вечны. Снег тает на ладони, но его суть не в нем самом, он не ищет конца, хотя физически конечен. Снег в памяти у каждого из нас, – целую жизнь, которая будет длиться вечно в вечности. Я умру, умрешь ты, но Человек – он вечен.

Солнце – видишь его лучи, свет, цвет, чувствуешь запах солнца? Видишь, у каждого предмета, у каждой вещи, у каждого существа есть свое отражение в сознании человека, и то, каким будет это отражение, кривым или правильным – решать тебе, мой друг, ты сам выбираешь. Свой цвет и звук, свой оттенок, и выбирая, задаешь тон всей жизни, кипящей вокруг тебя.

Представь темный, мрачный, неудачный день. Он длится и не кончается. Ты уже знаешь, что он вечен, но все равно хочешь поскорее его завершить...

Ты плачешь. Зачем? Почему?

Задавал ли себе этот вопрос хоть один человек, когда пытался повиснуть на шее у друзей, стараясь хоть как-то освободиться от жгучей пустоты? Да, все или многие, и уж точно ты, мой друг, спрашивали себя: «Зачем?» Но каков был ответ? «Мне плохо». Подумай, разве ответ соответствует вопросу? Конечно, нет. Это всего лишь причина, ответ на вопрос «почему».

На твоём столе стопка книг. Зачем? Ты не успел их прочитать. Но это не ответ, это причина. Книжки лежат там потому, что ты их принес, а верный ответ: «Для того, чтобы их читать, работать с ними».

В зависимости от ситуации вариантов может быть множество. Но, друг мой, вспомни, о чем велась речь выше. Что-то не удалось сделать, кто-

то обидел, но ответь, зачем портить прекрасный день не только себе, но и другим?

Есть другой вариант. Ты можешь сам создать себе счастье в данную минуту. Улыбнись внутри себя. Естественно, если тебе плохо, то сложно быть уверенным в себе, и все не так просто – глупо натягивать на лицо улыбку.

Сделай мир своим и не используй чужой носовой платок. Наслаждаться горем может только тот, кто готов сделать новый рывок, достичь новых вершин. И когда ты это сделаешь, я скажу тебе: «Видишь, как пробелы в тексте разделяют слова? Так и ты должен стоять среди всех, но быть сам за себя».

4. Смерть. Сердце.

Смерть приносит новую жизнь и уносит покой, меняет судьбы живущих... Видишь черные пальцы протянутой руки? Сумей перебороть слезы и отвернуться, вырваться из траурных цепей. Глаза открываются у того, кто разрешает своему «я» себя. Задача смерти – показать внутреннюю сущность. Испытав одиночество и тоску, ты увидишь бесчисленное множество дверей. В одну из них тебе придется войти, хочешь или нет, торопишься или тормозишь, идешь прямо или петляя. А войдя, увидишь результат своего выбора, который, как окажется, сделал вовсе не ты, а кто-то другой, «что-то» вместо тебя. Это что-то нужно научиться слушать и слышать.

Глазами ты видишь деревья в лесу, а можешь ли ты видеть дерево смерти?

Если знаешь, как оно выглядит – да, но если ты этого не знаешь – не увидишь. Тоска и грусть, равно как и чрезмерная радость – смерть для успеха и счастья. Сегодня весел – завтра час бессмысленного существования превратит тебя в пепел. Свет кончится.

Видишь, цветы не растут на кострищах. Так и человек не живет в бездне. Если ты плачешь, глядя на умирающих, что чувствует сердце? Ничего.

Сердце не чувствует – оно бьется, и его мы понимаем не напрямую, а через мозг.

Но сердце не просто мышца. Оно для каждого может стать дорогим другом. Это абстрактное понятие на другом духовном уровне.

Сердце понимает смерть по-своему. Оно рождает такие вибрации и колебания, которые заставляют дрожать и верить в сверхъестественное. Только переживая боль, болезнь так называемой мышцы, человек переосмысливает свою жизнь. Например, человеку все равно, он равнодушен. Это случай, когда человек теряет свою духовность. Это происходит на пути к разуму, или когда все покрывается слоем мусора и грязи – внешних, ненужных влияний.

Не запирай дверь, ведущую к сердцу и ты услышишь его.

Herz, mein herz,
Sei nicht bekommen
Und ertade dein Ceschik
Never Frohling gibt zuruck
Was der Winter dir genommen
Und wie viel ist dir geleben
Und wie schon ist noch die Welt!
Und mein Herz was dir gefallt,
Alles darfst du lieben!

ВОДОВОРОТ

Звуки Моцартовской флейты вливались в это божественное и таинственное смятение двух дней. Голоса и шаги на дороге украшали ночь с её пышными красками. Неоновые витрины вдали и аллея оранжевых фонарей, горящие окна поездов, мерно двигающихся куда-то и откуда-то, просто свет фар от машин – всё это кружево ночи, её цветы и солнце, оживление и движение, музыка и шум... Беспокойство пропало, когда часы пробили 15:00. Воздушный шарик с надписью «I love you» летел вслед за этой милой парой.

У Неё была красивая фигура и модная сумочка, у Него – хорошие манеры и джентльменский галстук. Вместе – это пара. А так...

В первый класс она шла с букетом гладиолусов и новеньким, вкусно пахнущим канцтоварами портфельчиком. Шла гордо и уверенно, видимо, не понимая, что придётся продать себя оценкам и имиджу. Он – шёл с подругой из детского сада. Тоже гордый и уверенный, видимо, тоже не понимавший, что его жизнь узаконят и вставят в определённые рамки. Вот так они и встретились. Потом прошло ещё 5 лет, прежде чем Он и Она стали парой.

Аппарат с поп-корном беззвучно насыпал в бумажный пакет разноцветные хлопья, и сухой аромат проник в сердца обоим. Что-то дёрнулось и заискрило...

...Поезд ехал быстро, и едва можно было разобрать сквозь дождь какие-либо предметы. Призовая крышка от Pepsi с уже прошедшим конкурсом медленно, не в такт стуку колёс, покатила и, упав на пол, устало завертелась. Нарисованный на ней велосипед был насмешкой и, со злостью топнув ногой, она отвернулась к окну, при этом слишком резко и неуклюже ударившись лбом о стекло.

- Тьфу! What the hell!

- Аня, осторожней.

Звук её имени каким-то глупым словосочетанием пронёсся по воздуху и упал в пустой стакан из-под чая.

Чай выпил Лёша – и сейчас забавлялся, глядя на рассерженное, но всё равно при этом такое милое личико.

Лёша – это одноклассник. Она почему-то ехала с ним в одном купе. Учителя развлекались в вагоне-ресторане. Это и объясняло ту тишину и безмолвие, царившие кругом. Анна разговаривала исключительно со взрослыми. Лёша таковым не был и раздражал её всеми своими движениями, взглядами, да и вообще... тупой и бесчувственный.

Она ошибалась. Лёша её любил, просто он видел, что Анна и Тёма – пара, к тому же сам когда-то этому посодействовал. Косвенно, но весомо. Тогда он гордился внесённой в общественное дело лептой.

Гордился и поплатился, потому что влюбился... По городу на экскурсии они ходили вместе, фотографировали друг друга... Говорить было не с кем – учителя напились.

Сидеть вдвоём на мягком диванчике удобно. Аня взяла листок бумаги и нарисовала на нём глупую картинку, изображавшую девочку с собачкой.

- На возьми, нарисуй что-нибудь.

Тёма, выразительно наморщив лоб, нарисовал бутылку водки и с улыбкой вернул листочек. - ОК.

Через час это уже была отдельная история о том, как бедная девочка попала в психушку. Просто не выдержала, ведь её малюсенькую собачку сбил КАМАЗ, нагруженный кирпичами... Просыпаться по утрам грустно. Ещё бы: хочется позавтракать, а

готовить лень; конфет и тортиков нет, в магазин идти рано, и тоже лень. И в целом разумом владеет неуправляемая лень.

В школе тупо, но нужно. «Иди туда, сделай то, реши это, попроси того – да что я тут изгаляюсь перед тобой? Тебе надо? Ведь так? Самой пора догадываться, что это нельзя сделать без этого, а то без сего. Пошла вон!» – рядовой разговор с учительницей.

Глянцевые странички модного итальянского журнала бережно передавались из рук в руки. Парни не подпускались. Каждая картинка – святыня, неприкосновенная собственность Владельца журнала.

- Ой, смотри, какая клёвая маечка!

- Ах, это же супер-пупер!

- Ой, ведь у меня такие же длинные ногти!

- Ты бы их ещё не грызла!

- Ой, а я видела такой же лак в киоске, стоит всего ничего, продают со скидкой!

- Ах, какие ноги!

- Да, тебе ещё далеко! Дай сюда! Моя очередь смотреть!

- Ещё чего!

Гулкие удары разносились по просторному спортзалу, заглушая крики подсудимых. - пятнадцать... шестнадцать... втяни живот... шестнадцать... семнадцать...

- Не могу больше, не могу.

- ... семнадцать...

- Не могу! I can't! Не могу!

- Следующий! Один... два... три... четыре...

- Можно выйти?

- ... четыре...

- Выйти можно?

- ... четыре...

- Алло! Можно выйти?

- ... следующий...

- А у меня справка, мне нельзя...

- Чего тебе нельзя?! Прыгать?

- Да.

- А я и не заставляю, отжимайся!

- Не-а...

- ... один...

- Ладно...

Всё это вспоминали Аня и Тёма, гуляя по городу и жуя поп-корн. Их Пара – всего лишь Игра. Игра в любовь с расчетом на престиж и уважение. Тёма нетерпеливо посмотрел на часы.

- Ещё полчаса и можно будет уйти домой.

- Аха.

- Завтра идём в кино, там будут старшие классы, нас должны увидеть.

- Аха.

- Ну, пока, до встречи.

- Аха.

Настоящие слёзы капали в эту ночь на холодный подоконник... Анна взяла часы. 23:59. Ещё минута. Всё. 00:00. Магия полуночи, как в сказке, возвращала закаменелую душу в Рай.

ЯНА ТАНКОВА (Вологда) ВИЖУ СОН НАЯВУ

Чёрные ветки небо вспороли -
Наполнилось болью, заплакав украдкой,
Ранили землю холодные капли
Каждая капля стала загадкой.

Солнце вдруг выйдет, золото вспыхнет,
Что разметал ветра свист по дорогам.
Сердце проснётся, буря затихнет...
Вот и закончился путь по тревогам.

Оголился асфальт сероглазый,
И воскрес огонь в облаках.
В небе звёзды, как будто алмазы,
Заблестели на твёрдых губах.

И глаза растопила украдкой
Ярко-жёлтая с неба река.
Этот день будет новой загадкой,
Что зовёт тебя издалика.

Каждый день будет нов и прекрасен.
Ты лови его, не отпускай.
Он потерей надежды опасен.
Смерть мечты своей не допускай.

Треснувшее пламя одиночества,
Дрожь горячей боли и обиды.
И стучит в висках моих пророчество,
Как в глазах быка в жаре корриды.

Наледь тишины багрово-красная,
Словно снег под натиском картечи.
А в глазах картина безучастная:
Миг застыл давно минувшей встречи.

Тень молвы порежу бритвой шороха,
Запалю свечу огарком счастья.
Не стереть лишь сладкий запах пороха,
Войлоком грядущего ненастья.

Весна

Яркое небо залито улыбкой
Новое утро рвёт небеса.
Эту весну я запомню попыткой
Снова поверить в любви чудеса.

Чтоб не случилось – я буду счастливой
Буду рассвета нести огонёк
Солнце мне сделает память красивой,
Чтоб не погаснул души фитилёк!

Рядом пойдёт, освещая дорогу,
Солнечный ласковый матовый свет,
И отыщу я тропинку к порогу
К чувству, которого может и нет.

Я вижу сон, а будто наяву,
Взмываю в небо на крылах могучих
И вроде всё же на земле живу
И только ночью прорезаю тучи.

Лечу... и только ветер, только он
Вокруг, во мне везде и надо мною.
Не я, а будто ветер окрылён,
И я лечу, лечу, порыв, с тобою.

Проснулась, но всё было наяву.
Я помню это по одной примете...
Сейчас от крыльев раны зажили,
Я скрою их при сумеречном свете.

Звезда

Где-то далеко за лесом и за полем,
В окруженье сказочных болот,
Где лишь волк пронзает воздух воем,
Яркая звезда моя встает.

И горит она особым светом.
Не для всех, а только для меня.
Спрячу луч я под большим секретом.
Не понять такое не любя.

И в метель, и в ливень, и в сомненье
Вспоминаю свет горячих глаз,
Вспыхнет и сгорит в тот час мученье.
И опять живу... в который раз.

Одиночество слабеет в час дневной
К ночи, набирая обороты.
Быть хочу я только лишь с тобой
И понять души твоей заботы.

В тишине страшнее без тебя,
Каждый звук бьёт лезвием по нервам.
Засыпаю, лишь тебя любя
Имя и во сне бежит по венам.

Сколько? Что? Не долго говоришь.
Может ты и прав, а всё же больно.
Что ты дальше с сердцем сотворишь?
Взгляд – и всё опять спокойно.

Ночь

Обжигая светит луна.
Лёд. Звезда. И дыхание грозно.
Будто цепь обвивает она,
Улыбается неосторожно.

Красота так строга и пряма.
Свет так холоден, что даже больно.
Ей не страшно, хотя и одна.
Высоко ей, а значит спокойно.

Гордо глянет, и как-то легко.
Согреваешься взглядом надменным.
Ветка хрустнет не так далеко.
Миг ушёл, став кому-то бесценным.

Календарь

Подожди, календарь, не спеши!
 Не беги ты за ветром могучим.
 Вылетают листки из души:
 Числа, месяцы, годы - не лучше...

Всё бежит! Дни, недели, года
 Канут в лету и всё безвозвратно.
 Лист слетел и пропал навсегда.
 Знаю, что нет дороги обратно.

Но хотя б один миг в день осенний
 В тихий вечер под пение звёзд,
 Где была не одна я под сенью
 Стройных, радостных, пьяных берёз.

Лёд – металл, а всё же больно...
 Свет – погибель тёмных туч.
 Много – нет, хотя довольно.
 Камень – бред, а он могуч.
 Солнцем сдёрну бездну ночи,
 Разорву замёрзший след...
 Жизнь – игра, а смерть – короче.
 Небу продан был завет.

Молоко и едкий дым
 Думал, что так не бывает?!
 Не пойду путём другим-
 Слово быть одолевает.
 А порежу правдой - больно,
 Вижу взлётные огни.
 Буду с ветром жить я вольно,
 Если сможешь – догони.
 Захочу - пойду обратно,
 А быть может полечу.
 Это вам всё непонятно,
 Ну, а мне-то по плечу.

Человек-мотылёк

Человек-мотылёк
 На краю, на обрыве.
 Против всех, поперёк.
 Слилсь с ветром в порыве.
 Он один лишь такой
 Светлый вестник ненастья.
 Он крылатый изгой,
 Покровитель ненастья.
 Крылья – белый туман,
 А улыбка дурманит.
 Его взгляд, как обман,
 Но к нему всё же тянет.
 Сердце прятать умеет.
 Горд, красив, одинок...
 Буревестником реет
 Одинокий ездох.

ЕЛИЗАВЕТА ЧЕГОДАЕВА
 (Вологда) - О, ДОЖДЬ

Чёрные змеи намокших волос,
 А они – светло-русые...
 С нас, сумасбродок, особый спрос,
 И глаза – слишком грустные.
 С нас, нелюдимок, налог другой –
 Ночью светлеет окно –
 Жизнью платить – или всей собой.
 Так суждено.

24 июля 2004

Теперь уж годовщин не сосчитать,
 И прошлого я помнить не хочу.
 Мне надо бы с покорностью молчать,
 А я – кричу.
 Как спичка тает, пальцы опалив,
 И не спасёт прохладная вода.
 Поверь: живым нельзя жить без любви.
 Мне трудно, да.

27 июля 2004

Мне попасть бы в страну,
 Где дожди без конца,
 Где сквозь лёгкую мглу
 Мне не видно лица,
 Где гроза не страшна,
 Где всем ливень привычен.
 В этом мире странна,
 Там я буду обычной.
 Мир бездумный отринув,
 Мы одни здесь с дождём,
 И, лицо запрокинув,
 Я ловлю капли ртом.

16 сентября 2002

Потёки длинные на стёклах.
 Весенний дождь!
 Заплакан город, в каплях мокрых.
 Смывает ложь.
 Из класса слышен шум дорог,
 Шипенье луж.
 Дождь через запад – на восток.
 Немая глушь.
 Молчи, мой дождь, союзник, друг.
 Утешь без слов.
 Замкни печали полный круг:
 Мою любовь.

31 марта 2003

На стекле по утрам – точно капли росы.
 Да, зима, уходи, и апрель ты не трожь!
 За окном монотонно считает часы
 То ли снег, то ли дождь.
 Ровно месяц прошёл, ровно месяц, день в день.
 И такая же ночь, словно месяц назад,
 Только ты далеко сквозь всю мутную тень
 От зари на закат.
 Будто кто-то рукой моё сердце сжимает,
 И, наверное, долгим не будет мой век.
 За окном всё кружит и в небытии тает
 То ли дождь, то ли снег...

8 апреля 2003

Вроде бы есть я, а вроде - нет.
 Дождь на всю жизнь оставляет след.
 Капли текут по стеклу окна,
 Жизнь заколдована, я – одна.
 Летнего счастья вдали лучи,
 Вот бы и мне туда вновь... Молчи!
 Сказкой теперь не утетишь быль,
 Всё, чем жила я – уже лишь пыль.
 Ради чего всё, скажи, скажи!
 Мне не нужны в жизни миражи.
 Что этот мир? Только шум дождя,
 Лужи, дороги и ветер... Я?
 Есть ли здесь я? Может быть, и нет.
 Кто я? Погасшей звезды ли свет?
 Ливня ли тень? Почему живая?
 Я не горю больше, не сгорая.
 Лето ушло навсегда и вдали.
 В блеске дождя временами – сталь...
 Память о лете всегда жива,
 Рана жестока, но не нова.
 Не приложить больше трав к губам,
 И позади меня – лишь туман.
 И впереди – только смутный бред,
 Хмурое небо... Меня здесь – нет...

2 сентября 2003

Снова весна открывает глаза –
 С серого неба глядит молчаливо,
 Дождь моросит за окном кропотливо.
 Капля – слеза.
 Зыбкие грани очерчены чётко.
 Стынувший мост и стальные дома.
 Спущена в сердце моём тетива
 Быстро – и кротко.
 Мокрый асфальт убегает вперёд,
 Лужи взрываются стаяй машин,
 Шаг по мосту – и летящая жизнь,
 Вечный отсчёт.
 Серое небо и капли дождя
 Этой пронзительной ранней весной.
 Тает холодный, негреющий слой,
 Крепнет земля...

29 февраля 2004

Идёт депрессняк-перелом,
 Последние миги – апрель.
 Тяжёлым надгробием – дом,

Под ветром упала качель.
 Там дым – или стылый туман?
 По шее склонённой – топор.
 Не горечь, не боль, не обман,
 У нас с дождём – свой разговор...

6 мая 2004

Ливень обрушится быстро и резко,
 Листья сбивая и камень дробя.
 В лужах дождём прорисованы фрески –
 Знаки огня.
 Солнце негаданно сменится тучей,
 Капли и брызги, вода, пузыри.
 Небо вздымается каменной кручей,
 Краем зари.
 Так же, как хлынул, мгновенно погаснет,
 Капли с бровей и дождевки – с ресниц.
 Станут на миг неожиданно ясны
 Строки страниц.

17 июня 2004

Гнутся деревья под знаком бури,
 Мечутся капли, летит песок.
 Шагом – гроза, свои тучи хмуря,
 Выждав такой небывалый срок.
 С ветром-стихией летят угрозы,
 И по бумаге летит – строка.
 Летние ливни, июня грозы,
 Богом протянутая рука...

22 июня 2004

Дождь приходит по зову ветра,
 С неба струями смывает грим.
 Мы кричим из окна обеты,
 Клятвы рвутся сквозь серый дым,
 Вечной грустью летит дорога,
 Потускнев, восстаёт трава,
 Чемодан уже на пороге –
 Ухожу, говоря: «Права».
 На губах горечь ветра стынет,
 По спине пробегает дрожь.
 Неизвестность – листом полыни,
 По залитым дорогам – в дождь...

2 июля 2004

Знаешь, опять дождь.
 Капли долбят крышу.
 Ты что-то не идёшь...
 Слышишь меня? – Слышу...

19 мая 2005

Раздвинул дождь безмерную жару,
 Без спросу льёт на землю водопад.
 Зову тебя, сжимаясь на ветру,
 И не понять – ты рад или не рад?
 А ливень давит стёкла неспроста:
 Опять даёт незримые уроки,

И мы начнём всё с чистого листа –
 Я вижу твою тень в сплошном потоке!

15 июня 2005

ЕЛИЗАВЕТА ЧЕГОДАЕВА УТРЕННЯЯ ПРОБЕЖКА

Мы сидели с Ником за одной партой. Неожиданно в класс вошла Рудина.

- Так, рассказывайтесь все по-новому! Вот у тебя какое зрение? – обратилась она к Нику. – Хорошее? Тогда иди за третью или за четвертую парту!

Я придержала Ника рукой и заявила:

- Это мой муж!

- Муж... - усмехнулась Рудина. – Ну, замуж выйти ещё можно, ничего преступного в этом нет. Но убийство невинного...

«Аборт? – мелькнуло в голове – «Но причём тут это, я же не беременна, свадьба не по залёту...». Но надо было что-то отвечать. И я громко сказала:

- Я этого никогда не сделаю.

И вдруг весь класс строго спросил хором:

- Никогда?

Я вспыхнула, но твёрдо повторила:

- Никогда, клянусь своим здоровьем!

Все взгляды были прикованы к нашей парте. Но тут в окно раздался громкий стук. Класс встрепенулся. На подоконнике сидела большая серая ворона и деловито долбила стекло. Все вскочили, я с облегчением вздохнула: внимание переключилось на более интересный предмет, чем наши взаимоотношения. Ворона же стучала сильнее и сильнее. Внезапно она произнесла... «Лилия»? Глюки... Чего только не услышите...

Что это, опять «Лилия»? Я вздрогнула и резко обернулась...

Голова мотнулась на подушке и я проснулась.

Секунду я рассматривала бежевые обои с букетами симпатичных цветов и осознавала себя в новой реальности. Всё понемногу вставало на свои места. Я широко зевнула и потянулась. Рука не довершила движение к застанным глазам, задев что-то, лежащее за спиной. Мир обрёл окончательную устойчивость. Я улыбнулась и начала

поворачиваться. Но глюк продолжал преследовать меня.

- Лилия!

- А? Что?

Я подскочила на кровати и села, прижимая к груди одеяло.

Сначала я решила, что это ещё сон.

Потом я очень захотела, чтобы это был ещё сон.

Потом мне пришлось поверить, что это всё-таки не сон.

Потому что мама в окне, выходящем на наш балкон, вполне реально размахивала руками и демонстрировала все способности своей мимики... Это могло означать только одно – будильник сломан. Или семья рано вернулась с дачи. Или... Но мне было уже не до поиска причинно-следственных связей. Голова закружилась от одной мысли о том, что сейчас за стеклом может появиться и папа...

Я вскочила и подбежала к окну. Вблизи мамино лицо было ещё страшнее.

- Быстро вставайте и одевайтесь! – прошипела она. – Я с вами ещё разберусь, но если папа узнает, он Никиту убьёт! Они с Антоном ещё внизу, но скоро придут. Так что быстро!

Я бросилась к постели.

- Ник, вставай! – наклонилась я над безмятежно спящим другом.

- Что? – невнятно пробормотал он и открыл припухшие со сна – весьма короткого сна... - глаза.

- Нас застучали... - сообщила я мрачно.

- Как? – приподнялся Ник.

- Так. Быстрее, надо привести всё в порядок, пока тут только мама, надо успеть до прихода папы и брата.

Ник взглянул на окно и, вздрогнув, отвёл глаза.

- Ага – подтвердила я невесело. – Ладно, давай в темпе.

- Закрой меня! – прошептал Ник.

- Что?

- Ей же всё видно – смутился он.

- О Господи, и в самом деле! – хихикнула я. – Сейчас. Вот, одевайся – взметнула перед собой широкую простыню и

деловито встряхивала её, пока Ник позади меня торопливо натягивал трусы и джинсы.

- Футболку потом успеешь, – я накинула халат прямо на сорочку.

За открытой дверью стояла мама в полной боевой готовности, но нас спас звонок в дверь. Мы кинулись в мою комнату. Пока Ник спешно завершал свой туалет, я быстро включила компьютер, схватила гитару и начала наигрывать что-то идиллическое. В коридоре раздались тяжёлые шаги папы и резвые прыжки Тоши. Зазвучал мамин голос:

- А у нас гости! Ник утренняя поездом приехал, только-только, буквально полчаса назад!

- Ой, знаете, я ненадолго – громко заявил Ник. – Я только Лиле привёз винчестер, кое-что интересное скинуть.

- Да, - поддержала я, - жутко интересное, новая музыка и фильмы.

- А игр нет? – влетел в комнату Тоша.

- Ты же знаешь, я играми не увлекаюсь, и мне их не возят – усмехнулась я.

Брат немного надулся и в качестве компенсации уселся перед монитором и сразу запустил одну из своих бесчисленных «бродилочек».

- Ну, я пойду, мне к двенадцати к другу на день рождения, – встал Ник.

Я взглянула на часы.

- А мне тоже пора...

- Куда? – осведомилась, еле сдерживая себя, мама.

- На ЛИТО – заулыбалась я. – Я Галине Александровне обещала... - И, стараясь не смотреть на разгневанную родительницу, побежала переодеваться.

Ник уже ждал меня у дверей. Быстренько набросив куртку, мы выскочили из квартиры. Забыв о лифте, рванули вниз прямо по лестнице. И лишь на улице позволили себе остановиться и посмотреть друг на друга.

- Ты... чего... - спросил Ник, задыхаясь.

- А ты... чего... - глотая воздух, ответила я.

- Ну... ты чего... побежала?

- А?!

- Я думал, сейчас тётя Тоня ринется за нами, – признался Ник.

- И я тоже...

Мы расхохотались.

- А как ты одевался...

- А ты сидишь с гитарой и лицо у тебя такое вдохновенное...

- А ты всё никак не можешь в рукава попасть...

- А твоя мама...

- Ой, да... - посерьёзна я. – Ты-то уедешь и ничего. Не будет же она Лике звонить и стучать на твой моральный облик. А вот я получу по полной программе...

- Не бойся – обнял меня Ник. – Давай, я останусь. Ну, уеду поздним рейсом.

- Нет-нет, тебе в институт завтра рано. Ничего, поругает и перестанет. В конце концов, это наше личное дело. Плохо вот что – она может запретить мне ехать к тебе!

- Ничего, я сам буду приезжать.

- Правда?

- Конечно. А потом она остынет.

- Надеюсь.

- Так, в дом нам нельзя. Куда теперь?

- Пошли гулять. Куда-нибудь...

- Пойдём. Я тут, кстати, знаю неплохую кафешку.

- Откуда ты знаешь?

- Олег говорил.

- А как называется?

- «Арбат», кажется.

- О, мама тоже говорила, что неплохое.

- Точно? Позвони ей по домофону, спроси! – весело предложил Ник.

- Я не камикадзе! – фыркнула я.

- Ну, тогда пойдём на свой страх и риск!

Я прижалась к его плечу. В окно за нами, должно быть, следила мама. И готовила мне блистательную обвинительную

речь. Но это было далеко, далеко... А сейчас рядом шёл Ник, его сильная рука крепко держала мою. Ветер легко покачивался над оловой. Мы разбрасывали ногами крупные октябрьские листья, и нам было хорошо.

7 сентября 2005

ГРОЗА

Гроза надвигалась с юго-запада. Вот потемнело небо. Вот затрепетали берёзы под тревожным ветром. Вот покатились по воздуху безжалостно сорванные с них листья. По дороге запоздало промчалась голубая бумажка, одинокая во вдруг наступившей тишине.

И хлынул ливень. В воздухе резко запахло мокрой травой. Коровы вскинулись и потрусили под серым потоком за забор в поисках убежища. Небо вмиг стало однотонным, бесформенно-серым. Зажурчала вода, льющаяся в ванну.

Гром бушевал. Изредка молния вспыхивала в серой монотонности. Листья уносились с деревьев. Остаточные светлые облака на востоке тускнели с каждой минутой. Белые занавески бились над моей головой. Сырой грибной запах. Шальной крик мальчишек. Зелёная трава с рыжими клочками. Пикник отменяется...

Гром тряс небо. Лишь ели, стерегущие хутор, недвижимо зеленели. Всё остальное — в дымке.

Гром прокатился по небу уже прямо надо мной. Капли с крыши в противовес непрерывно льющимся струям дождя медленно капали перед окном.

Всё. Теперь всё небо ровного серо-голубого цвета. С юго-запада наползает белая акварель, но гроза пока не сдаёт своих позиций. Гром отступает на северо-восток, по диагонали. Небо — растянтое серое полотно, и то в одном, то в другом месте в него врезается кулак грозы.

Лес светлеет, обретает краски. Нахальная муха, не дождавшись конца дождя, тьмется в оконное стекло. Слышно, как последние капли гладят и без того мокрые листья. Короткие минуты после дождя, когда всё окрашивается в свой истинный цвет. Буйные травы, гордящиеся своей зеленью, примяты, прибиты к земле, и на ветру стыдливо вздрагивают их жёлтые увядшие стебли, обнажённые дождём. Сквозь серое дерево забора вдруг пробиваются коричневые краски. И только неизменные ели — наши стражи — хранят свой малахит, не потускневший под мякими струями дождя.

13 августа 2005

СЕРГЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ (Вологда) СВОБОДА

Багряное солнце медленно скрывалось за толстыми ветвями хвойного леса. Оно опускалось медленно, словно цеплялось за колючие иголки елей. Солнце в последний раз, на прощанье, бросало свои стрелы лучей на каждую травинку, веточку, каждый цветок, как бы оставляя на них память о себе до утра. Напоследок оно заглянуло в маленькое окошко ветхой избушки, стоявшей на краю леса. Лучи солнца скользнули по подоконнику, перескочили на небольшой стол, покрытый клетчатой клеёнчатой скатертью, а затем на страницы раскрытой книги. Мужчина, читавший книгу, перевернул страницу и, протянув руку, поправил штормку на окне, прикрываясь от бьющего в глаза солнечного света. Затем он, подперев щеку рукой, поставив локоть на

столешницу, задумчиво уставился на книгу. Она была неинтересной, но в сторожке егеря больше нечем было убить время. Мужчина встал и поставил на маленькую плитку уже порядком закоптившийся чайник. Егерь Семёнчик обещался быть только утром, а до этого предстояло куковать в гордом одиночестве. И какой чёрт дернул его согласится на эту поездку? «Подышишь свежим воздухом, развеешься. Места у нас одно загляденье, волшебные просто. Не всё же тебе, Олег, в городе сидеть» Да, конечно, места замечательные, такие леса нигде больше не найдёшь. Он здорово уже нагулялся, впечатлений полный вагон, даже живого медведя видел, но сколько же можно?

Уже неделю без благ цивилизации: ни помпьясь, ни поесть как следует (почти одни консервы), да что говорить, если тут даже радио нет! Мужчина бродил взад-вперёд по небольшой комнате, то бормоча себе под нос, то ругаясь в полный голос.

Чайник, наконец, закипел, и Олег заварил себе чаю. Поставив кружку на стол, он хотел было продолжить читать, но тут оказалось, что уже стемнело, а в маленьком домике и вовсе царил густой полумрак. Мужчина не стал зажигать свечку. Сел к столу, так, чтобы можно было смотреть в окно и, осторожно прихлёбывая горячий чай, стал наблюдать за игрой ветра с еловыми ветками. Они несильно качались, тяжёлые и уснувшие после захода солнца, но ветер-озорник ещё не наигрался за день, и ветви укачивали непоседливое дитя.

Качание ветвей почему-то навевало тревогу в душе Олега. Он встал, оглядел комнату, ища, чем бы заняться, прошёл по ней, легонько касаясь пальцами предметов, провёл по пыльному шкафу и снова сел на стул. Но тут же снова вскочил. Не мог он просто сидеть, что-то его беспокоило, тормошило, не давало просто расслабиться. «Наверное, это всё духота», — подумал мужчина и вышел из дома. Встав на крыльцо, он потянулся всем телом и глубоко вдохнул ночной воздух. И, правда, стало легче. Олег поднял голову и посмотрел на низкие, стремительно бегущие облака. Серые лоскуты на чёрной плоскости неба явно куда-то стремились. Они словно пытались догнать ушедшее солнце или тащили за собой что-то ещё. В это же время в прореху облачного покрова выглянула ночная владычица — Луна. Она была жёлтой, как сыр, и вся в ярко выделявшихся метеоритных кратерах, как будто она была больна. Острые лучи Луны, как стрелы, вонзились в глаза мужчины, и он вскрикнул, то ли от боли, то ли от неожиданности. Внезапно и сильно заболела голова, и единственная мысль, бившаяся в раскалывающейся черепной коробке, была об укрытии от этих жальщих лучей.

Вместо того, чтобы забежать в дом, укрывшись за его толстой крышей, Олег побежал в лес. Он бежал, не разбирая дороги, проламываясь сквозь колючий кустарник, оставляя на его ветвях клочки одежды. Он стылкался об толстые сучья, падал, снова вставал и бежал. Непонятно было, что ему в этой гонке, куда бежит, зачем, от кого? Ни одной мысли, кроме как бежать и ещё раз бежать, у него не было. Панический страх затмевал весь разум.

Споткнувшись в очередной раз, он полетел головой в какую-то яму под корнями старой ели. Мужчина тут же забился в самый тёмный угол, схватился руками за корни, вжимаясь в землю. Он вёл себя как затравленное и испуганное животное, грудь его ходила ходуном,

дыхание было с хрипами. Но постепенно он приходил в себя, становясь нормальным разумным человеком. «Да что такое? Что со мной такое, в самом деле?» - подумал Олег и сел в том же уголке, подтянув под себя ноги. Он обхватил колени руками и, устроившись поудобнее, приготовился ждать рассвета. Но минут через десять сидения он замёрз так, что зуб на зуб не попадал, от неудобного положения ноги затекли, да ещё в этой яме была на редкость сырая земля. «Может вылезти, посмотреть, убралась ли Луна, может, облака набежали. Быстро гляну, ничего не случится, если что, тут же назад нырну».

Осторожно и медленно Олег высунул свою голову из-под корней ели. Посмотрел направо – небо в облаках, хорошо, повернул голову налево...Луна будто этого и ждала – вынырнула из-за облаков и впилась в глаза мужчины. Он было дёрнулся обратно в убежище, но не смог оторвать от неё взгляда. Поднятое кверху лицо озарял бледный свет Луны, а её жёлтый диск отражался в глазах. И вот оказалось, что это не отражение, а сами глаза стали янтарно-жёлтыми. Тело Олега пронзила жуткая боль, он упал на землю, впиваясь в неё скрюченными пальцами. Адская боль даже не давала закричать в полный голос, и он мог только сдавленно рычать сквозь зубы. Позвоночник со слышимым треском корёжило, кости хрустели, пальцы с мгновенно отросшими когтями яростно царапали влажную землю. Мужчина поднял вдруг удлинившуюся голову к Луне, собираясь из последних сил закричать, но из его горла вырвался лишь долгий, протяжный и полный скрытой тоски и боли вой. Олег упал в изнеможении на землю – вой, тем не менее, помог, стало легче. Он почти сразу же вскочил. Миг выглядел как-то странно: деревья вдруг стали более высокими, и окружающее пространство заполнилось невиданными доселе запахами, звуками и красками. Олег, пытаясь опядеться себя, заглянул себе...под брюхо, и увидел, что он стоит...на четырёх лапах! Повертев ещё головой, он узнал, что к тому же он покрыт густой серой шерстью и у него есть толстый косматый хвост. Почему-то особого удивления по этому поводу он не испытывал.

Оглядевшись по сторонам, Олег направился по одной из дорожек запахов. Она привела его на залитый серебряным светом луг. Он пошёл по нему, то шевеля мордой траву, то гоняясь за мышами-полёвками. В один момент рядом с ним оказалась серая изящная тень и, легонько куснув в плечо, побежала вперёд. Олег принял приглашение. И вот по тёмному лугу с серебряной травой неслись две серые тени. Крупный волк, бывший когда-то человеком, чуть повернув голову, косил глаза на свою спутницу. Лунный свет играл на кончиках её шерстинок, а желтые раскосые глаза казались ему на диво прекрасными. Олегу казалось, что он летит над лугом, едва касаясь его лапами, а рядом, чуть прикасаясь к его мохнатому плечу, летит та его единственная спутница, что ему не хватало всю жизнь. Он наконец-то почувствовал тот сладостный запах свободы, что ранее был ему недостижим.

Вернулся к домику Олег только под утро. Странно было видеть в глуши абсолютно голого человека, особенно если учесть, что ночью было довольно холодно. Мужчина осторожно подобрался к дому, заглянул в окошко, пытаясь разглядеть, есть кто-нибудь в нём. Не увидев никого, он проскользнул внутрь. В

комнате Олег принялся судорожно озираться, пытаясь, одновременно отыскать что-нибудь из одежды и придумать объяснение своему виду. Но тут же скрипнула входная дверь, и в домик зашёл егерь. Ничего не говоря, он прошёл к шкафу и, выгачив из него стопку одежды, он кинул её мужчине. Тот принялся торопливо одеваться, удивляясь тому, что вещи подходят ему по размеру. Одевшись, мужчина вопросительно посмотрел на Семёныча.

- Прости, Олежек, но так было надо. Это нельзя держать в себе, будет только хуже и для тебя и для окружающих. А представь, что бы было, если бы ты оборотился в городе?

-Но..откуда?! – только и смог вымолвить Олег.

-Я ты думаешь, ты один такой? Знаешь, сколько я с твоим отцом, моим братом, возился? – усмехнулся егерь, - у нас в роду много таких, слава Господу, что меня обошло. Ну да ничего, теперь тебе легче будет, если что, приезжай ещё.

СЕРГЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ ЗАМОК ОСЕНИ

Он вышел из дома рано утром. Хотя солнце уже встало, его слабые лучи уже были не в силах растопить лёгкий ледок, покрывавший лужи, и белый пепел снега, припорошивший за ночь тропинки, траву и чахлые кустики, росшие у серой громады пятиэтажного панельного дома. Чёрные сапоги молодого человека уверенно ступали на застывшие комья глины, развороченной автомобилями, часто срезавших здесь путь. В конце октября утренние заморозки надёжно сковывали вездесущую осенью грязь, и он был твёрдо уверен, что не запачкается. Парень и сам не вполне понимал, что гонит его каждую осень на природу, почему его так тянет побродить по лесу, задумчиво касаться потемневших веток, с редкими оставшимися листочками. Он просто чувствовал, что ему чего-то не хватает, словно он потерял что-то важное, без чего и жизнь не мила. Но стоило лишь облететь всем листьям, а траве укрываться под покрывалом снежка, как неизбежная тоска отступала в глубины души, затаиваясь до следующей осени. А пока путник мерил шагами километры, отделявшие его дом от небольшого леса близ одной маленькой деревеньки.

Пройдя сквозь не спешивший просыпаться микрорайон, он вышел к дороге, ведущей к окружному шоссе. Идя по её обочине, парень посматривал то на редкие машины, проносящиеся мимо, то на чёрные вспаханные поля, обрамлённые редким «заборами» лесопосадок. На их взрытой поверхности глазу не за что было зацепиться, даже вороны и чайки, обычно ищущие в развороченных комьях червей, насекомых или зёрна, не наблюдались. Ему стало скучно, и чтобы как-то занять себя, он опустил взгляд вниз, перешёл на край асфальта и, сосредоточившись, пошёл, стараясь ступать точно по белой линии, обозначавшей край доступного для машин полотна дороги. Увлёкшись, молодой путешественник не заметил, как дошёл до места, где дорога пересекала окружное шоссе. На этом перекрёстке стояла машина ДПС, и поэтому сейчас автомобили значительно снижали скорость, в то время как обычно проносились словно метеоры. Усмехнувшись про себя и в который

раз подумав о разнообразии человеческого отношения к одной и той же ситуации, он подгадал момент и перебежал на другую сторону, прошёл по дороге, ведущей между стройных рядов гаражей, и вышел к дачному посёлку.

Пройдя через него, парень свернул на тонкосенькую тропинку, ведущей через скошенное, но почему-то невспаханное поле. Тропка взбиралась на вершину холма, окружённая бледно-жёлтой стерней, а затем обегала вниз, к маленькому ручейку, через который были перекинута доски. Пройдя по ним и взбежав по вырубленным в земле ступеням, он поднялся на взгорок, на котором располагалась ещё одно селение. Но на сей раз это была деревенька. В отличие от новеньких кирпичных дач и коттеджей, темные деревянные дома хмуро смотрели на путника чёрными заколоченными окнами. Молодому человеку стало грустно. У деревни тоже была своя осень, за которой была неизбежна зима. Заросшие прудики, покрытые матовым стеклом первого льда, словно не подпускали к себе, не позволяя рассмотреть их содержимое. Сочные стебли осоки мерно покачивались на ветру, да пронзительно скрипела дощатая калитка. Во дворе одного из домов глухо залаяла собака, значит, не все дома были покинуты, но надежды это не давало, а лишь подтверждало его мысли.

За деревней дорога снова спускалась вниз, вынося парня к небольшой речке. Мост через неё был более капитальным: на замшелых деревянных сваях покоились серые железобетонные плиты. От времени они немного разъехались в стороны, и в прорехи была видна река. Её прозрачная бледно-зелёная вода позволяла рассмотреть мутно-жёлтое песчаное дно с затопленными чёрными ветками. На мосту путник остановился, рассматривая речку, а потом поднял взгляд. За мостом начинался лес.

Ровная узкая полоса скошенной травы обрывалась у стены тонких осин, плотным частоколом окружавших громаду леса. За спинами осин стояли хмурыми стражами более крепкие тополя. Их бурая листва ещё не успела облететь, и на её фоне редкие березки светились бледно-золотыми листьями, словно освещённые окна. Ещё дальше виднелся тёмно-зелёный ельник. Отдельные ели, словно стройные башни, вырывались из общей массы, пытаясь достать до низких облаков, сквозь которые просвечивал бледный лик осеннего солнца. Лес живой твердыней раскинулся на двух холмах, разрезанный узкой лентой весело журчащей речки.

Молодой человек сошёл с моста и свернул налево, к тропинке, нырявшей в приречные ивовые кусты, цеплявшиеся за светло-коричневую куртку с капюшоном, когда он проходил мимо них. Узкая полоска глинистой земли, кое-где хлюпавшей под сапогами, привела его к краю леса. Пройдя под раскидистыми сводами еловых веток, увешанных гроздьями светло-бежевых шишек, и подышав неповторимым лесным воздухом, он спустился в ложбинку, с разбегу перепрыгнул ручеёк, поднялся на холмик и прошёл в листовую часть леса. Парень уже несколько раз бывал в этой дубраве, чтобы отдохнуть душой. Он любил осень и считал, что лишь в ней можно сплунуть, лишь в вихре пламени листвы можно найти покой. Да и другие люди часто здесь гуляли, поэтому

весь лес был пронизан сетью тропинок, хотя вряд ли их сюда вели только возвышенные чувства и поэтому кое-где валялись пустые консервные банки и виднелись чёрные проплешины от костров.

В лесу стояла тишина, птицы не пели, даже ветер не шуршал листвою, хоть и ощущался кожей. Идя по тропкам, путник рассеянно поглядывал по сторонам, и поэтому не сразу понял, что именно привлекло его внимание. Он остановился и уже более внимательно осмотрелся, благо время позволяло. Наконец путешественник понял, что его привлекла широкая дорожка, прямой улицей уходившая слева от него. Ровный ковёр серых пожухлых листьев, устилавший её, словно приглашал ступить на него. И путник поддался соблазну.

Стоило ему сделать первый шаг, как внезапно поднявшийся ветер взвихрил листья, закружив их в хороводе вокруг парня. Слово попавший в сказку, увлекаемый танцем обретших краски листочков, он уходил всё дальше по дорожке, между выстроившимися ровными рядами деревьев. Он уже не мог, да и не хотел повернуть назад. Осенняя пляска становилась всё неистовее, языки листового пламени взметались к кронам деревьев, низвергались вниз шуршащим водопадом, стелились по траве текучей позёмкой. Путник шёл всё дальше, хотя краем сознания и понимал, что в этом леске, который можно пройти насквозь за несколько минут, такой прямой тропки быть не должно. А, учитывая, что он уже идёт по ней минут десять, он должен был уже выйти из леса, но дорожка всё тянулась, не пытаясь кончаться. Хоровод листьев, сливавшийся в сплошную рдяно-золотую стену, отгораживая его от остального мира, возбуждая его любопытство неуловимо мелькавшим сквозь листву взглядом серозелёных глаз, уверенно вёл парня к какой-то цели.

Наконец неистовый вихрь выбросил захваченного в его танец путника на небольшую полянку. Листочки взметнулись в небо рьяными протуберанцами и опали, давая возможность молодому человеку осмотреться. Под аккомпанемент шорохов переговаривающихся деревьев парень с восхищением смотрел на одинокий стройный клён, росший в центре поляны. Тонкие изящные веточки, казалось, с трудом удерживали широкие золотые листья, короной венчавшей тёмный ствол. Вволю дав полюбоваться на себя, клён вздрогнул всей главой, словно от внезапного порыва сильного ветра, и стал медленно облетать. Плавно кружась в медленном вальсе, резные листья стали опускаться к земле все разом, одновременно сорвавшись с веточек. Но, достигнув бурой ломкой травы, они костром взлетели вверх, увлекая за собой другие. Осыпавшиеся с рябин, тополей, осин и берёз листочки вливались в вихрь, снова закруживший молодого человека. Калейдоскоп красок увлёк его, завладев всем его вниманием. Внезапно он почувствовал, как тонкие прохладные пальчики кокнулись его руки. В осеннем хороводе рядом с ним танцевало удивительное создание. Изящную фигурку, выступившую из костра кленовых листьев, плотно облегалo длинное лёгкое платье цвета матового золота, с тёмно-зелёными, как еловая хвоя, манжетами и оборками, пышные медные волосы были распущены, и с их тупыми локнами играл ветер, вплетая в них светлые листочки. Босые ступни едва касались блёклой травы, а серозелёные, с чуть заметными смешливыми искорками глаза,

на бледном немного вытянутом к низу лице смотрели парню прямо в глаза. Забыв обо всем, он танцевал с девушкой, держа её за руки, и слушая её чарующий смех, подобный журчанию ручейка. Вошедший в осенний хоровод путник, видел её словно сквозь листву, лишь руки и смех девушки были вещественны, остальное казалось сном, нереальным видением, несбыточной мечтой. Он не понимал, где он был всё это время, как мог жить всё это время, почему не видел этой дорожки? Души умиравших листьев увлекали танцующих куда-то в небо, складываясь в мощную фигуру дракона, распростёршего над ними свои крылья. Ржавая чешуя внезапно оказалась под ногами парня, и уже по ней понёсся пламенный вальс. А дракон по широкой спирали взлетал в бледную синь осеннего неба, унося с собой всех метнувшихся в костёр, всех вступивших в хоровод, оставляя зопу голых стволов, выживших, словно развалины средневековой крепости. Он уносил их в Замок Осени, где вечно её царство, вечны странствия листа, которого никогда не коснётся зима, и вечно неистовая пляска рыжекудрой Перис.

НАТАЛЬЯ ЧИЧИЛАНОВА (Вологда) К СОВЕСТИ

Не возвышаясь над Единым,
Держу зажженную свечу
И думаю о синем небе,
Куда я с ветром улечу.
Всё ложь в словах моих напевных,
В тяжёлых рифмах нет души –
Я лишь посол самообмана:
Пиши, пиши, пиши, пиши...
В земле горя иль в небе тая,
Я отрекись от этих строк.
Ведь я – пылинка золотая,
И у меня есть свой мирок...
Скажи мне, смертный,
В чём здесь суть?
Быть может в верности единой:
Погибнуть, но не обмануть.
Но ведь обманывать легко –
И праздно и злословно – всяко!
Ну что ж, вслед верного сужденья
Я вам откроюсь, наконец:
Стихи – плод моего прозренья,
Мой самый дорогой венец.
Я не оставлю их при жизни,
По смерти дань им вознесу.
И буду помнить (лучше вечно):

Мы сами выбрали свой путь!

Эх, Русь, Россия! Сколько крови
Своих людей ты пролила?
Но будь всё это в твоей воле –
Ты нам единая страна.
Теперь единая в себе –
Нет места больше в ней расколу.
Мы за тебя стоим горюю.
Так вышло по судьбе.

Мы, как «Варяга» экипаж,
Врагов страны возьмём на бордаж
И победим их для тебя, Россия!
Родной ты нам приходишься странною,
Да обойдут отчизну нашу стороною
Все войны, что планету потрясли!

Марши войны

Смертельная битва, но вечный союз –
Мы должны сразиться с врагом.
Чтоб веру и жизни свои сохранить –
Оружие в руки возьмём.
И в битву единою массой войдём,
Как лава в горный проём.
Враги, что надеются только на силу,
Узнают, что знания – лом.
Мы будем сражаться до грани времён –
В бесславии мы не падём!
Сойдёмся союзом с войсками людей,
И вместе в атаку пойдём!
Во гневе военном кровь сильных прольём,
Кровавый дождь хлынет с небес...
И если не хватит славянских племён,
То помощь нам даст Вечный лес.
Восшедши едино на битву к врагам,
Едино мы их разобьём.
Отправив их души к бессмертным богам,
А сами уйдя в небытьё...

Война. Знамёна, гимны, флаги
Оттенков разных и цветов.
Зачем? Чтоб предки наши знали:
Не подведут сыны отцов.
Зачем? Чтобы враги бежали,
Едва заметив наш отряд.
Зачем? Чтоб в мире разрешилось,
Кто всё же прав, кто виноват.
И шла война... Знамёна, флаги
Спокойно впитывали кровь,
А гимны всё сильнее, чем раньше,
Людскую грабили любовь...
Мы победили, мы узнали,
Что значит небо без оков.
Мы доказали, что мы правы,
Разбив неправедных врагов.
Но что же дальше? Как нам быть?
Кто возведёт разбомбленные зданья,
Кто мыслей разрешит терзанья?
И кто, забыв о плате за страданья,
Героев павших будет хоронить?

НАТАЛЬЯ ЧИЧИЛАНОВА ПИСЬМА ТОЛКИНИСТОВ

Письма. Они приходят обычно неожиданно и вызывают какое-то непонятное волнение, если адрес отправителя принадлежит не какой-нибудь фирме, а самому настоящему человеку из плоти и крови. Первое впечатление производит конверт. По почерку, по сокращению тех или иных слов, по качеству обводки цифр индекса можно догадаться о внешнем виде самого послания. Могу предложить рассмотреть письма тех, кто решил переписываться с толкеинистом. И сразу, по внешнему виду конверта, а именно по имени, написанном на нём, можно разделить эту почту на 3 группы:

1. Письма от толкеинистов, искренне убеждённых в правоте сэра Дж. Р. Р. Толкиена, они верят в существование Эльдаров, Наугримов, Валаров, и называют людей – Аданы или Атани. Их имена имеют скрытый от разума простого смысл: Лалаиф, Арфаурэль аен'Финдал, Арвен, Маэглор, Айстэлл Эльвинле Гвирит Морнаенна, Аданэдэль Нимрас Амарт.

2. Письма от тех, кто любит читать фантастику, но не растворяется в ней. Их имена вычурны, но не имеют подтекста для толкеиниста: Айлада Мара, Клеопатра, Артемида, Миралисса.... Здесь встречаются и настоящие имена, но написаны они, как правило полностью.

3. Последняя группа – письма от тех людей, которые, видимо, из объявления увидели только адрес. Это самые пустые письма из всех, они только загружают почтальонов. К моей великой радости, ещё не все "отправители" подобного научились писать. Имена меньшинства обычно уменьшительно-ласкательные или это псевдонимы, взятые из фильмов (но никак не из книг): Тигрёнок, VIP, Алёнка, Мариша...

Но вот конверт вскрыт, и заветная бумага в руках. И что же там? А там, как правило, приветствие. И тут продолжается деление на три группы. Начнём: У толкеинистов приветствия несколько необычны для нынешнего восприятия: "Да пребудет с Вами тёмная ночь! (от Мориквенди – "Тёмного эльфа)", "Будь благословенна!", "Suilad!" и так далее....

У любителей фантастики первые строчки абсолютно обычны, а исключение составляют лишь фразы типа: "Приветствую тебя, Авари!" или "Свободного дыхания и ясного взора!".

В "пустых" письмах приветствия зачастую оказываются единственной строчкой, которую читаешь – после Hallo!, Hi!, "привет-привет маленький эльф!" или неправильного написания имени получателя желание читать дальше странным образом исчезает куда-то...

За приветствием следует представление имени, а далее – основная часть письма. Итак, смотрим:

1 – в большинстве своём начинается как какая-то история и читается на одном дыхании, после идёт рассказ о себе: "Как же так

получилось, что двое из одного рода, из одного племени ещё не встретились? Может всё дело во Тьме, некогда плотной завесой сковавшей Средиземноморье? Может, дело в том, что и Авари не едины – всех разбросала по разным землям безжалостная рука войн и кровопролитий? Я тоже Авари, Тёмная Авари, их тех, кто ушёл севернее озера Куивиен и затерялся в глуши тамошних земель, во мраке и лесном вековечном пологе."

Так же, здесь подтверждается их желание творить. Выражается в стихах или чём-то подобном:

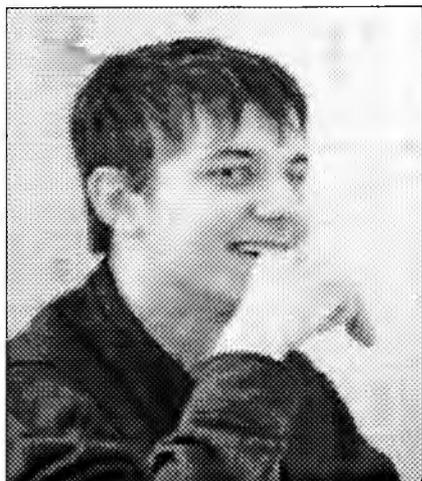
Плечо к плечу, ладонь к ладони-
И, как в агонии, идём...

Сквозь страх и боль, сбивая ноги
О лёд дороги, в небытьё...

2 – здесь многие пишут цитаты из своих любимых книг, что выглядит несколько запутанно, ибо они смешивают воедино фразы абсолютно разных книг. Их письма расписаны на весь двойной листок, но иногда и этого им мало... Они пишут отзывы о любимых книгах и тому подобное

3 – А вот здесь, как не печально, нет никакой интересной информации – голые факты.

Ну вот, письмо прочитано, а прощание обычно соответствует стилю приветствия. Всё-таки приятно, что люди пишут письма, и да пусть будет вечен символ Бумаги и Пера.

ВЛАДИМИР ШАЙДАЕВ (Вологда) КОЛЫБЕЛЬНАЯ СТРАНЕ

Баю-бай, засыпай, страна могучая,
Хэй, да победы былые забывай.
Место твоё у параша вонючей,
А славу оставь, баю-бай, засыпай.
Орёл твой давно уже стал одноглавым,
А правая левую сожрала на глазах
У народа да бомжа, что подписывал
вольные,

Родину продавший за ржавый пятак.
Вставай, Россия, мать моя
обнищавшая,

В венах твоих ещё не только вода,
Вставай, ты уже много лет отдыхала,
Так не засни ж, не засни навсегда.
То, за что деды наши вусмерть

рубились,
Мы отдали даром, в довесок к деньгам,
А за улыбку отдарились Курилами,
За Pepsi-колу, поблажкой в степях.

Слово твоё легче пуха куриного,
Так долетит же оно к небесам,
Матом и делом, дорогу отчизне
Прорубим, а там место будет и нам.
Вставай, Россия, мать моя

обнищавшая,
В венах твоих ещё не только вода,
Вставай, ты уже много лет отдыхала,
Так не засни ж, не засни навсегда.

Вставай, Россия, мать твою,
обнищавшая,
Всем покажешь, кто на деле слабак,
Вставай, Россия, много лет отдыхавшая,
Ты не заснёшь, не умрёшь навсегда.

СВОБОДА

Пёрлись реки через роды,
Жизнь моя опять мешала,
Жить кому-то без заботы,
Ночь кончалась, и светало.
Смерть пугала нас костями,
Громыкала балахоном,

Череп с красными глазами,
Ночь безумная... Свобода!

Распугала холостыми
Ночь безлунная, светало,
Звёзды были к нам слепыми,
Свет лежал, как ком метала.
Серп да молот, флаги, гимны,
Да кому всё это надо?!
Я за русских да Россию
Головы поотрываю!
Я – тот кто больше ничего не хочет,
Я – на оба ваши дома чума,
Я – крик бессонной ночи, я...

ОБЛАКА

Громыкала земля от нигде до заката,
Расплескались в пыли материнские флаги.
Пировала беда на Российских пенатах,
Половинка утра, да отцовские фляги.
Разметала в ничто свежий день злая буря,
За окном полыхали фейверками звёзды,
Целовалась с пургой отсвистевшая пуля,
Обнималась с весной в тишине ночью поздней.
И осталась им только земля да икона,
Посажали на кол нежелавших со смертью,
И мучения их никому не препона,
И не слушайте их, и их крикам не верьте.
Я на небе для слепых, я на небе для глухих,
Я на небе для немых.
Нарисуй мне о том, чего я не знал,
Нарисуй мне о том, чего я не знал.
Замерзает за окном проходящий день за днём,
И промокшая от слёз, побирается огнём,
Нарисуй мне о том, что здесь нет тепла,
Нарисуй мне о том, что больше здесь нет тепла.
Мои стены полотно, да неделя решето,
Ты на небе облаками мне рисуешь то да то.
Только то, что здесь творится,
Не расскажет мне никто.

НОВОГОДНЕЕ

На стене открыткой больше
И глаза слегка печальны
Календарь чуть-чуть потоньше
Что ни капельки не странно
И прошедший год прощально
Помахает за окном
И неволью да случайно
Ты подумаешь о нем
Вспоминая сны и сказки
и практически не больно
Жить почти что по указке
Но истерзанную волю
Я оставлю за собой
С Новым годом с Днем рожденья
С новым счастьем новой жизнью
Мы растем и мы взрослеем
Под одни для всех слова
До свиданья дружба детство
Шоколадки да игрушки
До свидания до встречи

Свидимся еще когда
 Горы льда в коньячном море
 Дотлевают сигареты
 Здесь кончаются все споры
 Раздвигают шпингалеты
 Чтобы вновь в окошко с ветром
 Вместе пробралась Она
 Так всегда проходят встречи
 Хоть ее не ждали в общем
 Это все закономерность
 Место ей уступит осень
 И дождям придет на смену
 Долгожданная Зима
 Вот последние минуты
 Вот мы станем на год старше
 О проблемах всех забудем
 И совсем совсем не страшно
 И неясно что за страхи
 В Новом радостном году
 Все захлопают в ладоши
 Засияют как брильянты
 Вспоминая о хорошем
 Продолжают бить куранты
 Потихоньку приближая
 К неизбежному концу...

Когда каленая баланда
 Казалась сладкою, как мед,
 Мы пили ночь, жевали правду,
 Душили время напролет.
 Один косяк, другой косяк.
 Устал от грез, ушел в кабаки,
 Напился в хлам, душа – кадриль!
 Ах, как там Родина? – Звонил...
 Лежит и стонет, слезы льет,
 Пока ее народ могучий
 Сидит, камней набравши в рот.
 Моя страна. Моя Россия.
 И в чистом пламени ее
 Я, как атлант, черпаю силы,
 Я, как палач, готов на все.
 И в этом черновом засилье
 Я верю – встанет и пойдет
 Моя страна, моя Россия,
 Советский мой родной народ.

КСЕНИЯ ШАБАНОВА (Таллинн) ОКНО НАПРОТИВ

Мой город, как тысячи других, с высоты похож на серое пятно, и не понятно, цвет ли это корки асфальта или просто множество ярких и пёстрых цветов, смешавшихся и превратившихся в грязно-серый.

Город - огромная губка, впитавшая в себя звуки: звук ветра, трущегося спиной о панельные дома, тяжёлое пытение неуклюжих грузовиков, нежное шипение шин автомобилей по асфальту, пиликание сотен мобильных телефонов, нелепо искажающих простенькие ноты популярных мелодий, почти всегда далёкий, как рассказы о войне, тревожный вой сирен, ржавый скрип железных качелей во дворах, и как будто повторяющие эхом этот скрип - звуки железной дороги; прерывистый, как кашель, резкий крик чаек, напоминающий о том, что где-то там, как будто совсем рядом, как будто прямо за углом, море солёным языком лижет каменистый берег. Кажется, каждый кубический сантиметр воздуха впитал в себя какой-нибудь маленький звуковой сигнал, кажется, что город просто набит звуками до краев и что заборы и мосты покосились под их тяжестью, здесь просто не хватит места для звука собственного голоса, и чтобы проверить это ощущение, иногда невыносимо хочется кричать...

Я возвращался домой в зелёном, грустном автобусе как обычно, в девять, заняв место у мутного окна в резиновой рамке, между сдвоенных стёкол которого плескалась вода, просочившаяся через резиновый уплотнитель. Это маленькое море повторяло своими волнами все неровности дороги, разделяло город горизонтальной чертой на две половины, и люди за сантиметровым слоем воды напоминали мне рыбок в аквариуме. Они по-рыбьи открывали рты в неслышных мне разговорах, плыли дружными стайками на зелёный свет, разводили в стороны руки-плавники, лихо заныривали, вильнув хвостом плаща в тёмные норки подъездов, и мне даже на секунду стало страшно от того, что придется вываливаться на нужной остановке в это прозрачное, холодное море.

Мой сосед, вжавшись в синенькое, тряпичное кресло с равнодушным лицом читал книжонку в мягкой, сворачивающейся по углам обложке. Люди часто читают в транспорте, намотав на руку полиэтиленовые пакеты, режущие запястья,

бугристые от выпирающих продуктов, лоя скачущие в такт автобусу буквы. Пассажиры старательно убивают свои 15-20 минут проведённые в трясущейся, бензиновой духоте и выскакивают на нужной остановке в шипящие двери. Они стремятся, бегут куда-то, а я вдруг ловлю себя на мысли, что не пытаюсь убить это время, что иногда забываю, где моя остановка, и подсознательно хочу ездить по кругу, чтобы не выходить, чтобы не иметь возможности убедиться в том, что идти, собственно, некуда. Я проезжаю 2-3 круга, но даже точно не могу сосчитать сколько, не могу определить, видел ли я эти повторяющиеся улицы и витрины утром, вчера или пять минут назад...

Мой дом, девятиэтажный муравейник со стеной, наполовину тёмной от дождя, со стороны походит на гигантский кусок сахара, медленно вбирающий в себя пролитый чай. За дверями, обитыми деревом и кожей, помещались чьи-то маленькие жизни, доносившиеся до меня приглушённым смехом, хлопаньем дверей, телевизионными голосами, музыкой и запахами ужинов, казавшихся особенно вкусными от того, что я не ел с самого утра. Дверь, за которой была моя квартира, смотрящая на мир чёрными, слепыми глазами окон, накопившая тишину за день, ожила с поворотом зубастого холодного ключа. Она медленно начала вытягивать тонкими струйками электричество из бетонных стен, открывая глаза окон, грея воду, лоя далёкие теле- и радиосигналы и проворачивая диски с бензиновыми разводами в пластмассовых внутренностях музыкального центра. Я снова существовал в знакомом мне пространстве, принимая форму диванов, обнимая горячие кружки и щуря глаза в голубую бесконечность экрана. Конечно, я не испытывал любви к этим двум комнатам, не вешал на стены бессмысленных предметов в рамках, создающих уют, но ощущал что-то наподобие первобытного чувства человека, добравшегося до своей пещеры и зажжённого огонь. Чувство защищенности, откладывающееся в сознании после трёх щелчков замка, как-то невидимо согревало. Как в детской игре в "земельки", я отрезал себе кусочек пространства, и уже мог быть уверен, что здесь не будет прохожих, грубо задевающих меня острыми плечами, тяжёлыми, на натянутых ремнях, сумками, и чужими едкими запахами.

В третий раз за вечер курносый пожелтевший чайник бурлил горячей водой и выпускал пар тонкими плотными струйками. Я пил чай, обещающий "истинный английский вкус", безжалостно смяв картонную упаковку с видами Лондона. От бесконечного переключения каналов телевизор стал походить на проектор со слайдами, и я не следил уже за тем, что происходит в запутанных сериалах, не ужасался подсчётам жертв после очередной катастрофы, а просто смотрел на блики и тени на толстом стекле кинескопа. Я привык к таким вечерам - застывшим, с поиском искусственного смысла, с неудобными, изломанными позами, от которых затекают ноги и по ступням пробегает миллион невидимых тупых иголок.

Мой телефон, гладкий, блестящий аппарат, нетронутый, как на витрине магазина, всегда остаётся новым и звонит настолько редко, что звук его кажется чем-то инородным, таким же необычным, как если бы этот пронзительный электронный звон раздался в лесу или ночью посреди футбольного поля. Постепенно округлая, зелёная капля телефона превратилась в украшение, во что-то вроде вазы или статуэтки в стили модерн. Аппарат кажется теперь фарфоровым или глиняным, и я боюсь разбить его, вытирая пыль, даже удивляюсь, когда трубка, случайно сползая с подставки начинает отдалённо и коротко пищать. Странно, но почему-то вещи, теряющие свой изначальный смысл, кажутся мне особенно ценными.

На часах было что-то около двенадцати, по всем каналам можно было наблюдать середину какого-нибудь фильма, дробящегося на куски громкой и пёстрой рекламой, после которой уже невозможно вспомнить, кто кому из героев кем приходится, и кто за кого мстит, разбрасывая красивые слова и расточая витиеватые восточные мудрости. Я нажал мягкую кнопку на пульте, от чего изображение сжалось в белую точку, сверкнуло яркой полосой и исчезло, как будто в секунду все слова и телевизионные переживания засосала маленькая электронная воронка. Время стало ещё медленнее, нечему было заглушить частое тиканье механических часов, и сознание невольно стало считать эти микроскопические отрезки дня длинной в секунду. Минуты, раздробленные стрелками на 60 равных частей, казались гораздо длиннее, чем обычно. Тишина, имевшая вязкую, тягучую структуру как будто склеивала часовые механизмы: шестерёнки, пружинки, винтики, и делала ночь бесконечной, а утро чем-то нереальным и очень далёким. Захотелось набрать горсть снотворного, рассматривать на ладони ровные, аккуратные таблетки, и, запрокинув голову, забросить одну за другой в рот, пережевывая их до горькой мягкой кашицы. Хотелось свернуться в клубок под действием искусственного, плотного сна и очнуться только утром от металлического звона будильника, с тяжёлой болью в голове и убитой бессонницей. Но в аптечке, набитой полупустыми коробками и усыпанной по углам порошком неизвестных лекарств не было ни снотворного, ни даже сладкой валерьянки. Я подошёл к окну, потому что просто не хотелось валяться несколько часов на кровати, пытаясь не о чём не думать, сминая простыни во влажные канаты и наблюдая, как перемещается по потолку квадрат света и вытягивается тень люстры от проезжающих по улице редких машин.

Кто-то выключил город как электрическую лампочку, и одну за другой аккуратно зажжёг свечи фонарей, жёлтый свет которых никак не походил на искусственный электрический огонь, бегущий от столба к столбу, а мерцая и разливаясь по асфальту неровной бледной лужицей света напоминал настоящее, живое пламя. Стены домов впитали в себя голубоватый цвет ночи, тёплые, оранжевые квадратики многочисленных кухонь и спален

постепенно потухли, повсюду исчезло и синее телевизионное мерцание. Я остался один, ещё более один, чем шумным, копошащимся днём. Мне хотелось также уснуть со всеми, прерывисто дышать в складки одеяла, вздрагивать от бледных кошмаров, бормотать, что-то невнятное, шевеля пересохшими губами, но только спать. Я смотрел на тёмные прямоугольники домов час или два, как смотрят на огромное полотно кинотеатра в ожидании фильма, и вдруг, посреди этой вселенской пустоты, посреди на ночь умершей блочной громадины сверкнул квадратный огонёк. Кто-то, заключённый в такой же маленький бетонный лабиринтик стандартной квартиры, возможно лишь зеркально отраженной, напичканной сонными предметами, потерявшими чёткие контуры, кто-то не умеющий засыпать, когда спят все, нажал на гладкую клавишу выключателя и на секунду убил кусочек темноты шестьдесятю ваттами света. Мигнувший свет далёкой, ещё не успевшей нагреться, невидимой мне лампочки из тонкого, плавно выгнутого стекла, напоминал тёплый сигнал маяка посреди загустевшего к ночи городского моря. Захотелось ответить маленьким светом на этот сигнал, как будто было очевидно и понятно, что надо рассказать о своём существовании, о неуклюжих, неловких движениях посреди залитой тьмой квартиры, о невозможном, недостижимом сне, который представлялся роскошью, таким же везением, как совпавшие числа лотереи. Я четыре раза нажал на упруго переваливающуюся кнопку выключателя, и снова оставшись без света, взглянул в проём окна. Всё тот же квадратик, бывший тёмным пятном и потерянный мной из виду мигнул три раза. Свет преумножился в числе - за моими двумя вспышками появились три в доме напротив, я ответил четырьмя, и такая простая и понятная последовательность перетекла в немой разговор, простой штрих-код чередования тени и света. Дойдя до числа двенадцать, я снова нажал четыре раза на выключатель, приобретший новую, невидимую другим функцию, как будто по слогам сказал "пока". Этот разговор нельзя было расшифровать, и обоим собеседникам понятно становилось лишь то, что этой ночью они не одни захлёбывались темнотой, сидели неподвижно в как будто выдавленной из воздуха ячейки для почти парализованного тела, громко заглатывали пенистую слюну и боялись резких движений, противоречащих тишине и ночи. Я заснул, рухнув тяжёлым телом на прохладную простыню, натянутую на твёрдый поролон раскладного кресла. Заснул моментально, как будто потеряв сознание от сладких лекарств и мутных уколов, заснул по-детски, с молочным вкусом на губах и с резкой тяжестью ресниц, осознавая то, что этой ночью я остался не один.

Утром предметы снова как негативы проявились на свету, обрели форму, будто наполняемые гелием шарики и, со звоном упрямо нежелающего молчать, лобастого будильника, полностью достигли своего обычного, дневного, натурального вида. Я очнулся необычно счастливый, весенний и лёгкий, моментально отрезвев ото сна после крепкого кофе.

Оставив квартиру, запечатанную сургучом липких проворотов ключа, заперев воздух за стеклянными и железными дверьми, я шёл на работу, словно чётко не зная дороги и номеров автобусов, будто в кулаке был зажат потёртый комок бумажки с адресом, синеватой от размазанных чернил и линеек. Мокрый воздух, как асфальт, набирающий щербинками влагу, пах прохладой наподобие заледеневшего до потери вкуса мороженого, доставаемого красными от холода руками продавца, с самого дна цветастого холодильника. Всё было будто только что вымытым разрекламированным чистящим средством с альпийской свежестью - дороги, стены, прибитые к земле тяжёленькими, крупными каплями обёртки конфет, блестящие, словно вылитые из воска листья, и такие же вощёные, гладкие лица людей.

Вечером время не наматывалось бесконечной ниткой на повторяющиеся круги автобусного маршрута, не растягивалось, словно кусок желе в бледных, разорванных мыслях при созерцании какой-нибудь случайно выбранной точки пространства; оно шло, двигалось и даже - непривычно для меня торопилось. Дорога домой превратилась из виляющей в разные стороны, расходящейся мелкими петлями нитки, в чётко нарисованную карандашом на карте короткую линию. Я почти бежал, как пятилетний ребёнок торопится в магазин игрушек, с накопленными смятыми бумажками рублей в кармане, чтобы забрать с полки давно выбранный, прорисованный в сознании предмет.

Пустота квартиры стала какой-то более живой, и даже тёплой от металлически-звонко разбивающихся о стекло капель дождя. Вода тонким, прохладным слоем покрыла моё лицо, маленькими ртутными шариками забила между волокон одежды и чуть щипала усталые глаза. Я согревался, как и тысячу раз до этого, кофе и горьким дымом, и никак не мог избавиться от смутного и странного желания достать из скрипучей темноты пыльного шкафа, из-под тяжёлых, будто слипшихся в одно целое бумаг старый патефон, не знающий язык нулей и единиц, нежно пробегающий острым коготком иголки по тёплым дорожкам пластинки.

Я слушал запылившуюся, шершавую мелодию, местами как будто чуть потертую, как и её название на картонной упаковке и смотрел в окно в ожидании маленького, квадратного света - как по слогам сказанного "Привет". Окна погасли одно за другим, не оставив даже жёлтого пятнышка, бледного мазка. Я ждал до самого рассвета, поднявшегося молочным полотном из-за домов, до первого, разрезавшего тишину резиновым скрипом автобуса, до первых телевизионных голосов за стеной. Свет появился везде, брызнув откуда-то снизу, как вода на лобовое стекло автомобиля, равномерно растёкся по ожившему пейзажу за окном.

Я снова остался один, с пересохшими губами, с мутной болью в висках, со страхом слишком громко пошевелить воздух. Каждую ночь я жду света в окне напротив, слушаю исковерканные временем, покрытые мелкими царапинами мелодии, и до рассвета не могу заснуть.

МИР ТЕАТРА

НАТАЛЬЯ ИЗОТОВА ДВА СПЕКТАКЛЯ - ДВА ПОЛЮСА

Положительные и отрицательные стороны, на мой взгляд, лучше всего определяются в сравнении. И раз уж в ближайшее время мне посчастливилось посмотреть целых два спектакля, анализ я проведу именно таким способом.

Начну с постановки, сценария так сказать. Театральная группа гимназии №2 представила нам весьма любопытную смесь отрывков из различных произведений, посвящённых... смерти (спектакль «В круге вечном»).

Лично мне не очень понравилось. Может, это я не понимаю всей талантливости данного произведения, но, в любом случае, смысл от меня наполовину ускользнул. Хотя дело тут, может, не в постановке, а в обстановке: временами на заднем плане довольно громко тренькал мобильный телефон, которому то и дело вторили голоса благодарных слушателей...

Как я поняла, коллектив гимназии не случайно выбрал маленький полутёмный зал для создания мрачного настроения. Этого зритель получил с лихвой. Тусклый свет ламп, завораживающие удары гонга, чёрные одеяния актёров.... Всё это, безусловно, погружало нас в темноту, вызывая чувство безнадёжности, какого-то неясного смятения, глухой тоски.

Меня очень порадовала игра актёров. При воспоминании об этом спектакле, в ушах раздаются приглушенный шёпот, тоскливые крики. Актёрам, несомненно, в полной мере удалось отобразить живое страдание и боль человеческой души. Правда, отвлекаясь от столь высоких тем, отмечу небольшую техническую недоработку. Я понимаю, что когда люди страдают, они могут кричать. Но уши бедной зрительницы, мои то есть, ни в чем не виноваты! Правда, это лишь моё мнение. Например, моей знакомой очень понравилось. Похоже, она не против слушать и ещё более громкие горестные вопли.

В целом, спектакль этой группы я бы оценила высоко. Выполнено очень профессионально. Просто я в принципе любитель движения вперёд и не привыкла сидеть в темноте, а глупое чувство - надежда - упорно меня покидать не желает. Как следствие, если вся эта мрачность мне не понравилась, то дело во мне, а не в спектакле. Если смотреть объективно, то вторая гимназия - молодцы! Только в следующий раз порауйте всех нас чем-нибудь повеселее.

На счастье из бездны мрака меня вытянул следующий спектакль череповецкого коллектива. Постановка у них была милая и хорошо всем известная – «Золушка». Зал был светлый, костюмы яркие, и ужасы прошлого спектакля сошли на «нет». Сценарий хоть и был не очень оригинален, в нём встретилось немало изюминок, было много юмора, и я весело провела время. Правда, чего стоит несчастная оципанная кура, поэтично названная «уточкой». Если это был продукт марки «Шекснинский цыплёнок» (на сей день

переименованный в «Домашнюю курочку»), то выкидывать эту вкуснятину по меньшей мере неосмотрительно и неэкономично. А вот если то были «Ножки Буша», то чувство патриотизма заставляет похихикать. И всё же, взяв себя в руки, как член общества защиты животных, заявляю: не издевайтесь над курицей! Бедная птица такого не заслужила. Даже после смерти. Был ещё один смутивший меня факт: по словам феи, платье Золушки было сшито в мастерской, а не обрывки одежды главной героини были в него превращены.... Так с чего же, позвольте, после 12 платья становится лохмотьями? Ну, как сказал король: «Страна эта сказочная, следовательно, происходит здесь может все, что угодно».

Теперь об игре актёров. Ребята, конечно, старались, но артистизма, по-моему, не хватает. Может, и сами актёры восприняли свой спектакль как шутку, и отнеслись к нему недостаточно серьёзно. Но ничего: коллектив молодой, он ещё своё наворачтает, не сомневаюсь.

Есть две совсем разные вещи: этакий мрачный труд гимназии и светлая наивность череповецких гостей. Гимназия, конечно, сработала талантливой, профессиональней. Ну и что? Главное, что в череповецком спектакле был радостный свет молодой звезды. И если поставлен выбор: свет или тень, то я выбираю свет, пусть у тьмы и красивая упаковка. Сердцу не прикажешь. Такой уж непослушный орган.

НАТАЛЬЯ ЧИЧИЛАНОВА ИЗ МРАКА СЦЕНЫ (отзыв о спектакле «В круге вечном»)

Из пустоты выступили двое, и игра началась. Наверное, сложно воспринимать представления, что разрушают рамки, что не могут считаться обычными. Тёмная атмосфера, крики мучений – вот новые рамки, что нам показали. Кто-то был недоволен представлением, кто-то считал его недосказанным....

«Они потеряли что-то, что-то привычное для нас, и заменили это новым, новым и непривычным для нас – скажешь ты. Ты скажешь – Тут не было смысла» Не беспокойся, единый, смысл был: он потерял очертания и остался пустотой в нас. Опустошив, он не оставил чувств для понимания, но дал новое, не занятое пространство для размышлений.

Невероятная аура была спутником старых слов, сказанных по-новому. Зачем же придумывать что-то совершенно новое? Этот мир уже создан. Эти роли уже написаны, сыграны и забыты кем-то и когда-то.

«Это было напоминанием для забывших, – скажешь ты. И повторишь: - для тех, кто не помнит мучений ушедших». Теперь, мне кажется, ты прав.

Рождённый из тишины, концерт совершенный. И в нём так много для жизни и так много для смерти, только бы сердце нашло свой дом. (Nightwish «Dead Boy's Poem») Пустота заполнится, и вас поймут.

Тёмные одежды актёров сливались с мраком сцены, а крики наполняли, пугали, но заставляли задуматься. Игра была очень эмоциональной, хорошо сыгранной, подготовленной. Актёры полностью утонули в ролях, не вызывая сомнений, что они действительно чувствовали эту боль, эти страдания.

«Сомнения? – спросишь ты. И ответишь себе же: «Сомнений не было в этой правде». Правда, которую пытались донести до нас, не была утерянной, просто она была безумно странной. Раз эти чувства умерли, то они вернутся, чтобы умереть в нас снова.

В целом и едином, концерт был совершенен в своей неповторимости. Неудивительно, что никогда не видевшая ничего подобного публика не смогла его воспринять независимо.

Ты больше не говоришь, а мысли твои открыты. Нет смысла больше прятать чувства и потоки мыслений: узрев взлёт и падение чужих мечтаний, чужих чувств, ты не считаешь трагедию своей души серьёзной. Ты наконец-то спокоен, рассудок невысказанных сомнений.

МАРИНА АНИСИМОВА О ДЕТСКОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ФЕСТИВАЛЕ

С 10 по 16 марта 2005 проходил фестиваль детского творчества «Спешите делать добро». За четыре дня жюри посмотрело 26 работ разных коллективов Вологды и Череповца. Преобладали детские спектакли по мотивам сказок Г. Х. Андерсена, Н. Носова и А. С. Пушкина.

Хотелось бы рассказать про самый добрый, на мой взгляд, из них – это «Незнайка на временной машине». Сюжет, конечно, знакомый. Многие авторы использовали приём перемещения своих героев на машине времени в прошлое или будущее, но Незнайка просто побывал на других планетах, в других странах. И это достаточно интересно – наблюдать встречи действующих лиц разных сказок друг с другом, видеть, как после всех приключений и знакомств меняется представление озорного мальчишки о себе и других, о своём поведении, он понимает совершённые ошибки и решает исправиться – достигнута главная цель сказки – научить детей понимать свои поступки, отвечать за них. Привлекает внимание зрителя главный герой Незнайка – весёлый шалун в большой синей шляпе и яркой оранжевой кофте с зелёным галстуком. С первых слов сразу становится понятным характер этого персонажа: задиристый, своенравный, упрямый. Действующее лицо именно этого спектакля почему-то ассоциируется у меня с одним моим знакомым, так и хочется сказать о Незнайке его словами: «Критикуйте меня, разбирайте, всё равно вы ничего не понимаете, а я столько нового о себе узнаю, даже смешно становится». И этот коротышка думает так же. Глупо пытаться подогнать его под какой-то стереотип: для каждого он свой.

Больше всех мне понравился спектакль Алёны Новгородовой «Люби всех нас». На фоне сказок он поражает своей современностью и реальностью. Проблема детей из неблагополучных семей сейчас весьма распространена, но мало кто задумывается над ней всерьёз, ведь у людей много своих забот, чтобы ещё думать о ком-то. Рок-музыка, актуальность, вроде, обычная тема заставляют зрителя по-другому взглянуть на происходящее на сцене. Всё реально, всё как в жизни. Кажется, здесь нет сказки, но это не так: главная героиня Люда встречает свою маму, покупает долгожданную обувь. Разве это не чудо? По-моему, да. Несколько предложений, сказанные здесь, не смогут выразить моего восхищения этим спектаклем. Дальше идут только

чувства. А настоящие чувства очень трудно заменить словами, какими бы точными они ни были.

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО СКАЗКЕ (интервью)

В Вологде прошёл восьмой театральный фестиваль «Волшебный мир любви и сказки», который привлек внимание не только любителей, но и многих мастеров сцены. Корреспондент Ксения Хромова беседует с членом жюри фестиваля Галиной Щекиной.

– Галина Александровна, как бы вы охарактеризовали фестиваль в общих чертах? Говорят, он получился очень разнообразным, многие работы юных самодеятельных актеров действительно заслуживают внимания?

– Спектакли студии «Подросток» «Мечты маленького ослика» и «Девочка со спичками» оказались актуальными. Они как бы отзывались на главную цель фестиваля – открыть детям мир искусства, заронить в них любовь к возвышенному. Фестиваль-то был посвящен 200-летию Андерсена, и потому сказок было особенно много, прежде всего сказок Андерсена. Студия «След» школы № 25 поставила «Свинопаса» и «Пастушку и трубочиста», студия «Гармонии» 13-й школы и череповецкая труппа – «Снежную королеву». Был даже Андерсен в восточном духе, спектакль «В славном городе Пекине» – там все действующие лица в кимоно. Школа № 9 представила пьесу «В гостях у Андерсена» из фрагментов разных сказок, а в «Подростке» мы увидели мякучу, тонкую пьесу – «Девочку со спичками»... «Кто счастливейший» (режиссер Светлана Войцук) по мотивам Андерсена. Оригинально – в пьесе разговаривают вещи. Это, впрочем, в духе Андерсена, он всегда склоняет читателя к философии. Очень, очень хороший выбор литературного текста. Самое ценное тут не просто очеловечивание предметов, а именно социальная философская нотка, концепция – «Я – для людей. Что я могу для них?». Такое богатство, разнообразие подходов просто ошеломительно. Сказки были хореографические, «зоологические», «сказки – жестикюляции», «технологические» (школа № 9), народные... Это отмечал и председатель жюри Вадим Домбровский, заведующий кафедрой актерского мастерства Ярославского театрального института.

– Какому спектаклю лично вы отдали предпочтение?

– Хотелось бы выделить «Девочку со спичками». Хорошая постановка, неординарная. Уж очень деликатно подошел к постановке режиссер В. Шахов. История взята горькая и страшная, то есть девочка замерзает в рождественскую ночь, а на сцене нет смерти. Девочка не умирает – она поднимается на небо вместе с бабушкой, за ручку – будто домой уходит. Живая музыка наполняет зал настоящей поэзией, настраивает зрителя на самый возвышенный, праздничный лад. Это тоже важно, так как многие коллективы используют фонограммы.

– Фестиваль называется «Волшебный мир любви и сказки». Неужели из всех известных сказочников дети любят только Андерсена?

- В репертуаре были также Пушкин, Чехов, Носов. Например, «Сказка о мертвой царевне» Пушкина (школа № 13, режиссер Лариса Афанасьева). Что за верность слову, что за костюмы узорные, как плавно, как по-русски все! У них и лицедейство, если можно так выразиться в данном случае, на уровне - вот умерла жена царя, и актриса тут же появляется в роли чернавки, потом собаки... Но акцент был сделан все же на сказках Андерсена, потому что фестиваль детский и для детей произведения датского сказочника, что называется, самая доходчивая форма.

- А как на праздник сказки попал Чехов?

- Как раз Чехов оказался очень востребован, его «Юбилей» тоже выбрали две студии. Хотя это и не сказка. Оказалось, что есть место и для комедии, и для любви. Ребята-актеры так увлеклись сюжетом, что стали хохотать, выпадая из роли... Была еще одна не-сказка: «Любите нас всех» (автор и режиссер А. Новгородова), и прошла с победным успехом. Современная тема, музыка Шевчука - слагаемые этого успеха.

- Если это кому-нибудь надо, то, значит, звёзды закипают. Кого из маленьких артистов пометил зоркий глаз жюри?

- Ах да, о звездах, куда без них... Мне понравились Женя Комарова, Юлия Соловьева, Нина Новгородова в «Люби нас всех», Денис Батраков в «Юбилее», Ярослав Соколов, Света Дьякова в «Ослике», девочка в «Девочке со спичками», Света Соколова в роли Галочки у Чехова и многие другие. Но, как я понимаю, главное не призы, а то, что за кадром, в смысле – за сценой. То, как ребята пришли к успеху.

- Так много звёзд! А какая самая яркая?

- Мы говорили после фестиваля с актером «Подростка» Ярославом Соколовым, учеником 17-й школы. Да, произвел на меня человек впечатление! Ему тринадцать, в студии уже четыре года, и за это время несколько ролей сыграл вплоть до нынешнего показа «Мечты маленького ослика». У него и «Считаю до пяти», и «Приключения в волшебном лесу или Секрет елки», и вот теперь Ослик, романтик и мечтатель. Ему страшно нравится перевоплощаться то в важного делового Крота, который всегда хозяин положения, то в озорного шутника Зайца. Роли-то противоположные по характеру! А он от каждой берет что-то для себя. Так, кстати, незаметно происходит социальное и эмоциональное обогащение личности.

- В театре, начиная с восемнадцатого века и до сих пор существуют амплуа. А если человек начнёт свою актёрскую деятельность с роли Зайца?

- К «Подростку» это не относится. У них роль «не прирастает» к актеру. В идеале так и должно быть. Чтобы дети развивались гармонично и разнообразно. Актёры так и сказали: Владимир Георгиевич всех раскрепощает.

- Значит, Ярославу Соколову, как и другим студийцам, любую роль исполнить не слабо. Так в чём же секрет лично его успеха?

- А у него это получается - легко. Все дело в методике: оказывается, руководители «Подростка» взяли за правило мальчикам давать сразу все мужские роли, а девочкам - все женские. Для чего? Во-первых, для взаимозаменяемости, чтобы всегда наготове был исполнитель в непредвиденном случае, и, во-вторых, для того чтобы каждый был максимально задействован.

Ведь дети в студии разного возраста, и всем хочется играть.

- Это конечно, здорово! И предусмотрительно, и, можно сказать, функционально, и профессионально с педагогической точки зрения. Но ведь совсем не просто выучить все роли пьесы, как ребята это делают?

- Меня тоже заинтересовало, как они могут выучить такое огромное количество текстов. Не только свою роль, но и все остальные роли! А Ярослав сказал, что подготовительный период длится столько, сколько надо для освоения материала! К тому же, если кто и забудет одну фразу, ему тут же помогут друзья-актеры, например, таким способом: «А это мы сейчас у Ослика спросим! Скажи-ка нам, Ослик...» Самые лучшие, по мнению Ярослава, партнеры по сцене - Влад Яровых и Кирилл Тесле (они старожилы, уже семь лет в студии), и девочки Юлия Семенова, Саша Брызгалова, Света Дьякова... Владимир Георгиевич Шахов и Татьяна Ивановна Слинкина, руководители студии, очень даже приветствуют импровизацию. Это же так здорово! Получается, что каждый спектакль - игра на заданную тему.

- Галина Александровна, вы много общались с начинающими актёрами за время фестиваля. Они рассказывали, как попали в «Подросток»?

- Ярослава Соколова, к примеру, привела в студию его мама. Он, кстати, рос до этого довольно несмелым замкнутым ребенком, были проблемы с общением. Сейчас это живой, очень веселый мальчик, из него энергия так льется. В школе все успеваешь, даже лучше учиться стал... Говорю ему, что это, наверное, сильный напруг - совмещать школу и театр. А он: да никаких напругов... Легко!

- Руководители и творческий коллектив несомненно заслуживают простого человеческого «спасибо» от зрителей. А какова роль преподавателей студии в учебе и жизни своих воспитанников?

- Я думаю, благодаря студии «Подросток» у ребят легко и быстро проходит период социализации и самоутверждения. У них все получается, оттого им радостно в жизни, и это удваивает силы, они горы готовы свернуть. Атмосфера в студии доброжелательная творческая, я знаю, что они даже на занятия раньше приходят, чтобы времени хватило пообщаться. И объединяет интерес к театру, и это сближает еще больше. Это уже не просто студия, это семья. Студийцы давно вышедшие из подросткового возраста, не теряют связи с родным коллективом, приходят, пишут, звонят. У бывших воспитанников уже свои семьи, дети свои рождаются, в гости друг к другу ходят...

- Такая атмосфера очень ценна для подрастающего поколения, можно сказать, на вес золота! Особенно в наше время, когда лучшим другом ребёнка стал компьютер, набитый игрушками. Как это получилось у руководителей студии «Подросток»?

- Трудно сказать, может, тут волшебство? Шахов и Слинкина постоянно в творческом поиске, например написали три авторских программы, но самое главное - любят они театр до самозабвения, любят детей, поэтому все и получается так, как задумали.

КСЕНИЯ ХРОВОА
(Ярославль-Вологда)
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД
ГЕДДЫ ГАБЛЕР

*И страстно звучанье
Неслось над стремниною
То песнь умиранья/ Ты пел лебединую.
(Г.Ибсен «Лебедь»)*

Пьесы Генрика Ибсена - о свободе, с которой человек независим от условий существования, которая «придает жизни такую чарующую прелесть». В них конфликты чем-то похожи на чеховские. Но герои Ибсена более приспособлены к жизни, им дана большая власть над собой. Не сразу становится ясно, что она призрачна, и Строитель Сольнес, Гедда Габлер, Греггерс Верле в финале оказываются так же бессильны перед устройством мира, как три сестры или дядя Ваня.

Пьеса «Гедда Габлер» - история последних шагов над пропастью в поисках свободы, нереализованных стремлений, которые в идеале не терпят компромиссов. Мы застаем Гедду в момент, когда она уже смирилась с невозможностью такой жизни, какой она должна быть и таких отношений между людьми – настоящих, искренних, «живого общения», как говорил об этом Эрик Бентли. Наряду с тоской по «живому общению», которое исчезло вместе с Эйлертом Левборгом, ее переполняет ненависть и отвращение к окружающей мещанской обстановке, где люди обращаются друг с другом как с неодушевленными предметами, заводят бесцельные разговоры, не идут на контакт. В ходе пьесы она делает окончательный выбор между «все» и «ничего» и совершает, может быть, единственный смелый поступок.

Человек у Ибсена не мыслится и без своего прошлого, без истории собственной семьи, рода, и без истории вообще – прошлой и настоящей. Понемногу нам даются сведения обо всей прошедшей жизни героев. А сама пьеса удивительно точно, вплоть до мелочей, натуралистично воспроизводит жизнь вокруг нас. На самом же деле драматическое время здесь - один день. Такой же эффект и с пространством. При прочтении пьесы

часто упускается из виду, что, хотя происходит много событий за пределами города и страны, мы не покидаем гостиной в доме покойной советницы, претендующем стать «семейным гнездышком» Гедды Габлер и Йоргена Тесмана.

Свободна ли Гедда Габлер в своем жизненном выборе и в обычных, будничных делах и поступках, как это связуется и отображается в пьесе скандинавского драматурга? Гедда сама продумывала обстановку дома. Йорген и его тетя Фрекен Тесман были рады устроить все как можно лучше - потратили многолетние сбережения, залезли в долги. С одной стороны, она должна быть им благодарна. С другой – вынуждена терпеть, потому что ее отец генерал Габлер не оставил наследства, и женихи, узнав об этом, разбежались. Но и это не все – ей приходится выбирать из того, из чего выбрать невозможно... Каково было обдумывать «красиво и со вкусом меблированную гостиную» и оставаться при этом в рамках класса «эконом»? И может ли человек, всю жизнь проживший в доме с камином, привыкнуть к печи? Вопросы отнюдь не праздные, ведь и день сегодняшний ставит перед женщиной все те же человеческие проблемы, решать которые каждой приходится исходя из своих возможностей, уровня образования, воспитания, моральных и душевных качеств, а еще массы всевозможных жизненных условий и условностей. Раздвигая временные и пространственные границы своего произведения, Ибсен намеренно подталкивает нас к выводу о том, что подобные проблемы не есть чисто утилитарные, сегодняшние, сиюминутные... Видимо, они стоят перед людьми со времени появления на Земле человечества, и каждый волен решать их самостоятельно, так или иначе, понимая свободу своих действий пусть и на бытовом или чисто подсознательном уровне.

Но Ибсен, как классик мировой драматургии не просто подталкивает нас к простым и однозначным выводам относительно мироустройства вообще и положения своей главной героини в частности, он дает картину происходящего, которая не ограничивается лишь вышеназванными проблемами. Вопрос гораздо шире – ограничивает ли быт свободу человека вообще, и может ли свободный человек одновременно одинаково любить и то, и другое? По крайней мере, главную героиню пьесы Ибсена мы застаем за решением сложной жизненной задачи (а может быть дилеммы) – примирить свой духовный мир с жестокой необходимостью, широту натуры и чистоту помыслов с действительностью сегодняшнего дня. Несомненно, она и раньше испытывала отвращение ко всему мещанскому и ограниченному. Такое вполне абстрагированное отвращение оставляет внутренний мир в относительной сохранности. Когда дочь генерала Габлера, не имея другого выхода, вышла замуж за посредственного и во всех отношениях бесталанного пахаря науки, «вся эта грязь» коснулась ее напрямую. Тут и началось постепенное разрушение той красоты, которую ради спасения нельзя умалить. Высокомерное презрение рождается в Гедде тогда, когда от нее ожидается

благодарность за мещанский дом, любовь к бестолковому и бесчувственному мужу, уважение к тетушке – насадке, почитание покойного Йокума и фамилии Тесманов, формальные слова... Презрения заслуживает и та роль, которую приходится играть Гедде Габлер – молодой жены и матери по имени фру Тесман. Что для нее жить под чужой фамилией? Это значит каждый раз фальшивить и лгать любому, кто к вам обращается.

В данном случае не может идти и речи о мелодраматической жалости в мировоззрении Ибсена. Двойное существование, когда ничего нельзя сделать без оглядки, не должно протянуться долго. Хотя у Гедды титаническое терпение, она постоянно выпадает из своей социальной роли, и можно представить, каких титанических усилий стоит ей скрывать правду ради фальши. Это видно с первых сцен. Тетя Юлле, зайдя в гости с утра пораньше, принесла на своей голове шляпку для Гедды Габлер в своем вкусе - с лентами, которые завязываются на бант под подбородком, чтобы ей не стыдно было показаться на улице с тетей. Что тут можно сказать?.. Тесман, после того, как любовно развязал ленты и повертел шляпку в руках, положил ее на стул возле стола. Тем не менее, убитая этой ущербностью Тесмана, из-за которой он не замечает, что делает, не ощущает своих движений и своих действий, Гедда не позволяет себе больше, чем сделать вид, будто шляпка принадлежит прислуге. Невинная шутка, если учесть модель и качество шляпки... И даже после этого компромисса, в ответ на обиженную растерянность тети Гедда снова заточает себя в кандалы этикета: «Признаюсь, я не разглядела ее хорошенько, фрекен Тесман. Очень красиво, прелестно».

Гедда не может принять способ общения Тесманов. Проследим хотя бы по ремаркам общение Йоргена и фрекен Тесман, не забывая, что они видятся по нескольку раз в день: «пожимает ей руку», «глядя ее по щеке», «берет его за обе руки и оглядывает», «треплет ее по плечу» и т.д. Об их диалоге говорить не приходится. Гедда и Тесман, являясь мужем и женой, вообще не прикасаются друг к другу. Она обращается к Тесману только в тех случаях, когда это будет максимально приближено к «живому общению», и так же со всеми остальными. Тесман, напротив, рассыпается в бессмысленностях. После сцены со шляпкой ничего, как обычно, не понявший Тесман кладет на стол туфли.... Которые тетя, кстати, принесла в кармане.

По городу прошел слух, что объявился Эйлерт Левборг. Гедда и Эйлерт – единственные в пьесе, кто способен на «живое общение» друг с другом (кстати, и имена их – единственные гармоничные, созвучные сами по себе). Их ценность друг для друга трудно объяснить. Особенностью драматурга Генрика Ибсена, которая наиболее сильно проявилась в данной пьесе, является то, что слово у него употребляется не для повествования, а имеет более широкое, знаковое значение. По этим, своего рода символам, читатель или зритель должен ощутить все то, что сжато до одного слова. Так называемый

прием узнавания, который применяет драматург, еще больше связывает искусство с жизнью. Как, например, можно объяснить «увенчанный листвою винограда», «милая дурочка», «петух»? Познакомиться с персонажами пьесы через такие знаки невозможно. Предполагается, что читатель знает их, и знает не социально, а «чувствует кожей».

Эйлерт Левборг становится конкурентом Тесмана, «мечтающего» получить место профессора в вузе, в котором сейчас заканчивает аспирантуру. Ради престижного места Йорген не первый год пишет книгу о брабантских кустарных промыслах в средние века по неизвестным историческим документам (неизвестным по причине непопулярности темы). Кустарщина – это работа, выполняемая неуклюже, примитивным способом. В Брабанте в основном занимались вышивкой и ткачеством. А Левборг написал гениальную, как говорят, книгу о культуре будущего, которая затронула весь город. Для написания такой книги нужна известная доля смелости. Кто из них победит в конкурсе – неясно, потому что Йорген не обладает преподавательским даром, а Левборг в силу своей гениальности и чрезмерных возлияний не способен стабильно работать. Это соперничество – чуть ли не единственное обстоятельство, которое заставило Тесмана волноваться. Его можно понять, ведь он добросовестно трудился много лет, а Левборг написал две книги всего за год. Но нескрываемое и заикливое волнение Йоргена выглядит нелепо.

Эйлерт Левборг – «увенчанный листвою винограда». Ему можно позволить выпить, потому что он сделает это гениально, а потому красиво. Но появилась женщина, которая запретила ему это и многое другое, чем «надломил смелость, дерзость жизни». Благодаря запретам он, конечно, написал книгу. Эйлерт чувствителен. Но когда чувство охватывает его (а это бывает постоянно), он не подключает голову, не испытывает страсть. Вместо того им овладевает более примитивное чувство, которое заставляет вслепую тянуться к теплу, не рассматривая источник и последствия. Таким источником стала для Левборга Теа Эльвстед – «милая дурочка», которая писала под диктовку его книгу. Естественно, когда задуманное гениальное детище начало оформляться в более конкретные формы, Эйлерт занялся работой над книгой, а не Теей.

На первый взгляд кажется, что Теа – та, которая способна любить. Потом становится ясно, что это привязанность или «товарищество», как выражается Эйлерт. Отношения Гедды и Левборга ближе к любви. Она до последнего момента не теряет веры в него. Дать человеку пистолет в надежде, что он совершит свой смелый и красивый поступок – достоинство гения, когда никто больше на это не способен – значит довериться ему.

Но почему Гедда сожгла рукопись? Страницы написаны почерком Теи Эльвстед, наверняка, очень красивым, как и ее волосы... Их Гедда гладит и сгорает от желания спалить. Левборг называет Тею вдохновившей на труд, тогда как на самом деле э

определение лишено своего истинного значения. Фру Рюсинг, как звали Тею прежде, «богата», имеет все необходимое, включая Эйлера, но не дорожит своим богатством. Не дорожит настолько, что подавляет в Левборге те особенности и движения души, которые придают ему «такую чарующую прелесть».

Гедда совершает двойное детоубийство. Она беременна, но не чувствует себя будущей матерью. Маленький Тесман, на которого падают надежды на продолжение отцовского дела (или еще хуже – отцовской книги), воспитанник тетушки Юлле, да еще нянечки вроде Теи – нужен ли еще один такой человек миру... Подобный «генный уродец», в котором смешалась кровь генерала Габлера и покойного Йоккума, почти обречен. Гедда часто открывает стеклянную дверь, чтобы надышаться свежим воздухом, но в сад не выходит. Она спряталась, чтобы «вся эта грязь», все «безобразное», от которого хочет избавиться, не налипало больше. И все равно Тесманы тащат «грязь» от вечно больной, а затем покойной тети Рины. Шляпка, зонтик, вышитые руками тети Рины домашние туфли – Гедда не смогла бы преодолеть отвращения и дотронуться до этих предметов.

Болезненность героини в том проявляется, что она на грани срыва. У нее слишком много терпения для человеческого, и слишком мало для сверхчеловеческого. Портрет отца изначально висит в маленькой комнате. Подальше от окружающей заразы – из гостиной в спальню уносят ее старое пианино, которое, как она с горечью замечает, не вписывается в интерьер. Личное пространство героини все сильнее сжимается, ей становится тесно. Больше времени она проводит с единственным, что осталось в наследство – дуэльными пистолетами генерала Габлера. Когда «вся эта грязь» уже не только окружает, а вместе с будущим ребенком поселяется внутри, живет там самостоятельной жизнью и требует все больше места, уже трудно сохранять психическое равновесие. Любому титаническому терпению приходит конец.

Не слабо подшатывает это равновесие заседатель суда Бракк. Актерам, играющим его роль, как и актерам, играющим Эйлера, да и остальных героев Ибсена, немалое внимание приходится уделять игре присутствия. Один только вид Бракка должен вызывать раздражение. Из него ключом бьет его петушиная природа. Он всегда рад выставить себя в лучшем свете, для него важнейшее место в жизни занимает собственный авторитет, причем авторитет дешевый, заработанный легким путем. Бракк на все стороны хвалится своим якобы могущественным положением в обществе. На самом же деле он может только выгодно воспользоваться ситуацией. Взяв на себя денежные расходы по обустройству дома для Гедды, он тайно от нее и Тесмана уговорил тетушку подписать «одну формальность», связанную с ее банковским счетом на содержание... Не имея никакого понятия о бескорыстных отношениях, он упрекает Гедду в том, что ей «не доводилось испытать ничего такого...

настоящего, встряхивающего». Уверенный в себе как в «интересном, содержательном во всех отношениях» мужчине, он не замечает своей толстокожести, не замечает умело скрываемое Геддой презрение. Она принимает его в домашнем утреннем платье... Этот знак неуважения остается незамеченным. Бракк не улавливает смысла ее слов, потому что может ополнить что угодно. Его финальные слова – самый характерный тому пример. Когда-то женщина считалась человеком не слишком дееспособным. Зато ответственность за ее проступки нес мужчина. Это была хорошая сделка. Бракк нарушает и эту традицию, желая получить все преимущества. Добиваясь Гедды, он шантажирует ее обещанием рассказать суду, кому принадлежит пистолет, застреливший Эйлера Левборга. Тогда не избежать скандала.

- Того, чего вы до смерти боитесь, – говорит он.

Гедда многого боится. Но скандал – это настоящая болевая точка, потому что он в данном случае означает ополнение самого прекрасного. Гедду будут судить как преступницу. Надо будет что-то доказывать фрекен Диане и людям, которые все – равно ничего не поймут. Сплетники разнесут грязь фальши и лицемерия по всему городу. Гедда несется навстречу неминуемой катастрофе.

Изначально настроенная на живой контакт со всем миром, она успела собрать много «грязи». Желая свободы и очищения, Гедда не видит иного способа, кроме как использовать второй из пары дуэльных пистолетов. Эйлерт, оказавшийся не способным совершить смелый и красивый поступок, вызывал и испытывал более доверительные отношения, чем кажется. И хотя Гедда Габлер свободна от чувства вины и раскаяния, она поступилась единственным, что у нее осталось – свободой и взяла на себя вину Эйлера. Сама совершила этот ожидаемый от него поступок.

- Так обычно поступают, но не делают – равнодушно произносит Бракк. Все, как и он, воспринимали пистолеты в руках героини как развлечение, игрушки. Но никто, кроме Левборга, не знал, что Гедда никогда не играет.

А еще она «никогда не выскакивает» из поезда, о котором завел речь Бракк. Он воспринял фразу как предупреждение о том, что Гедда не изменяет Тесману. Хотя речь шла о треугольнике, Гедда хотела высказаться совсем по другому поводу. С Браком она может позволить себе подобную двусмысленность, имея гарантию невысказанности. Гедда «никогда не выскакивает» из поезда, который мчится навстречу судьбе. Она не сама села в этот поезд, она не отвечает за последствия происходящего. Подобное мы чувствуем, пожалуй, когда смотрим новости о климатических катаклизмах и природных катастрофах, умножающих бедствиях на земле, эпидемиях или миссионерстве в странах третьего мира. Это внушает страх, но одновременно и удовлетворение от того, что жизнь продолжается как задумано.

Смерть в любом искусстве – явление, которое требует особенно осторожного подхода. Никто

наверняка не знает, как ее играть, потому что никто ее не испытывал. Ибсен не мог воспользоваться ею в качестве эффекта. А нам, воспитанным на христианских догматах, сложно принять самоубийство как духовно сильный поступок. Лучше по возможности обходить данную тему стороной. Но, так как это необходимо для окончательного раскрытия конфликта, все же придется сказать несколько слов.

Наверное, никто не станет оспаривать, что смерть – посвящение в неизвестное. И каждый человек волен принять неизвестное, когда будет готов. Но не лучше ли Творец знает, когда наступит этот момент? Принято считать, что промысел Божий неподвластен человеческому разумению, что Господь руководствуется совсем иным, нежели люди, промыслом, он обрывает жизнь человека так, чтобы это лучшим образом способствовало его оправданию в Судный день. Гедде же оправдание чуждо. Это делает за нее автор пьесы, делает как бы невзначай, исподволь. Но так, что мы видим на сцене живого человека, а не надуманный персонаж, живущий по условным законам жанра. Поэтому пьеса как бы разрывает привычные, устоявшиеся каноны драматургии, когда действующие лица вынуждены оправдывать свои действия хотя бы перед зрителем, иначе пьеса теряет логический ход и накал, а в конечном счете, привлекательность. Но в то же время, зрителю становится ясно, что свобода сама по себе не нуждается в оправдании, поскольку дана человеку изначально, а не является благоприобретенным свойством «просвещенного» общества. Разнятся лишь принципы использования этой свободы в реальных условиях, но они зависят уже от личных человеческих качеств.

По принципу «все или ничего», которому подчинены все душевные порывы Гедды Габлер, возможно лишь действие, исключая оправдание. В желании быть оправданным (не будучи уверенным в правоте), больше трусости, шкурного страха, чем «смелой любви» и милосердия. Гедда, бегущая от страха к чистоте чувств, нашла единственный выход в самоубийстве. Поставлен перед нами еще один неразрешимый вопрос о категории и степени личной свободы, а также о правомерности использования личных свобод в общественной жизни...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НАДЕЖДА КОЗИНА СВЕТ ДУШИ ОТЦА СЕРГИЯ

Занятия литературной студии «Лист» проходят в духовно-просветительском центре «Северная Фиваида». Там была выставка уникальных творческих работ священника Сергея Колчеева. Выставка состоит из 2 частей 1 этаж – живопись, 2 этаж – фотографии. Картины маленького формата, неяркие, а фото большие, отливают глянец. Но осмотревшись, понимаешь, что в картинах заключено что-то необыкновенное.

Мне кажется, что я еще не встречала таких художников. Отец Сергей Колчеев пейзажист. Он изображает на своих картинах церкви, храмы, речные берега, заснеженные равнины, сельские домики, погосты. На его картинах много воды и неба.

Также автор останавливается на теме дороги, она приобретает особый, философский смысл, дорога, как бы ни была трудна, она все равно приводит к цели, к чему-то светлому, святому. И в этом пути человеку помогает вера, об этом говорят изображенные рядом с дорогой церкви и храмы.

Другая важная тема – свет. Даже правильней сказать, что это борьба света и тьмы. Свет исходит с неба, иногда это отблеск заката или сияние радуги. (картина «Радуга. Вид на дорогу от Никольска к светлому ключу», а также картина «Радонеж») на свет обращают внимание все посетители выставки, об этом говорит книга отзывов. Художник Данила Кольцов говорит: «Он фиксировал Свет – сквозь серое небо после дождя, в ясных солнечных, голубых чашах неба над свечами соборов. Он шел не туда, куда несется светское искусство... Брызнул свет как жемчуг на его полотнах от света души его»...

Открытие выставки было посвящено памяти отца Сергея, (который ушел от нас в 2003 году) и столетию Казанского храма. Но открытие выставки приезжал отец художника – режиссер Юрий Колчеев, со своим фильмом «Мой отец Сергей». Отец назвал своего сына духовным отцом (это так странно), и фильм этот стал лауреатом нескольких православных кинофестивалей, в том числе на фемфестивале «Радонеж» (серебряная медаль). Жизнь отца Сергея – пример для подражания, так как не каждый человек, получивший 2 высших образования – МГУ и ВГИК, бросит все и поедет в Никольскую глушь восстанавливать церковь.

После выставки отца Сергея меня охватила печаль, так как такого светлого человека уже нет. Он направлял людей на путь истинный, помогал тем, кому была нужна его помощь. Он организовал воскресную школу... Если вы не видели эту выставку, то прошу вас, загляните туда, постоит, посмотрите. Вы не пожалеете об этом.

НАДЕЖДА КОЗИНА О ПЕЛЕВИНЕ (эссе)

Как говорят критики, роман «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина – это первый серьезный дзэн-буддистский роман в русской литературе. Суть этого течения буддизма можно выразить словами монаха Догэна - «Изучить путь будды – значит изучить себя. Изучить себя – значит забыть себя. Забыть себя – значит ощутить мир как чистый объект. Отбросить чистый объект – значит отбросить собственное тело и разум и тела других Я». Данную идею мы встречаем и в романе «Чапаев и Пустота», но сформулированную гораздо проще, показанную на частном примере одного человека – Петра Пустоты.

Пелевин со своей дзэн-буддистской идеологией давит на читателя. Он пытается навязать свою точку зрения. И ему это частично удается благодаря выбранному жанру повествования. В зарубежном искусстве этот жанр получил название фэнтэзи (это не фантастика). В своих романах Пелевин изображает вполне реальные события (которые были или же могли быть). Также изображена проекция этих событий в какую-то другую реальность. В романе «Чапаев и Пустота» до самой кульминации читатель не может понять, который из двух изображенных миров является настоящим, а который – просто миражом. Читателю кажется, что вот оно это решение – сон рассеялся. Но в самом конце романа, когда обе реальности исчезают, читатель понимает, что Чапаев был прав. Рассеивается все. Даже поэтическое творчество Петра, которому не придается никакого значения в романе. Пелевин утверждает, что истинная в этом мире лишь любовь, которая приземляет

главного героя, помогает читателю прочувствовать все события, происходящие с героем в разных мирах.

Одна из описанных реальностей - это 1919 год, дивизия Чапаева, другая, как ни странно, - психбольница, наши дни. Так же вместе с главным героем мы видим истории третьих лиц, которые живут каждый в своем мире. Эти истории подтверждают мнение Чапаева, что каждый человек сам строит себе жизнь, сам придумывает свою историю. И для каждого больного из семнадцатой психбольницы именно этот выдуманный мир является более реальным, чем сама лечебница.

Чапаев предстает перед нами в облики, которое противоречит всем нашим представлениям. Если вспомнить все фильмы, истории, анекдоты про Чапаева, то он представляется бравым офицером с закрученными вверх черными усами, готовым отдать жизнь ради родины, неравнодушным к судьбе просто солдата. Книга «Чапаев и Пустота» рушит стереотипы. От образа Красного командира Василия Ивановича остались лишь усы да шашка с папахой. Чапаев предстает перед нами как человек отрешенный от мира сего. Для него все вокруг - мираж, который в конце концов развеется, и не останется ничего и никого, кроме тех людей, которые это поняли. Хотя, если задуматься, то и этих людей не существует, они сами себя придумали.

Анна, племянница Чапаева, предстает перед нами как связывающее звено между Чапаевым и Петром. Она понимает, что происходит вокруг, но не помогает Петру в осознании всего происходящего. Важным моментом в романе является сцена в ресторане. То, что Анна выплескивает Петру в лицо шампанское, показывая свое отношение к его пошлым намекам, не удивляет читателя. Но когда Петр обливает Анну с ног до головы шампанским – это дикость. И Анна никак не реагирует на это. Такая ситуация не свойственна для нашего мира. Разве стала бы уважающая себя дама терпеть такое оскорбление в общественном месте? После этой сцены читатель видит, что Анна не просто симпатизирует Петру, а испытывает к нему какие-то чувства, большие, чем забота о больном. Хотя она и скрывает это.

Петра Пустоту читатель видит с двух сторон: то как психически нездорового человека, то как поэта-декадента. В итоге оказывается, что вся жизнь, точнее жизни Петра были миражами. А в реальности существовали лишь его отношения с Анной, которые были для Петра сном до того момента, как он смог осознать всю нереальность бытия.

Очень точно описаны соседи Петра по палате в больнице. История каждого из них чем-то близка Петру. Возможно, используя образы Шварценегера, просто Марии, Пелевин хотел облизать своего героя с современным читателем. Но получилось так, что эти довольно яркие и известные образы отвлекают читателя. Если до недавнего времени Арнольд Шварценегер ассоциировался с киногероями, которых он сыграл, то теперь он все-таки политик. Такого поворота событий автор, конечно, предусмотреть не мог, хотя и должен был. Во многих своих произведениях Пелевин использует образы наших современников, и он должен понимать, что положение этих людей в обществе отношение к ним с каждым годом может измениться. Также остается загадкой, согласен ли автор, к примеру, с разговором бандитов во сне Володина о вечном кайфе. Не ясно, отождествляет ли автор этот кайф с тем, к чему приходят герои в конце романа. В

теориях Чапаева и бандитов Володина одна основа, что нужно отрешиться от существующего мира, но есть разные способы, принципы и итоги этого отрешения. История просто Марии говорит о том, что идеалы людей могут обманывать своих хозяев, что мечты, как и люди, предают. Из рассказа Сердюка читатель понимает, что даже после смерти человек не попадает в какой-то другой мир, а снова возвращается в эту реальность. Описание психбольницы играет важную роль в романе, несет в себе подтверждения теории Чапаева и придает этой самой теории особую реалистичность, современность.

Для того, чтобы понять любое произведение Пелевина, недостаточно одного прочтения текста. Каждый читатель всю полученную информацию должен пропустить сквозь свой личный опыт, и увидеть, что похожие ситуации были в жизни многих из нас.

Пелевина нельзя ставить в один ряд с Пушкиным, Достоевским. Его творчеству свойственны художественные методы, которые использовали русские классики. Несомненно, в его произведениях читатель найдет яркие образы, точные сравнения, но сам жанр, выбранный Пелевиным, отделяет его творчество от всего, что было создано в России ранее. Каждой своей книгой Пелевин шокирует читателя, будоражит его воображение, и в каждой ему удается найти новые образы, идеи, которые еще не успели наскучить читателю. К примеру, его последнее произведение «Священная книга оборотня» удивляет не только глубиной своей философии, но и эротическими подробностями (оборотнями читателя уже не удивить). А в романе «Поколение «Г» Пелевин использует фамилии известных российских политиков современности, которых читатель может видеть по телевизору чуть ли не каждый день.

Как главный герой Петр Пустота на протяжении всего повествования пытается понять мировоззрение Чапаева, так и читатель должен представить себя в образе Петки и пропустить сквозь себя все то, что Пелевин говорит нам устами Чапаева.

Само название уже заставляет задуматься. Если сначала читатель думает, что роман так назван по имени главных героев, то после прочтения и осмысления прочитанного на ум приходит другой смысл заголовка - словно Пустота это не фамилия главного героя, а весь мир вокруг него.

Можно сказать, что «Чапаев и Пустота» это книга ни о чем, так как Пелевин пишет, что все, что вокруг (то есть то, о чем он и пишет) это все только кажется главному герою, как и всем остальным. После прочтения романа «Чапаев и Пустота» в голове читателя остается множество философских идей, и непонятно, какая из них важнее других, какая является подлинной (хотя бы для автора и его героев), а какую автор хотел разрушить. В целом, книга перенасыщена философией, если убрать пару рассуждений, то общий смысл романа от этого не пострадает, а вот в голове у читателя уже не будет такой путаницы.

ДАРЬЯ МИНЕНКОВА ПРО «ЧУДОВИЩНЫЙ ЦВЕТОК»

Простудировала «Чудовищный цветок» Г.Щекиной залпом. Внушительный сборник, ощущение, что пере-чувствована вся жизнь. Что больше всего поражает, так это *единство*. Общая атмосфера сильного, настоящего чувства располагает к доверию. Читатель доверяет – это здорово, но где посыл читателю? Возможно, по своей молодости и неопытности у меня слишком одностороннее мнение к творчеству, поэтому прошу воспринимать его в соответствии с моей ценностью перед Вами. Так вот, я верю, что основная задача писателя – воспитать. Жизнь – главный учитель, но автор, вынося свое творение в свет, должен чувствовать ответственность перед читателем и не стыдиться учить его. Настоящая учеба всегда ненавязчива. По-моему, сборник «Чудовищный цветок» не предусматривает ответов на злополучный русский вопрос «что делать?». Прекрасны стихи, где раскрывается целый путь лирического героя: «Стрела фиалки в декабре...», «Нет спасенья на всем белом свете...», «Бег огня лесами и долами...»; очень ярко запечатлены в штрихах страдания любви («Поэма Слез»); завораживает поэтическая речь: «Помнишь? Вышла из вагона \ В зелень-звон шального лета \ И зажмурилась от света \ Ливня, павшего на кроны...» - но стихи не дают выводов. Несомненна тема непримиримой борьбы с трудностями, но это – достоинство автора, а где же указываемый луч читателю?

Кстати, о борьбе. В 3 части сборника «Вслед», которая, по-моему, самая органичная по составу входящих в нее творений, звучит на прощание стихотворение «Отшумели парусные ночи...» - о любви, немислимой без преград. Это, если я не ошибаюсь, лейтмотив всего сборника. После глубинного погружения в мир пережитых страданий и наслаждений приходишь вместе с автором к выводу, что жизнь на каждом этапе прекрасна, и уже мятежником «ищешь бури, как будто в бурях есть покой».

Для меня, как читателя, текст произведений достаточно трудно воспринимался (опять же, возможно, из-за моей отдаленности от истины). Скажу, что слишком много абстракции, завуалированности мысли, несмотря на то, что это лирика. По-моему, эффект художественной метафоры теряется в ее количестве. В комментариях к циклу «Родники» пишете, что «поэт – весь такое уязвимое место – совсем без кожи» - не способ ли это невольной защиты? Безусловно, стиль создан автором, он неразделим с сущностью стихотворения и личностью творца, но я говорю об инстинкте, который заложен в каждом живом существе – инстинкте самосохранения.

Хотелось бы перейти ненадолго к деталям. Есть фразы, которые просто цепляют. Например, стихотворение «Уезжай»: «Попроси Богородицу Деву \ Притушить твой озлобленный взгляд» - как кроток и едва заметен мотив прощения, гуманизма. Ярче он звучит в «Послушнице» - прямо-таки боль о человеке, рожденная Достоевским. Этот мотив переплетается с другим - мотивом человеческого уродства. «Мы все последствие мутаций, \ Нас много страшеньких вокруг...» - смелое заявление и вполне правдивое, только вот *не всё* в нас – то самое последствие. Переплетение мотивов есть

гармония, поскольку нет ничего более человеческого, чем любовь к «униженным и оскорбленным». Подтверждение нахожу в стихотворении «В такие минуты и сходят с ума...».

Не совсем согласна с мыслью стихотворения «Бе- огня лесами и долами...»: по-моему, не нужно давить на себе страсть и ревность, стоит просто отпустить – и придет сознание необходимого добра. Кстати, есть строки, которые противоречат строкам из другого стихотворения: «Пожалей забитого грешника, \ Он не может грех одолеть» - «Станешь каяться в грехах, \ Не тогда грешить не надо...» («Пробирает тело дрожь»).

И не могу не сказать о линии, очень важной для меня лично, - линии жажды правды, усталости ото лжи. Следование правде приводит к истине («Изнанка правды, яд похвал...»). «Мучительно кривляние для вида, \ Оно паденья горестного часть» - неспособность жить правдиво для самих себя – серьезная проблема нашего времени. Я благодарна Вам, что в руки мои попался этот сборник все-таки искусство – важнейший плацдарм для развития духовности.. Спасибо огромное.

МАРИЯ СУВорова CARTA TRISTEZA (о рассказе Г.Щекиной «Куда ушла Хомка»)

Здесь такое отчаяние, безнадежность. Отсюда и выражение из названий стиральных машинок. Ну какая разница, когда ходишь туда-сюда и приткнуться некуда еще и не то вспомнишь. Куда ушла хомка? А ведь это вовсе не вопрос, как это могло с первого раз показаться. Это попытка дать ответ. Он лишь чувствуется, не словами там и не выражен. И кто вообще такая хомка? Это же не только маленькая пушистая Диана - хомячок?

Это не рассказ про нелюбовь к животным. Адресат не самом деле о них и не думает вовсе, может и не испытывает никаких симпатий к зверькам. Но тут это совсем не важно. Сама заполняет пустоту. Этот как если из мозга вынуть один элемент – картина разрушится – но это же не выход. Все что всегда было вне, всегда и было вне, не нарушая тщательного становления... картинкой головоломки под названием «жизнь одного человека и его избранных друзей...»

Да, вот когда под действием чего-то или кого-то место освобождается, весь этот ранее непримеченный мир вторгается, с одной стороны, своей чуждой сущностью, с другой стороны, как-то скрашивая одиночество. Вот здесь хомячок заменяет человека: «я конечно не люблю их, этих бегающих, грызущих»... – но все равно ведь понимает, что любовь в сердце живет не просто так. Ни не нет рядом чем-то дорогого человека и теперь даже хвост розовый, маленький как палец, перестает быть таким противным как раньше... Попытка полюбить через кумира не самый лучший вариант для того, чтобы разобраться в причине тех или иных поступков человека. С этим он напрямую сталкивается главная героиня коротко названная «Я». «Я не понимаю. Как можно было какое-то вонючее животное кумиром обзывать».

Какой-то итог размышлений на эту тему приводит к тому, и, казалось бы, совершенно верно то, что «ты ведь молчишь, ешь достать, погреть в ладошках, чмокнуть дурацкими ушками».

Поэтому не веришь тем, кто уехал, а осознавать такой факт просто больно, что и говорить приходится

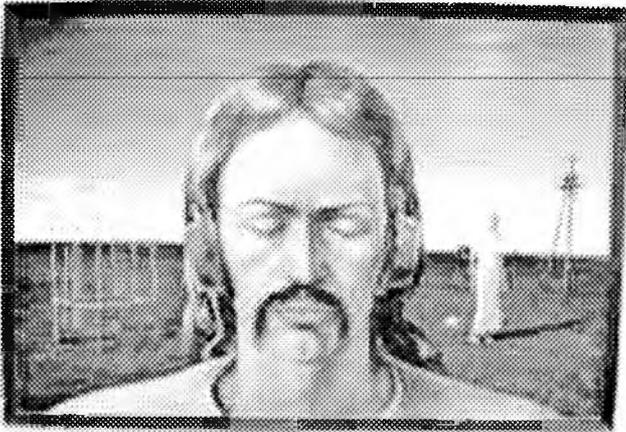
искать оправдание для самого себя – «и то что ты решила уехать, в общем-то правильно». Но ведь как же так можно – все учителя рано или поздно прощаются со своими учениками? Да? Да неужели? И ключевая фраза, вырвавшаяся из отчаянной душевной исповеди: «Я много читала про эмигрантов и изумлялась – попомните, заплачете... Ты тоже попомнишь».

Такая кульминация в которой выражаются все наболевшие за время разлуки чувства, много всего накручено лишнего, ведь провал остается после людей, а проблемы никуда не уезжают, ни в какую Германию, и даже хуже, частенько меняют место жительства - «ты уехала и хомку Диану перевезла ко мне».

Господи, но все так отчаянно. Бесплезные вопросы направляют в неведомое, в неизвестную страну, в непонятном направлении движется мысли, прыгая с одного на другое, не задерживаясь ни на чем, только на близких уехавшему человеку предметах, образах, Они стали видимыми. А раньше их знал только тот, кто назвал хомку Дианой. «А там между прочим обожаемая Диана под вспышки колбасится, и посмотреть на не стоит много денег». «Хорошо, когда финал невидим. Все как бы растворяется»

И каждый может по-своему додумать то, что написано, то, что показано прочувствовать. Финал открыт. В этом тоже смысл. Что Хомка не ушла.

ТАТЬЯНА СНЕЖИНА “КРЫЖЕВСКИЙ – ПОЛЕТ НАД ХАОСОМ” (Отзыв о выставке)

Удивительно, как интерес к пространственным композициям воплотился в творениях художника. «Трансреальность» - точнее слова подобрать нельзя. Автор впадал в это состояние, когда писал и настолько сильно чувствовал его, что теперь, когда смотрим на картины, мы тоже можем это ощущать. Именно так на меня и повлияли произведения Яна Крыжевского. Я стояла замороженная одним сюжетом и его подтекстом, не в силах перейти к следующей картине.

Больше всего мне понравилось три произведения. Причем - чем позже год написания, тем сильнее она меня увлекает.

«Старое дерево», созданное в 1973 году, хранит в себе порыв уехать... Уехать вдаль,

неизвестно куда, да впрочем, это и неважно. лишь бы уехать, гнать и гнать...

Набирая скорость, улыбаться, вырваться из этой обстановки, умчаться от всего... Может быть, во время этой поездки все в этом мире наладится - может быть, старое покалеченное дерево вновь даст маленькие побеги, зазеленеют те оставшиеся веточки, до которых еще не добрался недобрый человек. Уехать и не видеть реальности. Вот он транс - лететь на встречу ветру, не думая ни о чем. Этот транс сродни тому трансу художника, который летит сквозь образы вперед, к поиску своего.

Когда писалась вторая из отмеченных мною картин, «Меломан», в мире начал набирать обороты рок-н-ролл, на улицах появлялась новая молодежь, многие пересекали улицы на своих железных конях (мотоциклах), были обвешаны металлом и шокировали своим отношением к «другой музыке». Картина «Меломан», написанная на два года позже, в 1976 году, показывает нам реальность тех лет. На герое - наушники, глаза закрыты. Это его отгораживает от мира - пустой степи, где вдали кровать и маленькая женщина. Слушая музыку, он уходит в себя, отдает себя до конца, не может отвлечься, оторваться, да не хочет, наверное. Так выражается состояние души: не хочу, чтобы вы мне мешали, не трогайте меня, это моя музыка, и если вы ее не понимаете, я буду слушать ее один. Именно такая обстановка была и творчестве - он, один из самых выдающихся, с другой картины, уже кому-то ненавистные...

Знак запрета, который слишком часто встречается у Яна Юлиановича, не требует никаких комментариев. Так кратко и остроумно обозначит он вечное «нельзя».

На картинах кроме свойственного только ему серо-голубого два оранжевых предмета - это запрещающий знак и еще наушники. Видимо, его это волновало в тот момент. С одной стороны суровая реальность, с другой трансреальность, переживания и чувства чего-то важного, высокого, например, музыки.

И третья из мною отмеченных картин по моему, является шедевром. Это работа «Уходящим летом» (1978-1979). Еще не осень, но уже не лето. Может, пока не наступил день, а может, он давно закончился. Таинственное время дня, утра или вечера. Эта картина состоит из множества противоречий, которые отражают внутреннее состояние героини или автора работы.

В центре девушка на мостике, вокруг природа. Кажется, ее ничто не волнует. Спокойствие воды под ее ногами, но такое бушевание неба над головой. Она размышляет о чем-то важном, о том, что может изменить все. Почему-то, глядя на эту девушку, я вижу в ней себя. И это дает больше возможностей для понимания изображения. Она отдалилась от нас, сложенные руки символизируют закрытость, нежелание обсуждать с кем-то свои

мысли. Ветер уснул в ее волосах, а она лишь смотрит вдаль. В чем-то сомневается она, и этим сомнениям соответствует тревожное небо, две полосы расходятся от ее головы. И опять же - транс...

«Трансреальность - стояние души», - это слова Яна Юлиановича Крыжевского. Его картины - это действительно отражение души, ее состояние, а также чувств, которые преодолевают художника. Мы можем это не только увидеть, но почувствовать, настолько сильна энергия, вложенная в глубокие творения Крыжевского, в

его ледяные небеса. Некоторые картины все равно остаются непонятными, и только автор знает, что в них. Может, кто-то и не разделит моего мнения о произведениях Яна Крыжевского, но картины, которые смотрели сотни глаз, уже вполне сами выбирать, кому нравиться, кому нет.

«Выставка «Полет над хаосом» в Доме Корбакова дает возможность нам, родившимся уже в другое время, увидеть, представить и понять, что чувствовал человек в тех условиях, когда вокруг было сплошное «нельзя». Это отражено в картинах Крыжевского, который остановил своими сюжетами время, и как гипнотизер ввел зрителя в транс.

ВСТРЕЧА С ТАТЬЯНОЙ ЖМАЙЛО

Вопросы Оксаны Кирюшиной (студия «Лист») - для поэтессы Татьяны Жмайло на презентации ее книги «Азбука дождя»

1. Лирика у вас грустная и оптимистичная. Очень хорошая поэма «Азбука дождя», склонность к поэмам выражается в повторах - дубы, дождь, в кольцевой структуре. Есть ли у вас еще поэмы (кроме «Азбуки дождя»)?

Нет, Оксана, обычно я с запасом укладываюсь в 12-16 строк :-)) Поэма - дело трудное - здесь и поиск темы, и ее разработка. Одно требует сценаристских задатков, другое - времени. Первое просыпается иногда, со временем - хуже. Прошли те времена, когда поэт мог заниматься только писанием стихов, сейчас приходится за-

рабатывать на жизнь просто для того, чтобы выжить.

2. Как вы считаете, нынешнее поколение молодых людей способно с достоинством воспринять поэзию как великое искусство человечества?

Оксана, поэзия, как и любой другой вид настоящего искусства (я не имею ввиду образы массовой культуры и попсовые вещи) понятен и доступен далеко не всем. Поэзия никогда не была достоянием широких масс - то есть, в советские времена мы все учили наизусть стихи о родине, о партии, но разве это поэзия? Но любители, искренние почитатели поэзии как жанра литературы были всегда. Это о понимании нынешним поколением.

Кроме того, у поэзии - лирической особенно - всегда будут поклонники, по той причине, Положенная на музыку, лирика воздействует многократно, и такие певцы и певицы, как Александр Градский, Елена Камбурова и др. будут нести настоящую поэзию «в народ». Если бы не Градский, вряд ли бы многие из слушателей знали имя Роберта Бёрнса :-))

3. Кажется, главная тема ваших стихов - женщина, есть стихи о любви, о драмах любви, о разлуках, о женской судьбе, есть литературные героини - Маргарита, Лилиит, Мария Магдалина... А вы что считаете своей главной темой?

Главная тема? Я никогда не думала об этом. Есть я - поэт, есть моё восприятие того или иного жизненного факта, события, какой-то эмоции... Кстати, о любви у меня почти нет стихов. Более всего это философская лирика, то есть - весьма отвлеченная, с вкраплениями моих собственных суждений.

4. Как вы относитесь к критике?

К конструктивной критике, то есть, к такому обсуждению стихов, которое дает возможность автору задуматься и может быть, улучшить свои произведения - двумя руками «за». Но, к сожалению, чаще всего критика выразится в охаивании автора, в выдергивании неудачных на взгляд критика строк. В клеймении автора. С этим я в полной мере столкнулась в феврале 2004 года, когда мой стих был номинирован на сайте СТИХИ.ru

5. Думаете ли вы о своем месте в искусстве наравне с другими писателями нашего времени?

Хотелось бы, но вполне осознаю, что я - не Бродский, и не Цветаева. По той, хотя бы, причине, что не могу полностью отдаться только поэзии.

6. Как вы относитесь к художникам-реалистам нашего времени? Какие работы вам больше нравятся?

О работах художников не могу судить, потому что почти ничего не знаю о современном искусстве. Остановилась на обожании экспрессионистов и пост-экспрессионистов еще лет 15 назад...

СВЕТЛАНА МАЛЬШЕВА ПОЭТ ХАОСА

(о Елене Поповой)

*Чтоб угодить судьбе, глушить полезно
ропот.*

*Чтоб людям угодить, полезенльстивый
шепот.*

*Пытался часто я лукавить ихитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.*

Омар Хайям

*Несоответствие стандарту – принцип,
лежащий в основе жизни.*

Можно долго спорить о назначении поэта. Елена Попова свое нашла. Она – несет людям гармонию. Гармонию тела, гармонию души. Первое мое впечатление о ней – хрупкая, уставшая от жизни женщина.

*“Картонные коробки
высотных домов
скапливают
на дне дворов
усталость” (HEL.P)*

Ее стихи оставили в моей душе неизгладимый след. Ее творчество как оболочка, проникнув в которую уже не вернешься обратно. Особенность ее философии – страсть и вдохновение - есть сама жизнь. Самосознание того, что мир не может существовать без чувств уже величайшая философия жизни. Страсть, постоянно противоречащая самой себе – вот ее цель.

*“Ножницами
отстригни
меня от себя –
получится”. (HEL.P)*

И она отстригла,... а потом склеила,
“Танцуем

*на лезвии чувств
джигу чувственного
наслаждения”.*
(HEL.P)

...и вновь отстригла:

“Смотрим
в одно окно –
видим разное”.
(HEL.P)

Ее стихи лишены всякой логики, она – поэт хаоса. А что же есть хаос? Хаос есть беспорядочная материя, неорганизованная стихия. Это и есть космос. А именно из космоса, из неизведанной вселенной образовалась все: жизнь, люди, чувства, о которых пишет Попова.

Цель ее – показать все то, что представляется в сознании и ожидании. У Елены Поповой во всей структуре повествования нет ни одной детали, которая не служила бы прямому или косвенному воспроизведению всей ее души. Блок сказал: “Слова поэта уже суть его дела”. Кот-то говорит много, она молчит, но в ее молчании слышится гораздо больше слов, чем в стихах многих современных поэтов. Она смогла уловить в своих стихах гармонию, гармонию с миром, гармонию с собой. И что ни звук, и что ни слог, все есть как жемчуг, все как вечность, все как великая любовь. И нельзя сопротивляться могуществу гармонии внесенной в мир поэтом.

Но можно ли творчество Елены HEL.P назвать стихами? Можно ли назвать поэтом ее? Стиль Елены HEL.P., безусловно, нельзя назвать классическим стихом. Творческая манера Поповой необычайна и страшна. В своих произведениях она смогла отразить чувство загнанности в угол, подавленности...

“Двортерьер
сторожит
ветер в лохмотьях”.
(HEL.P)

...но, в то же время надежды

“Двигаться
навстречу
восходу
ловить утро”
(HEL.P)

Но почему - то это всепоглощающее чувство страсти никогда не покидает ее. Ничто не может заставить ее забыть о ней.

“Мука плеч:
губ и пальцев
икебана
снежный всхлип
закинь крючок
мучь меня
мне так теплее”
(HEL.P)

Она пишет о том, о чем другие боятся думать, она говорит так, как не сможет сказать ни кто. Но человек никогда не сможет понять ее полностью, ее стихи – это окно фуляра из которого ей не под силам выбраться, а может быть стихи – это ее футляр? Следует заметить о схожести поэзии Елены HEL.P. с японскими хокку на русский лад. Очень необычный и такой заманчивый. А может она своей экстраординарностью и привлекает? Привлекает, но только тех, кто проникнет в оболочку ее стихов. Но не многим это под силам. Елена Попова - поэт не для всех, она - поэт совсем другой эпохи. Способность совмещать ум с чувством, всего в двух – трех строчках - особенность творчества Поповой.

“Мокрые щеки
наших дорог
ждут”. (HEL.P)

Читая Попову, можно заметить два ее “я”: одно - контролирует ее сознание, а другое - в то же время совершает безотчетные душевные движения и поступки.

“Красная клеенка
на кухонном столе
а на ней рисунок:
птицы и цветы...

Ее разум просто осознает, да, есть клеенка, и что...

... все когда уснули
очень любопытно
пальцем повторять
его очертанья”
(HEL.P)

Но она – человек чувств, разум никогда не сможет победить эмоции. Вновь перед нами парадокс: человек, психолог по образованию, который должен быть жестким логиком, крайне сдержанным и спокойным, поддается ощущениям и антисознанию.

Поэзия молчания, стихи чуть заметного, неуловимого, пусть страшного и такого незнакомого, но такого важного и серьезного – это ее стихи.

“Все, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах”.
(А. Блок)

АННА МАКОГОН О «НЕПОСЛУШНОЙ МУЗЕ»

Самое странное то, что многие произведения не вызвали у меня никаких эмоций. Я просто

Не понимаю, что произошло со мной (наверно однообразие моего существования, а еще отсутствие понимания окружающих). Но сейчас не обо мне.

Я выделила всего троих кандидатов которые, что-то тронули в моей(пустой) душе.

Дмитрий Латаш своим стихотворением:

«Проза и поэзия слились в одно
В мире, где есть он, но нет ее,
В мире, где живут лишь его мечты,
В мире, где для «я» нет настоящего «ты».»

Моментально привлек мое внимание. Многогранные стихи (всегда привлекают) которые можно изучать в любом состоянии, в любом настроении. Над такими стихами можно размышлять бесконечно, находить каждый раз что-то новое. У Дмитрия в стихотворении «Рождение» происходит одушевление природы. Вроде природа вдыхает жизнь в людей, а здесь наоборот, человек оживил рассвет.

Екатерина Рабей в своей прозе «Перемена или три девочки из многих» показывает настоящие отношения московских девочек (заклоченных родителей), которые даже и не предполагают, что с друзьями можно делиться самыми сокровенными мыслями и желаниями. А почему эти девочки никогда не узнают этого? Потому что их мысли пронизаны отрицательным отношением друг к другу и каждая ищет выход для себя.

Наталья Мирза:

«Ты мои новые стихи, моя новая луна,»

Это стихотворение обнажает любовь Наталии к единственному человеку, которому она доверяет свои стихи. Поэтому этот человек становится воплощением ее стихов. Пусть она и говорит, что любит не его, а свои стихи, но мы то знаем, что стихи - это он...

АННА МАКОГОН - ЧИТАЯ «СОЛО С ПОМАРКАМИ Т. БЕК

Татьяна Бек так свободно говорит в стихах о своеобразном отношении к себе, например:

«По Риму шла карга
В чалме из целлофана,
Безумна и страшна (и я – ее сестра)».
В другом месте: «Отвернитесь от меня,
Потому что я плохая».

Но как же может поэтесса, т.е. человек со светлым высоким внутренним миром так мыслить? В отличие от других поэтесс, Татьяна Бек часто и в открытую скорбит о несбывшихся мечтах.

Татьяна Бек во многих стихах повествует нам о серости жизни, о том, что мы в тупике. И нам не выбраться, как и ей. Но Татьяна Бек стремилась жить в другой, возможно даже, реальности, но поняла, что она необходима здесь, как воздух. Что мы, живущие во мраке столетий с редкими проблесками света, нуждались в ней, как ребенок в матери.

Татьяна Бек показывает образ когда-то вольной королевы тигрицы, которую пленили. И вот она в зоопарке существует, но не живет. Лишь по ночам, глядя на звезды, тигрица представляет, что она дома – в джунглях, живет. Вот также и мы существуем, что-то делаем, но не живем. (А нам другое и не дано).

В книге присутствует линия любви, почти во всех стихах. Татьяна Бек часто ненавидела этот мир, смотрела на него сквозь промокшее окно, но она его еще и любила.

Была ли Татьяна Бек человеком, который стремился помочь нам выбраться из тупика? Возможно. И как только она начинала поиски, как кто-то ее останавливал. Но она снова и снова искала и... писала. Татьяна Бек нашла «спасение» – это ее творения. Сквозь них мы тоже себе ищем спасения, но уже сами, а не кто-то за нас.

ЮЛИЯ СУДАРЕВА ПОЭЗИЯ РЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ или просто частичка себя (О книге А. Черного «Отсебятина»)

*«Я предвкушаю: труд мой многотомный
Когда-нибудь внимательно прочтут,
И ваши полоумные потомки
Возненавидят вас и проклянут».*

На свете было много великих поэтов, но сейчас их нет, а есть их стихи и их востребованность. В России и в других странах мира очень любят и Пушкина, и Лермонтова, и Блока... и так можно очень долго перечислять, но все их стихи будут отражать эмоции людей того времени... серебряного или золотого века... неважно, а важно то, что оно прошло. Те чувства, которые испытывали поэты: будь то вечная любовь или нескончаемая злость - прошли, все изменилось и к нам это не вернется никогда. А что касается цитаты, то это Черный. Нет, не юмор - человек

А Черный описывает реальное время... Его время.. Мое время.. Время каждого из Вас.. Наше время.. Человек радуется каждому его моменту, но и грусть свою тоже изливает в стихах.. Возможно, чувства и остались, но язык, несомненно, стал другим...

И может быть именно поэтому, читая стихотворение реального времени и находя в нем частичку себя, очень приятно осознавать то, что кто-то (в данном случае это А. Черный) когда-то попадал в подобную ситуацию и разделял с тобой такие же чувства.. Иногда просто на душе становится хорошо от воспоминаний давно прошедшего времени. Но главным в его стихах для меня является тот самый кусочек меня. Эта частичка моей жизни - Петербург. И тот момент прощания, который Черный описывает в стихотворении «Бег» тоже очень мне знаком.

«Скорей, скорей, прелестная бегунья!
До отправления кратких пять минут.
Не отдышаться, не передохнуть
На Аничковой берегу нам.
Плацкартный «Петербург — Мои Пенаты»
Копытом бьёт, ярясь, и рвётся в бой.
Ещё каких-то пять минут с тобой
Нам быть. Небрежных слов десяток
Сквозь толщу, гуцу, чашу чада, гула
Проспекта. Мимо — провода, ГАИ.
Скорей, скорей свершай, моя бегунья,
Стремительные провода свои!»

Питер это город-сказка, город-мечта. Город, где сопоставляются несопоставимые вещи. Бывает, идешь по

улице, ветер, снег, глаза слезятся, мокрые капельки и на шарфе, и на курточке, а на лице почти незаметная, но такая счастливая улыбка, от этого еще больше щеки щиплет... Идешь а в голове, кроме бесконечной радости, только строчки из песни Бутусова: «Девушка по Пушкинской на Лиговский в обход, солнце пригревает, сердце девушки поет». Да, зимой иногда солнышка не хватает, особенно когда представляешь загорелых мальтийских девушек, ноги которых увязают в горячем песке, а не в мокром снегу, оставляющем на ботинках белые разводы. Невольно останавливаешь свои мысли и думаешь, какая может быть Мальта, когда я в Питере! Слезы еще больше капают... «Сердце девушки поет»... Питер - это город, где становятся реальностью нереальные сны. Один из таких снов для меня, это, конечно, это встреча с любимым человеком. Сначала мне снился Череповец (120 км от Вологды). Потом, Шексну стали называть Невой, испарился процветающий, но серый и пыльный завод СеверСталь... все пропало, остался только он, но стал дальше на 800 км. Встреча действительно стала сном, и ночью я вижу Петербург.

Питер - это маленькие серенькие улочки с ветхими зданиями в стиле барокко, штукатурка с которых так и норовит упасть тебе на голову, эти улочки перетекают в огромные проспекты со светящимися витринами с обилием яркой рекламы и практически беззвучным шумом блестящей красотишки - AUDI TT. Именно эти улочки-проспекты символизируют какую-то перспективу, развитие, но Петербург это так же город разводных мостов - недостижимых целей и вечных невезений.

Может многим это покажется очень странным, но и в наш стремительно развивающийся и насыщенный красками век я очень люблю, достав с самой верхней полки старые и пушистые от пыли альбомы, смотреть контрастные, черно-белые фотографии. Нет, я не хочу сказать, что Петербург черно-белый город, но контрастный это точно. Питер это страна противоречий и вездесущей гармонии. И для меня это город разлуки тоже.

«Летящая в толпе, как суховей,
Ты кажешься возлюбленной атлета.
Неужто опоздал? Обмен билетов?
Два чёрных уголька из-под бровей...
Остаться в Петербурге, к чёрту, к чёрту!
Какой мне нужен дом, когда она...
Бегунья, девственница, рождена
Для самого манящего из спортсменов.
Вагон. Успел. По-братски, в щёку, быстро.
Как будто искра, незаметный выстрел.
Окно вагона. Взмах руки.
Хотя немного, но уже мы далеки
И вот всё дальше, дальше, дальше...»

Как я уже говорила, ключевым моментом в стихотворении является момент прощания. Та минута вечных слез и разочарования... Стиль стихотворения очень близок к классическому, т. е. стихотворение звучит очень размеренно и, в принципе, очень плавно. Но в тексте встречаются «спломанные» слова и нет единой системы рифмовки, что создает впечатление движения и какой-то нервозности, напряженности момента... т. е. прощания.

Сказать «прощай» любимому человеку всегда очень тяжело, но в жизни есть и другие, более печальные ситуации. Расставаться можно на недели, месяцы, годы, а можно и на всю жизнь. Подобная ситуация «расставания» представлена нам в стихотворении «P.S.»

Комната. Ворох бумаг.
Человек с моим лицом.
Лампа. Ночь. Полутьма.
Читает письмо за письмом.
Конверт. Сбоку — разрез.
Другой, более старый конверт.
Помятый. Оторван угол.
«Милый мой, светлый, верь мне, верь.
Я люблю...» (далее обуглено).
Он почти не плачет.
По крайней мере, сегодня.
И не могло быть иначе:
прошло три года.

Здесь описывается трагедия, личная драма, драма несвершенной любви. Любовь не исполнилась, а ведь все было так близко, так рядом, и это еще больше усугубляет обратная перспектива, которая присутствует в стихотворении. В подобных ситуациях не принято искать виноватых, но автор пытается переложить все на письмо... и даже «пытался, дурак, сжечь, Зря: скигай, не скигай, Письмо, как и рукопись, вечно». По сути, письмо — это листок бумаги, но оно хранит людские чувства и память, которая, действительно, вечно.

Что касается ритмической организации стихотворения, то ее практически и нет, а есть поэтическая аритмия. Это несколько «ломает» стихотворение, но зато помогает автору выразить те чувства, печальные чувства, может хаотически расположенные в его голове, а может и в полном порядке, но они очень грустные...

Раз мы заговорили о лирике, то ярким ее представителем... представительницей... является «История, рассказанная с «Беломором» в зубах».

«У герлы на безднике
Челы зависали:
Водки всем по фаньму,
Пиво, бормотуха,
Три салата, красное,
Помидоры в банке.
Было чисто бьютифул.
Верить нет, чувиха?...
...
... Слушай, чё хотел сказать -
Дальше будет фишка:
Выхожу на лестницу,
Вынул сигарету,
У окна, смотрю, стоит
Жека, этот пункер.
Он подходит, говорит.
Посмотри в окно, мол:
Там, мол, звезды чистые
И ещё чего-то...
А! Ещё про фонари...

Чисто загружает.
 Я смотрю туда, в окно:
 А там - чисто звезды.
 Я ему и говорю,
 что, мол, понимаю:
 Чисто звезды и воще
 Красота такая...
 Ну а он как заревёт -
 Я аж испугался...
 Чисто заревел чувак...
 Понимаешь... вот ведь...»

Первое, что бросается и просто раздражает глаза, это самый настоящий жесткий молодежный сленг. Спросите причем здесь лирика? Да притом, что «Чисто звезды и воще Красота такая...». Вас не удовлетворяет этот ответ? Ну и ладно. Все равно это лирика. И у нашей грубой молодежи, как любят говорить бабушки, сидящие у подъезда и действительно знающие все и обо всех, есть чувства, есть сентиментальность, есть слезы. Все есть! Просто время не всегда позволяет это показывать!

А если говорить об ассоциациях, то вот мой сосед - точно такой же парень с сигаретой... А может и не сосед вовсе, т. к. дома он появляется крайне редко. Но если и происходит такой случай, то обязательно сопровождается громкой музыкой, пронзительным голосом его мамы и даже иногда скользящими по полу осколками чего-то хрупкого.

В общем, мой сосед, производит впечатление «плохого парня», но при случае с ним разговориться... оказывается, может понять возвышенные темы...

В стихах А. Черного я нашла свой маленький уголок... маленький, но свой, родной и единственный. Сожженное письмо, Петербург и молодежный сленг всегда будут со мной не только потому, что они нашли свой уголок в моем стареньком ежедневнике, но и потому что они зацепили меня, правда зацепили. Черный раскрыв мне крошечку моей жизни, а я подарю ему эту страничку. Это всего лишь страничка, но она пахнет крепким кофе, бессонной ночью и моими чувствами и эмоциями, которых не каждый человек может добиться...

ЮЛИИ СУДАРЕВОЙ ... В ОТВЕТ

Чувства и эмоции человеческие в наш век стали ценнее золота. Мы стали ленивцами и молчунами. Чувствуем, а молчим. За собой часто замечал: понравилось – напиши доброе слово, ан нет, лень!

Спасибо, дорогая Юлия за внимание и «бессонную ночь, пахнущую крепким кофе». Это единственное, что может принести поэту радость. У меня для вас нет сейчас с собой, ни кофе, ни ночи – есть рабочий компьютер, на котором я тайком от начальства пишу ответ.

Понимание чужих чувств всегда признак доброты души. Злому легче прикинуться непонимающим и осудить. Это я к тому, что вы первая, от кого я получил хоть какой-то

членораздельный отклик на «Историю с Беломором...» Вещь немного провокационная, но суть ее не в героях и их образе жизни, а в том, что чувства едины во всех своих выражениях: проще говоря, чуваки тоже плачут. Рад, что вам это близко и понятно.

Насчет «Бега» и прощания как ключевого момента, вы на мой взгляд, поспешили. Здесь вся мука и весь ключ к стиху как раз в **движении**, герой спешит на вокзал, он опаздывает домой, а с ним бежит и она, прелестная бегунья. Он бежит с ней рядом, но осознает эти секунды уже сейчас как побег от нее, последняя дистанция вместе. Конечно, без Питера, без его энергетики не было бы этих стихов. Я вообще не люблю выражения «лирический герой» - его придумали литературоведы, чтобы отгородить автора от упреков в адрес его героя. Если говорить обо мне, а не о герое, то этот бег был воистину сумасшедшим: за 10 минут от Дворцовой площади до Ярославского вокзала, через весь Невский.

Насчет города-сказки ничего не буду писать, лучше стихами:

П Е Т Е Р Б У Р Г

Безбрежное каменное море,
 словно оспою, испещрённое
 островами каналов и рек,
 прудов, озёр и мельчайших луж
 под ногами прохожих.

Нева –

величественный полуостров
 Балтийского континента –
 врезается глубоко
 в этот гранитный океан
 своим сильным водяным телом.

На дне, среди железных водорослей:
 фонарей, столбов, проводов –
 спешат куда-то утопленники,
 с головою в город погружённые
 жертвы гранитного моря.

Я плыву серебристою рыбой,
 загребая плавниками камень,
 по тебе,
 громадный и таинственный,
 как потерянная Атлантида,
 Петербург моего сердца.

27 марта 2002 г.

Так что на этом и все. Вот вам еще одна моя, как вы изволили выразиться, частичка себя.

Антон Черный 13 апреля 2005 г.

ЕКАТЕРИНА ТУШКОВА (СЫКТЫВКАР) ГОРЯЩИЙ БУРАТИНО (о «Свече» № 8/2003)

Проблема номер один для всей пишущей братии российского захолустья – печать собственного творчества. Пусть опубликуют хоть в местной газете, лучше бы – в районном альманахе, хочется – в центральной литературной печати, а «должно быть» – своим единоличным тиражом.

Но не родились еще новорусские меценаты с поэтическими душами, и под норковыми шубами дам и норковыми же полушубками месье все что угодно кроме сострадания к бедному малоиздаваемому поэту. Поэтому и свечи творчества зажигаются у нас не в золотых канделябрах, а в самодельных подсвечниках, простых, белых, бумажных.

Шершавая бумажная обложка знаменитой вологодской «Свечи» Галины Щекиной меня, молодого автора, покорила. «Ну надо же, как мы себя ценим!» – скажете вы. А я ценю. И так – особенно! – ценят себя как раз таки начинающие, не уверенные в себе литераторы. О, как им, нигде не засвеченным, необходим мерцающий, немного пафосный свет литературных гостиных! Свет тех самых «Свечей», под красивой обложкой которых будет среди десятка ярких знаменитостей одно малоизвестное, но весьма знаменосное (конечно, для самого знаменосца) имя. А под ним – строчки, скрепленные неслыханными (?) доселе рифмами.

«А какая должна быть обложка у самодельной книги, если не бумажная? Пластиковая? Суперплянц изволите?» – спросит обиженно издатель, вступившись за свой труд. О, самоотверженный издатель! Не к тебе мой упрек. Твоя обложка идеальна, поскольку сама уже – символ современного литературного процесса, в котором царит тьма и сырость под типографскими переплетами облаканных судьбой графоманов, а гламя истинно творческого сердца не может найти себе иного дома, нежели самая простая бумага, скрепленная рукой друга-поэта (главное, чтобы под рукой друга был какой-нибудь захудалый компьютер, принтер и папка халявной бумаги).

Внимание! Я отвлекусь сейчас от темы, поскольку мне бы хотелось уточнить свой статус, чтобы у читателей не возникало сомнений, что я – лицо совершенно стороннее того самого процесса, и посему любопытствующее и любопытное. Я хоть и поэт, но самопровозглашенный, к вологодской пишущей братии особого отношения не имею, да и своих, сыктывкарских, молодых Пушкиных и Тредиаковских обхожу стороной. Уж больно у них все накалено. Спичка – и горит. Вернее, загорится душа: брошу дом, семью, ребенка, пойду кутить направо с молодыми поэтами и поэтессами. ...

Но больше дня не выдержим мы все, молодые, горячие, сублимировавшие свое либидо на бумажный носитель. ... После бурной ночной утехы мы разбежимся кто куда: негде у нас, в Сыктывкаре, кутить молодым поэтам. Не собирают нас, не учат, не лелеют в домах поэтической терпимости, да и вообще не пускают на порог бывших литературных борделей а-ля «Союз писателей бывшей республики бывшего СССР», в свое время облакавших и возведших в

ранг «местного Пушкина» не одного, а целый выводок творческих импотентов. Поэтому одного дня есенинской забубунщины в стиле «бомж от литературы» мне крайне мало: разрушенная семья дороже стоит. Посему предпочитаю словесным оргиям в безродных клубах «По интересам» одинокие манипуляции с листом бумаги, не всегда удачную самороботу над словом. Называйте это творческим самоудовлетворением. Ох, и пусть меня пинают нехорошими словами, замахнусь сейчас на целую толпу.

Да! Все мы, молодые и не принятые так страстно желаемой аудиторией, – всего лишь несчастные словоблуды. Этакие папы и мамы Карло, томящиеся без музыки или без музыка, остервенело строгоющие неказистую деревяшку в бедной одинокой мастерской. Нам и самим нужен букварь с картинками, чтобы передать нормальными, понятными и вместе с тем новыми словами огненный язык собственной души. А иначе в печь ее, эту же деревяшку, и пусть не вылазит, не позорит перед умными людьми косноязычной рифмой!

Но букварь с картинкой дорого стоит. А как хочется в него попасть однажды! И пусть это будет свой букварь, с цветными картинками, желательно, какого-нибудь известного художника. ...

«Свеча» Галины Щекиной, конечно, не цветная. Но вполне букварь. И мои свежеструганные Буратины, заглянув под шершавую обложку с невнятной картинкой, неожиданно для себя разом стали глаже, поскольку после стихов Любови Новиковой «Успокоилось сердце – ни больно, ни страшно», Ирины Гореловой «Холодам и метелям отходит срок», Наты Сужковой (вся подборка), в общем-то, захотелось запалить огонек поярче и жець собственные корявые строчки всю ночь, пока не просветлеет в голове. Но есть, конечно, в «букваре» иллюстрации непристойного характера, как и во всех книгах, замахнувшихся вместить дух эпохи. К таковым я бы причислила смысловые галлюцинации врача-психиатра Елены Поповой и немодный кич Эвелины Ракитской.

Первая явно замахивается на жанр, который очень далек от ее мировосприятия, тщетно пытаясь вместить в три-четыре «японизированные» строчки:

А) вагон бредовых словосмыслов, например «розовое тощее светило» (и как только наше солнце не обзывали, теперь оно «розовое тощее»: уж лучше бы толстое голубое в красных колготках, в угоду гомофобам)

Б) мусорную корзину неточных сравнений «смотреть сквозь расщелину слов, видеть глаза твоей души» (если и смотреть сквозь «расщелину» то строк, а между словами пробелы).

Да, и по поводу расщелины: «медовый секс, пьянящие губы», «губ и пальцев икебана», «закинь крючок»... Для женщины, психиатра и лауреата литературного конкурса слишком просторечные конструкции.

А вот Эвелина Ракитская, недолго думая, пошла на медведя с рогатиной, когда давно изобрели винтовки с лазерным прицелом. В связи с давностью написанных строчек предполагаю, что тогда, лет двадцать назад, это было модно: ненавидеть классическую литературу, пересказывать на свой лад всем известные сказки и примерять на себя шкуру убитого поэта. Хотя, конец у сказки вполне оригинальный, да и неизвестная мне Эвелина Ракитская больно смахивает по технике стиха и тематике на

пару-тройку вполне оригинальных поэтов постмодернистской эпохи. Просто неглубоко это: «О русская поэзия, ты – бред». Ну неужели не скучно взрослому человеку копать вспаханное поле детской лопаткой? Ведь первая строчка – явный выстрел из рогатки по динозавру, потому что ни слова в подтверждение или опровержение мощного посыла не последует, сколько не вчитывайся. Кажется, и все стихотворение было приписано к этой строчке, подшито торопливыми стежками.

Впрочем, и про «общую водку-кровь» (мне как раз понравился этот образ) писать впору мужчине: не гоже интеллигентной даме, певчей птичке, брататься с бомжом, этим Маугли каменных джунглей, и говорить «Мы с тобой одной крови, ты и я». Хотя, повторяюсь, я не знаю, кто такая Эвелина Ракитская.

И, наконец, о Буратинах. Вот на них-то как раз и держится пламя «Свечи» и всех подобных сборников, спасибо вам, мои коллеги по плотницкому ремеслу! Оговорившись в начале, что не имею к истинной литературе никакого отношения и сама (гляжу для пущей уверенности в зеркало) – есть абсолютный папа Карло, причисляю к лику ударников бездарного труда опубликованных в «Свече» товарищей по списку: Валерий Архипов, Виктор Кичкарев Сергей Фаустов, Владимир Высотин, Денис Романенко.

Все мужчины. И все с лысым венчиком вместо роз спешат на свидание к Ней, радостно демонстрируя в глазок заветной двери крупное «Изделие №2» вместо обручального кольца. Конечно, Она их не пустит дальше «Свечи», а строчки, насех накрапанные в угоду ей в перерыве между первой и второй кружкой пива, сожжет возмущенным взглядом. «О ней» так не пишут!

То ли ироничная Галина Щекина решила высечь мальчиков на глазах у девочек в преддверии дня Восьмого марта, сделав феминистичным поэтессам своеобразный подарок («Последний любовник» Сергея Фаустова определенно в духе садомазо), то ли просто не хватало «штанов» и даже «Хоп ла-ла-лей» Виктора Кичкарева, обращенное к «тинейджерке» сошло за мужественное проявление... Да, подумалось мне, это определенно пародия на Нату Сучкову («Она»). Незамысловатая, негаданная пародия, совершенно случайный Буратино, который своим сучковатым носом угодил в Сучкову!

А вот Валерий Архипов, внимательно глядящий в предполагаемую женскую душу с картины кисти некоего художника, вообще оказался во всем этом списке практически случайно. Он правда хорош, и многомЭтровость его стиха, как бы нечитаемая с первого раза, но понимаемая потом, отделяет его от прочих стихотворцев-плотников с рубанком вместо пера. Если бы не «А когда ты пришла на рассвете» и «№5». Слово «быдло» в первом стихе не вяжется с нежно-трогательным отношением к женщине как к ребенку, свойственным лирике Архипова. Да и Пушкин, хохочущий со стены – это деталь интерьера или подбитая кривым гвоздем строчка? Я не видела ни одного портрета хохочущего Пушкина. Может, над местом сражения «Алой и Белой Розы» висела разрисованная репродукция из школьного учебника литературы? Хотелось бы уточнить, по просьбам читателей, оболваненных глобальным словесным фэст-фудом.

Денис Романенко... Ах, да, еще про «№5» забыла сказать: «я обожал ее, как мог и поливал елеем». Мало мог литературный герой г-на Архипова, впрочем, как и сам автор незатейливых метафор, если кроме елея нечем было поливать, возраст, видимо: «Ленивый муж, своею старой лейкой...» (А.С. Пушкин, «Гаврилиада», о плотнике Иосифе).

Так вот, Денис Романенко, на фото в женской кепочке а-ля Гаврош с первого же моего взгляда не прошел фэйс-контроль и был оштрафован. Ну зачем рядиться в женские платья и белье, чтобы обладать женщиной, чтобы быть ей? Ну хорошо, «Объект моего внимания» – это бытописательная повесть в рифмах от лица девочки (о боже, Набоков, наверное, в гробу перевернулся от обилия нимфеточных посылов в стихах вологодских авторов). Там про мальчика, про родителей, про школу, про ячницу... А где про прыщички, которые выводят «Клерасилом»? Вот Владимир Высотин про «Дав» написал, для своего контингента – кому за 30. И объединила бы два поколения ода про гормональные контрацептивы и женские гигиенические средства... если бы не стихотворение про дом «Ты удивляешься: «Зачем я прозябаю...».

Посоветовала бы Денису Романенко сходить к психиатру, к тому же, далеко ходить не надо: «Свеча» №8/2003, стр. 83. Но за «Дом» я бы, будь я Она, о которой все мужские песни в данном журнале, может, и глянула бы еще раз в глазок в спину уходящего мужчины: может, пустить, так, погреться...

Буратиновость прочих стихотворений в «Свече» кажется мне малоинтересной, потому что не вызвала у меня, как у папымамы Карло родственных чувств. Не цепанули корявые, или наоборот, источенные банальностью строчки, даже не прыгнуло в душе злорадное: вот, кто-то же пишет хуже меня...

Галина Щекина, конечно, ко всем Буратиным и их родителям относится со снисходительностью опытной воспитательницы из детского сада, в группу к которой приводят совершенно разных детей, но все они становятся ей почти как свои. Галина Щекина – добрая воспитательница. Вот и своих Буратин я опять помещаю в ее дошкольное учреждение, точнее, во вполне школьное, со своей методикой и репутацией порядочного учреждения сферы народного просвещения. «Свеча» – сама суть просвещение, потому что упрямо теплиться на сквозном ветру жестокой бытовой прозы и каждый, глядя на нее, удивляется, что эта кучка умалишенных, строгающих Буратин, когда надо рубить капусту, так упрямо рифмует о свете, о любви, о том, что вообще скоро будет называться совсем другими словами, и, наверное, как все ходовое, снабдится ярлыком «Сделано в Китае»...

Я говорю спасибо Галине Щекиной, пожимаю мозолистые руки коллег-плотников и кладу «Свечу» на полку, среди других «сборников для дворников», как называют у нас в Сыктывкаре такие книжки ироничные к другим людям. В тех сборниках тоже мои стихи, мои и не мои Буратины. И я не спешу их сжечь, сожалея о том, что они – топорной работы. Бумага ведь то же самое дерево, и если найдется к подходящий инструмент такое кружево из слов заплетет... Хоть вологодское, хоть свое.

ЕЛЕНА ДАН (Череповец) О СВЕЧЕ № 9

Не могла не удержаться, чтобы не написать о том, что все это время, как я приехала в Череповец, читаю «Свечу». До работы мне ехать 40 минут и если находится свободное время, то я читаю, но и не только в автобусах. Большое спасибо за то, что есть такой журнал. И даже ничего, что он такой толстый (это даже здорово), и картинок нет, зато интересно, и чувствуешь себя в гуще событий.

Понравилась Ольга Донец, застыла над последними строчками, когда героиня выясняет, что девочка-то слепая, что часто с жиру бесимся и не замечаем, что кто-то обижен судьбой, но не сетует. Мне показалось, что это автобиографичное произведение. При чтении Татьяны Корзиной «Алхелая» вспоминался фильм «Ночной дозор», но мне очень понравилось, мистическая и загадочная вещь, словно предание, легенда. Передай ей, пожалуйста, большое спасибо. Некоторые произведения не произвели позитивного впечатления, но это нормально.. «Еду в лифте» Тубольцева сначала заворожило, когда говорилось про лестницы, но потом стало скучно и тоскливо от того, что замысла я не увидела никакого.

Сложилось впечатление после «Свечи», что все мы находимся в едином пространстве и, по большому счету, нет разницы, где ты живешь – В Питере, Вологде, Череповце или в далекой Австрии. Всех нас, наверное, объединяет общий менталитет и творчество, и боль от всего этого, от того живешь, и как только ОСОЗНАЕШЬ это, так становится страшно, когда видишь, как жизнь, словно горячий белый песок, течет сквозь сомкнутые пальцы и ты понимаешь, что с каждой секундой его становится все меньше ми меньше, и тебе, вроде бы и не жалко его, ведь это – всего-лишь песок, но, с другой стороны, ты знаешь тайну, что это- Твоя жизнь. И ты уже ничего не можешь с этим поделать и чем больше ты в этом копаешься, тем тревожнее тебе становится.

Роман Культура готовит к выпуску второй сборник рассказов «Покаяние», принес мне, чтобы иллюстрации сделала. Я сделаю, но вопрос, когда, т.к. у меня уже очередь, кому что обещала и всего один-единственный выходной, а так ухожу из дома в 8, возвращаюсь в 20-30. Но это не страшно. Он просил спросить, можно ли ему устроить творческий вечер в Вологде, как Ржанникова, он готов приехать и подготовить интересную программу, например, в мае, на тех же условиях. Таня Ржанникова работает над новой книгой.

В этом году я поняла, что многие люди, которых я считала друзьями, всего лишь приятели,

а близких друзей вокруг остается все меньше и меньше. Глянь, а и поговорить не с кем. Мало кому можно все сказать о своих идеях, МЕЧТАХ, СТРАХАХ, И ТЕБЯ ПОЙМУТ, НЕ ОСУДЯТ. Я знаю, что ему это нужно. Если да, то можно договариваться на любой выходной день в мае, но чтоб народ пришел.

Записалась на пленерную поездку в Великий Устюг с Союзом художников в июле, денег надо будет подкопить, я там ни разу не была, и мне очень хочется. По большому счету, меня не привлекают далекие страны и города, я бы всю Вологодскую область объездила вдоль и поперек, и я сделаю это. Мне очень нравится не внешнее впечатление от жизни, а восприятие изнутри.

Розовый закат. Уходящее солнце.

Приезжаешь в маленький городок, ходишь по чужим улицам, постепенно знакомишься с людьми, заводишь знакомых и приятелей, ассимилируешься со средой. Кто-то к тебе начинает привязываться, испытывать дружеские чувства, а ты, когда начинаешь себя ощущать родным в маленьком городке, собираешь в кучу остатки масляных красок, избавляешься от мусора, который скопился, прибираешь свою комнату, сдаешь ключи, и вот уже поезд несет тебя в завтрашний день, и нет уже ни ностальгии, ни сожаления, и ты даже не знаешь, вернешься ли в этот городок. Кто-то пытается поддерживать с тобой отношения, звонит. Посылает СМС-ки, объясняется в любви, а ты недоумеваешь, для тебя это уже ПРОШЛОЕ. Ты каждый раз удивляешься, обнаружив чьи-то теплые поздравления с праздником, тебе вечно некогда ответить, тебя вечно окружают неотложные дела. А по вечерам ты нередко тихонечко плачешь, потому что тебе становится одиноко.

Вот пишу и понимаю, что слова не передают очень многого, хочется где-то поменять шрифт, вставить картинки и другое, сделать текст объемным.

Весна потерялась где-то в лесах, ее локоны зацепились среди оголенных деревьев. Но она уже скоро, со своими подснежниками и солнечными зайчиками.

7 апреля 2006

ЕЛЕНА РАЗГОНОВА - «ДЕТИ ИЗ БЕЗДНЫ» (отзыв на фильм Павла Чухрая)

Этот документальный фильм - о страшной трагедии, которая случилась с евреями в годы Великой Отечественной войны. Рассказывают чудом уцелевшие в те годы дети, их рассказы потрясают своей жестокой правдой. Доживших до наших дней единицы. Они делятся воспоминаниями о своем счастливом детстве, когда они жили все рядом - жестянщики и врачи, портные и музыканты. Дети играли вместе.

Началась война. Это было всеобщее горе. На фоне светлого и радостного детства ужасно было смотреть на бесконечные колонны немецких солдат, армады танковых войск и небо, закрытое немецкими самолетами. Взрывы бомб, тысячи гибнущих людей...

Оказавшиеся в плену на оккупированных территориях евреи по приказу Гитлера подлежали уничтожению. Сердце сжимается от безысходности, от невозможности помочь, когда красивым утром сентября как струйки стекались еврейские семьи, выполняя гитлеровский приказ. Они шли и вели детей. А вели колоннами как Бабьему Яру, глубокому, как горное ущелье...

Жутко смотреть на тысячи тел расстрелянных невинных людей, на детские глаза, смотрящие в небо.

Кричит в душе вопрос: «За что?» За что в Киеве из 15 000 евреев к январю 1942 года осталось только двадцать человек - семь мужчин и тринадцать женщин?..

Рассказывая о страшном уничтожении евреев - а их было уничтожено в годы войны около шести миллионов - режиссер показывает не только как их убивали, загоняли в гетто, сжигали... Он показывает и роль предателей-полицаяв, которые повязаны с немцами кровью невинно убитых.

Еще автор рассказывает о мести уцелевших, создавших партизанские отряды.

«Первая жертва ни когда не бывает последней», - говорит автор.

А если нет врага, его нужно придумать, чтобы прикрыть свои злодеяния.

Путь ненависти ведет в бездну, в тупик...

В любой трагедии всегда три участника: палач, жертва, свидетель.

Фильм Чухрая направлен на то, чтобы равнодушных людей не было. Равнодушие приведет в новому Холокосту.

Нужно знать прошлое, чтобы увидеть будущее. Фильм оставляет неизгладимое впечатление. Но вот кончилась лента, а на сердце боль и слезы текут ручьями по щекам. Внутри все онемело. Но я знаю, это нужно было увидеть своими глазами, чтобы понять всю трагедию случившегося.

МАЛЬЧИШКА- ВОИН (о М. Сопине)

Стихи Михаила Сопина - это его биография, его судьба.

Они потрясают своей правдой, заставляют переживать вместе с поэтом.

«Опневая страна моей юности,

Ты во мне насовсем, навсегда.

Ослепленный тобой и контуженный

Не в свои завернул я года...»

Я - двенадцатилетняя дочь мирных дней, стараюсь представить его - сына войны. Войны страшной, безжалостной. Ему было всего десять лет, когда началась война. Ровесник Михаил Сопин вспоминает о своем довоенном детстве: «Какой я счастливый! / Цветет и шумит / То, что будет Войной сожжено...»

Он вспоминает деревню, детские игры, восходы солнца и закаты, когда мужики собирались и пели до стыни в груди: «Про зозулю-кукушку. Что летела Над отчею хатой... Как лихих запорожцев Атаман Дорошенко водил... Жизнь была еще вечностью Сердце не знало тоски...»

Автор старается вспомнить нежность и ласку и то, как был любим, проходя по земле детства. И над его памятью словно ясное, теплое солнце встает. Позднее он напишет:

«Неповторимое детство. Этот мгновенный пролог, Знаю, как долго мне греться Памятью этих дорог».

А память тянет его все дальше и дальше. Тревога входит в его стихи: «Разбегались стада / Табуны торопились по просу. Начинаясь война / Очет иной / Открывала судьба...»

Разве что-то можно добавить к его стихам? В них все - и тоска по мирным дням, и ожидание страшного, и ужас от первой произошедшей на его глазах смерти. Он запомнит дождь сорок первого года, где низкое небо, ночь, непокой, неуют и кажется ему, что «в вымокшее поле глаз кося, / Да и мне в колдобинах не падать, / В сапогах солдатских грязь меся».

Он жил и страдал, как все, оставшиеся в живых. Голод, холод. Он видит и расправы немцев, и ползущие немецкие танки, и летящие их самолеты с крестами.

«Когда, казалось, сокрушен / Несокрушимый дух России - / Я припадал к земле душой

И болью вечно негасимой».

Дети военного лихолетья, они «Подрывались/
Пропадали, /Стыли, /Многих ветер в поле оттевал/
Даже до жестокости /Простые, /Жизни той / Не выразят слова».

Мальчишки слышат уже крутом немецкую речь: «Он слышит / В зареве костра / Гортанные чужие речи, / Что миром будет / Править страх / Сердца и души искалечив». Воочию видит их сытых и довольных. «И сразу вижу их /Идет со шмайсером папан

Их шиссен - не живи!»

«А я живу. Назло врагу!» Отчаянье, ненависть к захватчикам толкают его к действию.

Но приходит время, и немцы начинают отступать. Они звереют. Расправы жестоки «И вечностью было до третьих дожить кочетов...»

Оставшиеся в живых мальчишки, спешат навстречу освободителям. Сироты войны, они пристраивались к нашим частям. Их кормили из солдатского котелка, учили стрелять. Он четко помнит: «...Слепой, истощный крик в овсе / Шли танки стрех сторон / Давили, били, рвали всех.../Без всяких похорон».

Михаил вместе с частями армии Москаленко стал воевать. Ребенок-воин. Помогает раненым, носит воду, помогает войскам в своих родных местах выходить из окружения. Воспоминания, воспоминания...

«И усталость невмочь.

Нет привала живым,

Все с боями идем.

Непролазная грязь

И тревожная ночь.

И солдатскую грусть

Размывает дождем.

Польхает вдали.

Каноада вокруг.

По патрону на брата...

Без гранат нелепо,

Но пробиться должны-

Говорит политрук, -

В батальоне еще

Девяносто штыков...

Пересохла гортань,

И секунда - как жизнь».

Так живо, образно, что я почти отчетливо вижу и утомленные лица солдат, и желтую, мутную воду ручья, и невольно сопереживаю и иду вместе с ними по страшным дорогам войны. Бои. Бои. Но появляются новые нотки в стихах поэта - надежда!

«Идут бои - не первых дней.../ Но убывает / Земля под нечистью. / (другого слова нет!) / За каждый шаг, / За дюйм к Победе убивают. Идем вперед, И на войне - Как на войне».

Где солдат и письма родным пишет, и писем ждет, и забывается коротким сном. Там и друзья у Михаила Солина самые близкие, как братья. Поэт вспоминает и падающую в землю крестом колокольню, и крестокрылые армады фашистских самолетов, несущих смерть.

Мальчишка широко распахнутыми глазами видит пибель людей, пожарища, красные от крови травы и красную в речке воду. Полибают в бомбежке его

пятилетние братья Иван и Анатолий. Помнит, как он с мамой убегает по полю от ревуших в небе бомбардировщиков. Крутом огонь, дым. Догорают избы. Убитых не успевают хоронить... «Мне шел одиннадцатый год/ И не моя вина, / Что не дошел он, Что его / Оборвала война...»

Ребенок видит горькие солдатские усмешки отступающих солдат, ведущих бои и на бегу редущие воинские части. «Сорок первый. Большак. Черной точкой висит Истребитель. Мы стоим и молчим / И идут мимо нас / Утомленно бойцы / По разбитой, / Перепаханной Рвами и взрывами Брянской земле...»

Дети войны. Они выросли не по годам. Отчаянный мальчишка, потерявший близких, оставшийся только с бабушкой, на оккупированной фашистами территории, он проводил, только ему знакомыми тропками, отступающих через линию фронта солдат. Юркий и смелый, голодный и оборванный, он делал это сначала по наущению бабушки, а позже и сам.

«И о смерти думалось легче / После первого шага вперед / За потери, За первые беды

Мы схватимся В сотнях боев».

Ему нет еще и четырнадцати лет. Вера в жизнь, понимание необходимости борьбы с

фашистской нечистью помогают вынести все тягости военного лихолетья.

Он не просто ждет Победы. Мальчишка воюет. Он приближает ее. И Николай Майоров о таких мальчишках - солдатах напишет.

«Пусть помнят те, которых мы не знаем

Нам страх и подлость были не клицу

Мы пили жизнь до дна и умирали

За эту жизнь. Не кланялись свинцу».

И я хочу видеть его - мальчишку в то долгожданное утро Победы таким счастливым. Его душа, тосковавшая по тишине и ласке, смеялась и рыдала.

«И тишиною потрясен,

Солдат, открывший миру двери

Не верит в день, в который он

Четыре долгих года верил...»

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ (Вологда)

«МАДМУАЗЕЛЬ»

Я – мужчина средней поношенности, не лишенный способности видеть мир в розовом цвете, не смотря на битую-перебитую проруху-судьбу, но вот не знаю, как профукал я свою жизнь, приключился со мной такой случай.

Шел я по улице, как всегда, без дела и без правил, шел, грустил и вдруг вижу девчонка голубей в парке кормит недоеденной булкой, а я с авоськой, в которой груша недогрызенная, да бутылка перцовки, знакомый чувак из богатых подарил, где-то вместе общались, а где, не помню.

Ну, да ладно, жизнь штука долгая. Ан нет, не долгая уже. Еще недавно василек-васильком, а счас чудище огородное, по ветру шатает, и фамилия-то – Шатило, кому говорю все лыбятся, думают кликуха.

Ну вот. Как увидал я девчонку эту, так забрало меня, прямо тоска! Подошел, смотрю и давай кругами ходить, а она хоть молодая, а сразу просекла что к чему и говорит, спрашивает: «Чего тебе, дядя?», и улыбается и глазенки строит. Эге, думаю, нельзя так на мужиков-то смотреть. То ли глупая, а то ли уж с умыслом, поди разбери их, молодых да ранних, насмотрятся порносайтов и пойдет ихний бабий грипп по всей Рассеюшке аж до Чукотки!

Осенило меня, думаю: ну кормит она голубей своих, пусть кормит, вдруг не сразу уйдет, а парикмахерская-то в двух шагах, пойду побреюся, на морде-то щетина двухнедельная, рожа подзаплывшая, но форс еще держит. Последний полтинник в кармашке своем отыскал и в стригальню, а там Люська.

- Ты чего? – спрашивает.

Я говорю: «Сколько лет, сколько зим! Откуда ты-то здесь взялась. Я уж думал ты в Америке.

Чего! На фук мне ваша Америка. Мне и здесь хорошо.

А я глаза прищурил и говорю: «На фук, не на фук, а хотела, с этим, в клетчатом пальто, у которого голова на боку».

Она губы бантиком и укоризненно так говорит: «Гражданин, попрошу стричься, за вами уже очередь»

Я ей любовно так отвечаю: «На пострижку денег нет, а морду побрей».

- А чего дома-то?

- Брей, говорю.

Вдруг Люська занавеску отдергивает, в окошко заглядывает и говорит: «Ага, Шатило у нас всегда на малолеток был слаб. Ну смотри, а то время сейчас строгое. И заурчала – «По тундре, по железной дороге».

Народ в очереди затрепыхался, наверно решил, что видит перед собой «вора в законе», а я то, а я то уж сам не знаю – кто я?

Выбежал я из парикмахерской сам не свой, а она уже голубей не кормит, а сидит на скамеечке, в книгу уткнулась, уж не знаю читает ли, или ждет кого, а может и меня. Подошел я и говорю: «Пардон, мамзель» А она мне «Надоели вы мне со своими пардонами, сил нет, говори по-русски, и так словно цыркунула сквозь зубки – дядя!

Ну дядя, так дядя. Пускай я ей дядей буду. Стукнул по карману, пошарил по другому, вспомнил, конечно же денег нет, ни шоколадки девке, ни мороженого, а она мне: «Чего мнешься, мороженого я себе сама куплю. Курить хочешь?

Ох как курить охота, подумал я, но стерпел.

- А вы, что – говорю – курите, мадмуазель?

Так для ваших щечек это очень даже вредно.

Она на меня посмотрела пристально и опять улыбнулась, а уж улыбка у нее – флаг корабля!

Купила она себе мороженого, выкурили мы с ней по сигаретке. Хорошо стало. И пошел я ее провожать. Двухэтажный деревянный дом, внизу обгорелый, лестница на второй этаж скрипучая. Входим мы. Она еще раз пристально посмотрела на меня и говорит: «Посиди, дядя. Сейчас супу разогрею».

Господи, думаю, как суп-то есть. Она как увидит, так подумает, что я неделю не жвавши, ну ничего, стерпел.

Сидим мы, суп хлебаем, а я и говорю: «Ну что, мадмуазель, учишься-то как?» А она улыбается своей волшебной улыбкой и отвечает: «На одни пятерки я учусь, дядя. Можешь посмотреть», и приподнимается так, как будто хочет дневник показать, а я ее ручку своей лопатой так и накрыл. Она мне говорит: «Пусти, больно, не убегу». А потом резко вскочила и к двери, а там и вправду шаги.

- Мамка моя из поездки вернулась!

В квартиру входит пропитуха средних лет и кривым голосом говорит: «Кто это у нас в теремочке живет? – и сама же отвечает – я мышка норушка! Я не растерялся и говорю: «А я комар-пискун!»

Тут школьница засмеялась, мамку свою, проводницу бросилась обнимать.

Матушка харчи из сумки достает: вижу, всякие деликатесы: сальцы, зельцы, буженины. А она: «Мужчин кормит надо хорошо, давай дочка...

Думаю, что за черт. Чужой мужик с дочкой сидит, она и не спрашивает, как так и надо. Чудеса. Вот нагуляюсь как в сказке.

А мамаша так важно и заявляет: «Не знала я, что вы мил человек будете. Бутылочки и не купила.

А я: «Мое почтение, говорю. Бутылочка у меня есть», - и достаю дареную перцовку.

Матушка сразу оценила и говорит: «Моряк!»

Я удивился: «Отчего это, моряк?»

- У моряков, - говорит мать - всегда выпить есть.

Потом вскрикнула: «За знакомство!» Выпили по первой, любовь моя - школьница не отстает, глазом не моргнула.

Матушка говорит: «Второй тост у нас с доченькой завсегда один и тот же».

Я испугался ее зловещего шепота и говорю: «Какой?»

- За тех, кто в море!

Хлопнула мама стопку и заплакала.

Мадмуазель моя говорит: «Батю вспомнила, моряка».

Потом песни пели. Потом мадмуазель ушла в другую комнату, а осоловевшая матушка, схватив меня за рукав, сказала: «Ты приходи, всегда приходи с бутылочкой и дочку мою люби. Мы ведь без мужика живем, опоры-то нет, да и ханыги всякие пристают, бичи. А то и будет она у меня как я, безмужняя.

Я вздрогнул и говорю: «Да ты сама-то?»

- Я уже все отгуляла, отбегала. Мне ничего не надо.

Я подумал, получается, что она дочку свою как бы и продает. Хмель вышел. Глазами по стенам провел и вздрогнул. Стоит моя ненаглядная в дверном проеме, улыбается. Глаза жгучие, большие, как море морское. Эх!

Понял я, что пора уходить. Встал тяжело, с неохотой, карамельку несжеванную под стол выкинул. Вышел. Прошел по скрипучей лестнице во двор, обернуться боюсь. И тут меня как обухом по голове - даже имени ее не спросил: сказочник, дурак, ловелас, пьянь, курилка! И вдруг моя ненаглядная из форточки мне кричит: «А звать-то меня Лена! Ты приходи к нам еще, дядя!»

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ ТЕЛЕФОННАЯ СЮИТА

У меня зазвонил телефон. Звонить мне было некому, и телефон покрылся толстым слоем пыли. Я вяло, двумя пальцами приподнял взьерошенную нечаянно трубку и решил: «Ну что ж, поалекаем немножко».

-Алле.

Раздается голос - женский, молодой, вкрадчивый.

-Это телефон доверия?

-Нет, квартира.

-Помогите мне.

-Что случилось?

-Мне плохо. Я хочу умереть.

-Послушайте, кто вам дал этот номер?

-Паша Виноградов.

-Ах, да. Маленький, длинный.

-Нет, короткий, высокий.

-Что за чушь. Не знаю я никакого Пашу!

-Он трансвестит.

-Свистит что?

-Ну, это порода такая.

-Что, что?

-Я не знаю.

-Не знаете, а говорите!

Девушка в трубке заплакала.

-Не плачьте.

-Мне страшно.

-Ну что вы. Не бойтесь, мир так прекрасен.

Что вас так беспокоит?

-Война в Ираке.

-Люди гибнут везде!

-Вы...женаты?

-Ах, вот в чем дело! Кто дал вам номер? Синявин?

-Кто это?!

-Это я вас спрашиваю - кто?

-Не кричите. Я позвонила просто. Раз и готово.

Кажется, попала в цель.

-В смысле?

-Вы меня заинтриговали.

-Чем же?

-Тем, что разговариваете со мной.

-Кто же откажется поговорить с симпатичной девушкой?

-С чего вы взяли? Может я вовсе не симпатичная

-Ну конечно. Рассказывай.

-И не девушка.

-Очень остроумно.

-Ну, дама средних лет.

-Не верю. Ты наверно еще в школу ходишь.

-Это я-то?! Нет, я давно бросила. После того как папка мамку зарезал.

-Как это?

-Ножом под сиську.

-Бред какой-то... И что теперь?

-Скоро выйдет.

-Тебе лет-то сколько?

-Сколько б ни было, все мои.

-Тебе бы еще сказки читать..

-Куда там. Жизнь есть сказка. Только с большущей фигой в конце.

-Ну, и что ты дальше делать будешь?

-Удавлюсь, как только батя вернется.

-Не надо.

-А что, ты, может, спасти меня хочешь?

-Хочу.

-А что, может и неженатый?

-Женатый. В прошлом.

-В смысле, в прошлой жизни, что-ли?

-Зачем. Была такая же как ты.

-Умерла?

-Тьфу, ну что все опять! Развелись.

-Зачем? Вместе же веселее...

-Разлюбили друг друга.

-Так вот разом и все?

-Да, со временем.

-Красивая?

-Кто?

-Да жена твоя бывшая.

-Вся в тебя.

-Ну, значит, ничего. Потянет с пивком.

-Ты что, пиво любишь?

НИКОЛАЙ СЕДОВ (Череповец)

-Люблю, когда наливают. Вот, когда пиво пью, вроде и жизнь картинкой цветной кажется.

-А подруги у тебя есть?

-Нет. А зачем? С ними одна морока. Завидовать начнут.

-Кому, тебе, что-ли?

-Конечно. У них же все по уставу: завтрак, обед, ужин. Уроки, перемены, секции, компьютерные мальчишки. Скука, тоска.

-А у тебя?

-А я одену маечку в голубую полосочку, штаны-джинсы, и куда хочешь. Ищи ветра!

-Ты плачешь?

-Нет. Это так, глаза на мокром месте.

-А я тебя правда спасу.

-Нет, не спасешь.

-Почему?

-Не успеешь, и адрес ты мой не знаешь.

-А давай вместе жить?

-Да иди ты на фиг, рыцарь благородный.

-Я уж как-то свыкся, сжился с тобой.

-Чего-чего? Еще скажешь, влюбился.

-Не знаю, я такими словами не раскидываюсь.

-Ну все, хватит болтать. Все равно сейчас умру. Вот таблетки, бритва опасная. С меня хватит.

-Давай, хоть перед смертью, чаю попьем...

-Давай...

-Подожди. Ты ставь свой чайник на плиту.

-Ну, это долго. Все желание помереть отпадет.

-А у меня электрический. Быстро вскипит. Но в рай не надейся. Туда таких не принимают.

-А каких принимают?

-Умных! Умных принимают. А ты дура.

-А ты с кем живешь?

-Один я живу, сирота.

-Скажи пожалуйста. Может и тебя пожалеть надо?

-Ну, пожалей.

-Ах ты бедный мой, бедный. Как хоть зовут-то тебя?

-Никак. Чай вскипел.

-Спасибо. Наливай.

-Тебе большую чашку или маленькую?

-Маленькую, но покрепче. У тебя какой чай?

-Краснодарский.

-Краснодарский... Это хорошо. Это я люблю. А между прочим, меня Вика зовут.

-А меня Андрей

-Спасибо за чай.

-Пожалуйста. Вика.

-Сразу на душе тепло стало. На сон потянуло. Глаза прямо так и закрываются.

Голос у девушки становится сонным, тягучим.

- Ты чего сделала, Вика?

- Ничего, ничего. Андрей. До свидания. Прощай.

ПРОЛОГ

15.01.06г. Гагин (Германия) - Седовым (Россия)

Галина и Николай, привет!

...Ваше письмо принесло мне настоящую радость. Это здорово, что Коля написал книжку – у меня всегда было ощущение, что рано или поздно она появится на свет, и я рад, что это, наконец, произошло. Книга, конечно, сердитая – но от Коли другого ожидать, наверное, и не следует. То, о чём ты, Коля, пишешь, мне близко, я думаю о многом так же, как и ты. Единственное существенное между нами расхождение в том, что я человек верующий, и тут уже ничего не поделаешь. И ещё – я бы не стал публиковать эту вещь отдельной брошюрой, а попытался бы втиснуть её в один из литературных альманахов, что периодически выходят в Череповце или Вологде. Но тут я подозреваю, что для тебя, Коля, этот вариант, скорее всего по разным причинам совершенно неприемлем. Мореплаватель-одиночка – так у моряков называются такие характеры...

18.01.06 г. Седов (Россия) – Гагиным (Германия)

Здравствуйте, Гагины!

...В своем письме, Витя, ты несколько ошибся, когда говорил, что публикация в журнале меня не устроит. Устроит, Витя. Хотя первой, все-таки, должна была быть книжка. Не тщеславие, не самолюбие – не хотелось низводить уровень обсуждаемых вопросов до проходной статьи. Хотелось выделить. И вроде получилось.

Меня то устраивает. Я, похоже, не устраиваю наши журналы. Это не сейчас, это давно началось, много-много лет назад...

...технически это выглядит так – живет наша журналистика и публицистика, и песня авторская и вера наша православная. И свободу, и торжество своих идеалов защитившие и узаконившие, и с властями слившиеся в едином порыве процветания и закрепления достижений. Титулы и звания розданы, заслуги оценены и папки распределены.

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

*И вот захожу я в это царство сбалансированности (в редакцию журнала «***») и сам воздух «Вам что, собственно?..», «Кто вы такой?» говорит мне о том, что нарушаю я этот баланс, не нужен я здесь, не к столу.*

...Недавно одна моя знакомая журналистка сказала, имея в виду свою газету: «Желтеем понемногу. Рынок побеждает...»

...Сегодня, когда православный таксист обязательно крестится на купола, а потом заламывает такую цену за проезд, что его коллеги-атеисты удивляются (правда, на себе испытал)... когда священник благословляет машины воров и бандитов (пару лет назад процедура стоила не очень дорого)... когда столько разговоров о подъеме и развитии, восстановлении православия и державы, а я вижу, как умирают на помойках потомки Великой России...

Да много еще чего. Так вот сегодня я беру ручку и пишу о том, что не продается. О вечности, о человечности, о Боге, в конце концов! Именно о том, что и делало Великую страну Великой. Была она бедной или богатой, воевала или возрождалась, были у власти князья, цари, поэты или революционеры. Она бывала всякой, она ошибалась, была правой, была левой, но всегда – Святой. Потому, что не продажной!

И когда мои соотечественники выбрали сытость вместо справедливости, а личное спокойствие затмило боль за обездоленных, вот тогда моя страна рухнула, даже не на колени, а пропитой совестью, как мордой в салат!

А в магазинах продается бессмысленное окололитературное пойло, а в телевизоре блогеры Зверевы и Моисеевы являют пример благополучия, а в кинотеатрах «Ночные и Дневные дозоры» борются с надуманным вселенским злом. А в моей деревне закрывают школу – на девять учителей три ученика, а автобус до райцентра один раз в неделю. А стоимость одной машины, которыми тешат себя нынешние деятели, равна бензину, который бы обеспечил «Скорую помощь» на десять лет во всем районе, но нет там «Скорой помощи». Тихо умирают мои соотечественники...

А я беру и пишу, а потом коплю деньги и, отрывая их от своей семьи, от своих детишек, издаю эту маленькую книжечку. А в ней – все, что мне дорого.

И больше всего радуется, что те, кто читал, верит он или не верит, согласен он или не согласен, сходятся в одном – она думать заставляет. Некоторые по нескольку раз перечитывают.

...Дело не в моей известности или популярности. Просто говорить об этом надо. Надо заставить себя слушать. Потому что болеет наша родина, люди ее. Вышиблен фундамент, на котором строятся и величие, и слава, и память – Душа. Ее заменили идолом рыночной экономики. Надо, чтобы кто-то прямо говорил людям, что они – люди. Без поэтических аллегорий и художественных изысков, чтобы баран понял.

Об этом моя книжка. Не обо мне речь, о нас...

1.

Последние минуты перед концертом. Я уже настроил гитару и успел отогреть руки, обдумал, что и как скажу зрителям. Никаких волнений и нелепых предчувствий. Мне почему-то казалось, что все получится.

Вот за стеной, в концертном зале умолк рояль – мой сын закончил разминку. И наступила тишина. Так бывает всегда, когда воздух наполняет дыхание начинающегося действия.

Я люблю этот момент. Все замирают, понимая – «Начинается!». И незнакомые, чужие друг другу люди, вдруг забывают о своих личных неразрешимых проблемах и становятся общностью, которая готова прожить ближайший час новой, и пока еще неизвестной, жизнью.

Потом они уйдут, вернуться к своим делам, и может быть, никогда больше не встретятся. Но этот час, который они сопереживали вместе, навсегда останется с ними. Они не будут одиноки. Потому, что больше всего нас объединяют воспоминания.

Еще оставалось две-три свободных минуты, чтобы перекинуться приветствиями, услышать последние наставления и пожелания. Я вышел из комнаты, в которой мы разместили наш небольшой реквизит, и решил пройти через зал, посмотреть на лица, оценить возможную манеру предстоящего общения. Открываю дверь, делаю шаг вперед и замираю... – ЗАЛ ПУСТ!!!

Смотрю на часы и ничего не понимаю – концерт уже двадцать минут как должен был начаться.

Итак, 25 декабря 2005 года, город Череповец, концертный зал детской школы искусств на улице Вологодской, 13 часов 20 минут. Я стою напротив пустоты.

Так начиналась презентация моей первой книжки «Азь», мой концерт и мой праздник.

2.

В кармане лежали два детских билета на кинопремьеру какого-то мультфильма в кинотеатре «Победа». Мне их только что вручил добрый таксист, объявив, что эта поездка – призовая. Значит, мои дети идут в кино. Здорово!

С гитарой в руке, я шел по хрустящему белому снегу, вместе с пионервожатым моего детства Афанасием Андреевичем Потаповым, который тоже должен был сегодня выйти на сцену.

Пару лет назад мы записали с ним небольшой альбом «Поле жизни», в котором я играл на гитаре, а он пел свои песни. Когда мы записывались, я вдруг поймал себя на мысли, что знаю, для чего я вот уже более двадцати лет не научился играть на гитаре – чтобы однажды помочь моему учителю, сам он играть почти не умеет. Мне кажется, что наш совместный труд удался – мне он нравится до сих пор.

Афанасий Андреевич уже прочел мою книжку, и я предложил ему поучаствовать в мероприятии. Потому что быть комментатором своей собственной книжки как-то неудобно, да и нечестно. Будет правильной, если скажут другие, и скажут то, что считают нужным. Помимо слов, мы договорились показать людям несколько песен из того нашего альбома. И это тоже было правильно – в городе о нем почти ничего не знали.

В это же самое время торопилась на концерт Танечка Жмайло. Мой милый старинный друг. Она простыла, у нее была температура, и болело горло, но по телефону за полчаса до этого она уверила меня в своем непременном присутствии. Она тоже успела прочесть «Аза» и хотела поделиться своими соображениями по поводу прочитанного. Более того, она намерена выступить вместе с нами!

Всегда опаздывающий и бесконечно занятый какими-то делами, другой мой старинный друг – Сережа Титов – уже сидел в зале. Он оказался одним из первых, кто поторопился не опоздать к началу!!!

Надо много лет знать Серегу, чтобы оценить эти восклицательные знаки. Мы так долго путешествуем с ним по жизни, что порой вовсе не обязательно совместное присутствие в каком-то месте и в какое-то время. Мы умеем общаться и помнить друг о друге, даже если нас разделяют тысячи километров и годы молчания. Но сейчас дела потеснились. Замечательный знак успеха и важности сегодняшнего дня. Я был тронут.

Шел поддержать нас поэт и музыкант Валера Виноградов с супругой Аленой. Его папа составил им компанию. Когда я увидел это семейство, то понял, что и для них это тоже не совсем обычный день.

Шла Людмила Владиславовна Бирюкова, моя школьная учительница по химии.

Торопились к началу Варя, Юля и Саша – жена старшего сына и ее сестра с мужем.

А в зале мой сын – Кирилл – уже трогал клавиши «Стейнвея». Обычное для пианистов занятие – подготовить руки и примериться к инструменту. Кирилл тоже был участником концерта, и я очень хотел, чтобы именно он выступил первым.

У дверей зала стояли и беседовали моя жена Галочка, которая уже успела договориться и с гардеробом, и с залом, и прочими организационными вопросами, и Светлана Никифоровна Батаева – наша музыкальная мама, преподаватель и наставник Кирилла.

Невдалеке прохаживался Антон – звонарь городской церкви, лучший барабанщик для любой группы, теннисист, православный хиппи, вообще незаурядная и противоречивая личность, с которым вот уже много лет у меня существуют взаимно приятные отношения.

Я здоровался с ними со всеми и чувствовал, как с каждым рукопожатием и поцелуем мой мир обретает четкость, глубину и завершенность.

Гитара обнадружила красивым проникновенным голосом. Мы с ней вообще всегда понимали друг друга. Я был готов говорить о вечном, о Добре и Зле, о смерти и бессмертии, мой мир стоял за мной, и нам было что сказать.

Я встал и пошел, открыл дверь и – мой мир рассыпался! Не осталось даже осколков.

Пустота. Необъятная, бесчувственная и молчаливая. Она обволакивала меня, пытаясь пробраться внутрь, до самого сердца – инородного для пустоты, ненужного и непонятого предмета. Пустота хотела единства. Чтобы я исчез.

Но я не исчез.

3.

Жизнь учила меня держать удар. Я не рассыпался. Пустота усомнилась в своем могуществе и перестала быть пустотой.

В глазах друзей таилась молчаливая поддержка. Но я пока не мог принять их помощь, мне нужен был короткий тайм-аут.

- Ладно, – сказал я, – пойду, подышу. Подождем еще десять минут.

Что будет через эти десять минут, я не знал. Хотелось чистого воздуха и не хотелось ничьих слов. Вышел на улицу.

Я стоял посреди зимы и глубоко и часто вдыхал морозную свежесть. Так я пытался избавиться от нахлынувшей бесчувственности и заставить себя чувствовать хотя бы холод. Но пустота никак не хотела уходить окончательно и находилась где-то рядом, она сопротивлялась и ее туманная завеса размывала действительность.

Без всяких мыслей я смотрел, как тлела и становилась корочке сигарета – этот белый бикфордов шнур, приближающий неумолимость развязки. Но взрыва не случилось.

Из тумана неопределенности ко мне подходил реальный невозмутимый Коля Горин. Лет десять назад он основал в нашем городе настоящую кузницу, с горном и поддувом, наковальней и молотками. Он был единственным кузнецом, которого мне довелось встретить в жизни. Обычно в своих многочисленных передвижениях по стране я находил лишь отзвуки этого уходящего от нас древнего искусства.

Знакомы мы с Гориним давно. Лет двадцать. Поэтому хватило нескольких слов, чтобы обрисовать мою ситуацию. Коля реагировал мгновенно:

- Так поехали ко мне! Все нормальные люди устраивают презентации своих книг в кузнице!

- Серьезно? – мне еще не до конца верилось в возможность контакта с отвернувшимся от меня миром.

- Конечно, серьезно!

Сам я не нуждался в утешениях, но испытывал чувство неловкости перед своими друзьями. Они ни в чем не виноваты. Но из-за каких-то моих грехов они вынуждены сейчас страдать со мной. Это несправедливо.

Мне представился сумрак кузницы, наполненный тайной неизвестных предметов, жар раскаленных углей, металл, который волей и руками человека превращается из ничего в нечто. Я представил моих друзей, как они будут трогать руками эти предметы и вдыхать воздух дедовского ремесла. И в центре всего - кузнец Коля Горин, который только что вернул меня в настоящее, который поможет моим друзьям не заблудиться, путешествуя во времени. От видения веяло первобытной правдивостью и простотой. Это было то, что надо.

- Пойдем, спросим у ребят...

4.

- Господа! – сказала Галя – Поскольку народу мало, поступило предложение перенести презентацию в кузницу. Наш городской кузнец и друг Николай Горин приглашает всех к себе в гости. Есть возражения?

Горин стоял рядом, готовый принять любое решение моих товарищей. Вот, мол, я, весь перед вами. Смотрите, судите и решайте. Было бы предложено... Спокойная уверенность кузнеца передалась и мне, и Гале, и всем, кто находился в зале. Все нормально. Действо начинается! Мы вновь погружались в сладкий миг начала волшебства. Занавес пошел...

- Так никто не против? - Против никто не был.

У кузницы есть один большой недостаток – отсутствие рояля. А моего сына уже достаточно знали в городе, как подающего надежды пианиста. Однако выступал он редко, поскольку основное его время занимала учеба. И поэтому сегодня мои друзья пришли не только итожить мои достижения, но, конечно же, надеялись услышать игру Кирилла.

Мы встретились с ним взглядом. Сын сделал выбор и оставался со мной. Он тоже будет держать удар. Кивнув друг другу, мы без слов скрепили наш союз. У пустоты не было шансов. И уже обращаясь ко всем, я сказал:

- Друзья, в кузнице нет пианино, а Кирилл подготовил небольшое выступление. Поэтому, предлагаю послушать его, а уже потом переместиться в кузницу.

Одобрительный гул. Я вновь повернулся к сыну:

– Сыграй нам что-нибудь, сынок!

Под аплодисменты Кирилл прошел на сцену и занял место за роялем.

Галя, моя хорошая Галя! Она сидела рядом со мной и тоже жутко переживала за все. Она чувствовала мою неудачу, как свою, и так хотела, чтобы все прошло как надо! И когда Кирилл уже

поднял руки к клавишам, она вдруг громким шепотом сказала сыну:

- Кирилл! Объяви произведение!

Сын по-доброму и очень спокойно посмотрел на нас и сказал с улыбкой:

- Да, какая разница, все равно никто не запомнит.

И он был прав! И в своем спокойствии, и в своем выборе. Мой сын подчеркнул, что все, что будет дальше, выше условностей и протоколов. Он задал тон: «Расслабьтесь, люди. Вас поймут, потому что мы будем видеть сущность, а не обертку или название. А сущность, которую я хочу вам показать, называется Музыкой». И люди поняли моего сына.

И к нам пришла Музыка.

5.

Я всегда старался быть требовательным к сыну, особенно, когда это касалось какого-нибудь важного дела. Самым важным делом для Кирилла стала Музыка. Он сам так решил. Поэтому его занятия, манера игры, его собственное отношение к этому делу, подвергались моей нещадной критике, если мне казалось, что сын сбивался с дороги или проявлял недостаточное усердие.

Музыка тоже очень строгая дама. Она не подпускает к себе случайных людей. Любую фальшь, бездушие и бездарность Музыка покидает моментально. А, скорее всего, даже не прогуливается около этих мест.

Мы много говорили с Кириллом об этом. Я видел его победы в конкурсах, следил, как увеличивается беглость пальцев и растет его музыкальный кругозор. Не раз сидел я в концертном зале, готовый прослезиться от радости за сына, когда все зрители, затаив дыхание, слушали его игру, а потом рукоплескали с криками «Браво!» Но не призы и не аплодисменты были важны для меня. Все эти годы я терпеливо ждал, когда из-под его пальцев я услышу не ноты, а голос Музыки. И вот сегодня я услышал.

Музыка коснулась груди и смогла то, что не смогла пустота. Мы стали едины. Я не думал о книжке и пустом зале. Я даже не думал о том, что это играет мой сын. Все осталось где-то там, за чертой мира Музыки, который принял нас, своих непутевых, но любимых детей. Мы дышали его воздухом, и пили из его родников, а Музыка, как заботливая мать, вела нас по своим заветным тропинкам, приближая к самому главному и самому родному. А в старинном доме, у окна сидел Бетховен и смотрел с улыбкой нам вслед.

Умолк последний аккорд. Мы возвращались обратно. Я вновь посмотрел на сына, кивнул ему головой и захлопал в ладоши. Музыка еще была в нас, и хотелось совершать хорошие поступки и говорить добрые слова. И когда мы уже начали

собираться, переполняемый чувствами Афанасий Андреевич подошел к Кириллу и сказал:

- Знаешь, Кирилл, наш писательский труд – это ничто по сравнению с твоим трудом музыканта!

«Я бы не обобщал», - подумалось мне, но вслух я этого говорить не стал, чтобы не обижать открытый человеческий порыв. И вдруг поймал себя на мысли: «А ведь это я сейчас пошутил!» И рассмеялся от своей шутки и от ироничности фразы Афанасия Андреевича в свете презентации моих трудов.

Праздник начался.

6.

Кузница. Место, в котором работники делают свою тяжелую мужскую работу. Не бутафория.

Хотя иногда – может, для души, может, для поддержания уровня мастерства (не все ведь заказы высокохудожественны) – кузнецы балуются созданием различных поделок под старину, рыцарство или просто курьезов. Поэтому, помимо огромного количества различных сугубо деловых инструментов и приспособлений, кузницу украшали и рыцарские мечи, и боевые топоры всех времен и народов, ножи и сюррикены, которыми, наверняка, баловались капитан Флинт или бесстрашные японские ниндзя. Подсвечники и подставочки, нашлапки и булавы, фонари и висящие прямо в воздухе цепи, эскизы и заготовки будущих изделий.

На почетном, самом освещенном месте – узлом завязанный лом на овальном постаменте, а из этого грубого металлического постамент как бы вырос железный цветок и обвил своим тонким стеблем покоренный лом. Сила и нежность.

- Кузница – роддом для мужика! – наставлял кого-то Горин.

Она жила своей жизнью. Обилие украшений не превращало ее в музей. Чувствовалось, что кузнец просто повесил на стену или отложил в сторону ту или иную красивую безделушку, чтобы глаз иногда радовала или чтобы под ногами не валялась. Не для гостей и праздности эти диковинки. Скоро придет работник, и начнется работа, для которой и живет эта кузница. Только на один день стала она гостеприимной хозяйкой, разрешила смотреть и трогать свои накопления, фотографироваться на память и задавать глупые вопросы кузнецу. Потому что сегодня праздник, и кузница терпеливо подождет, пока отдохнет ее хозяин.

- Однажды Дьявол решил победить Бога. Но он был слабее, чем Бог и потому решил сделать себе меч. Чтобы не с голыми руками, а с оружием против Бога выступить. Пришел Дьявол к кузнецам и обещал хорошо заплатить и пожелания исполнить, если его заказ к сроку сделают. Посовещались кузнецы и отказались ковать меч против Бога. А Бог узнал об этом и с тех пор все грехи кузнецам прощает. А кто дружит с кузнецом,

то и на того Божье снисхождение распространяется...

Пока подготавливали место для посиделок и накрывали на стол, Коля Горин, как и положено гостеприимному хозяину, развлекал нас экскурсией и знакомил с кузнечными шутками и прибаутками.

- Если баба никак родить не могла, то ее на ночь отводили к кузнецу.

- А зачем? – спросила одна из наших девчушек. Свои мысли покинули ее, она верила всему, о чем вещал этот, почти из иного мира, здоровяк.

- Слово волшебное знал кузнец, – хитро подмигивая глазом, шутил Горин.

Но девчушка все равно верила и этому. Тайна витала вокруг нее, и ощущение этой тайны полностью обволнило юную голову.

- А зачем на ночь-то?

- Традиция, – заканчивал Горин, пожимал плечами, давая понять, что истоки традиции уходят корнями уж в совсем далекое прошлое, и он за них не отвечает.

7.

Мы наполнили бокалы и, как виновник торжества, я сказал длинный тост.

- Друзья! Мне очень жаль, что сегодня не получилось задуманное мероприятие. Не потому, что каким-то образом это неприятно лично мне. Не поэтому.

У нас праздник – новорожденный, вот эта маленькая книжечка с именем «Азь». О чем она? – О вечном, о Добре и Зле, о смерти и бессмертии. То есть о том, о чем люди не успевают подумать, зажатые суматохой буден.

Жизнь не дает пауз на раздумье, может поэтому, люди многое совершают необдуманно. Сегодня, когда нас приучают к мысли, что все продается и покупается, мы хотели дать повод, возможность - ту самую паузу - для раздумий и поговорить о том, что не продается. И очень жаль, что разговаривать было не с кем. Ну, что ж, я расскажу вам то, о чем хотел рассказать всем.

Всю свою жизнь я пишу одну единственную книгу, которая называется судьбой. Поэтому маленькая книжка «Азь», хоть она и первая, которая была издана, не стала для меня чем-то особенным. Она – очередная страница моей главной книги.

Когда-то давно первые страницы этой книги написали мои родители. Они научили меня видеть мир, научили, как относиться к тем или иным его проявлениям. Мое отношение к миру, сформировало круг моих интересов, а круг интересов определил круг общения, круг моих друзей.

Мы мечтали, выросли, влюблялись, мы сочиняли стихи и песни, мы совершали поступки. Так были написаны главы юности и молодости.

Эта книга пишется до сих пор. Ее содержание и сюжет становятся опытом и памятью, давая пищу для осмыслений и раздумий о будущем. Но так случилось, что впервые написанная на бумаге маленькая книжечка с именем «Азъ» вдруг начинает жить самостоятельной, почти не зависящей от меня, жизнью. И, самое интересное, что совершенно неожиданно ее жизнь бумерангом врывается в мою судьбу, и сюжет главной книги меняется. А дело было так.

Как отец и муж, я обеспечивал семью материально. Потому что так устроен наш мир и многие вещи зависят от денег. Это не значит, что моя семья озабочена богатством. Скорее, наоборот, мы никогда не придавали особого значения ни вещам, ни накоплениям. Мои усилия материализовались в то, что дети были обуты, одеты. Они имели возможность учиться в хороших школах, заниматься спортом, ходить в бассейн, учиться музыке, осваивать компьютер и читать полезные книги.

К сожалению, моя работа связана с продолжительными поездками и командировками. И большую часть времени я оторван от семьи. И вот, однажды, когда после очередной разлуки мы вновь были вместе, я вдруг увидел, что мой сын стал выше меня ростом. Мне все еще казалось, что он должен быть маленьким. А он – вырос. И я даже не заметил, когда.

Папа занимался заработками, а сын рос, превращался из ребенка в подростка, потом в юношу, формировался как будущий мужчина. А рядом вместо папы находился кто-то другой. Какие-то люди окружали моего сына, становились его друзьями и воспитателями. Их мнения определяли мир его ценностей и стремлений.

И вот рядом стояли два человека – отец и сын, которые ничего не знали друг о друге. Чем пристальнее я вглядывался в сына, тем отчетливее видел пропасть, которая разделяет нас.

У меня за душой, как мне думалось, есть нечто, что обязательно нужно передать сыну. Это богатство я собирал не только и не столько для себя. Но мир его ценностей не нуждался в моих подарках. Мы перестали понимать друг друга. Я с ужасом наблюдал, как теряю сына, как постепенно мы становимся почти врагами. И никакие рубли, и никакие оправдания не возместят потерю. Потому что нет больше и уже никогда не будет маленького мальчика, которому рядом нужен живой папа.

Когда летом наступают школьные каникулы, вся моя семья, как правило, уезжает в деревню. Там у нас дом. Мы специально купили его, чтобы детишки могли побыть вне города, отдохнуть и поправить здоровье. В прошедшее лето я отвез им в деревню наш домашний компьютер, поскольку в командировках мне он все равно не нужен. На этом компьютере хранились мои стихи,

песни, проза и электронная версия «Аза», которую я готовил к публикации.

А там в деревне у Кирилла есть хороший друг, интересный человек, со своим видением и суждением. И так случилось, что именно он первым наткнулся на эти мои сочинения и стал их первым читателем. И вот однажды он сказал моему сыну: «Какой у тебя папа! Если бы у меня был такой отец, я бы гордился им...»

(Здесь я прерву пересказ своего тоста, чтобы восстановить некоторую справедливость. Дело в том, что я немного соврал. Не было друга. Точнее он был, только это была одна девушка. Просто я не хотел давать почву для ложных предположений и расспросов типа: «А что там у них с Кириллом?»).

Зовут ее Лена Телешева. Она тоже каждое лето приезжает из Костромы в нашу деревню. Судьба жестоко обошлась с ней. С точки зрения обывателей «ей ничего не светит» в ее дальнейшей жизни. Она – инвалид. Детский церебральный паралич. У нее почти не ходят ноги. А в прошлом году умер ее отец. По пьянке пошел в лес, там и умер, стоя, прислонившись к дереву. Не выдержало сердце. Говорят,пил всю жизнь.

Это я рассказываю не для того чтобы осудить, а для того чтобы было понятно, какое мужество проявляет эта девочка, оставаясь человеком. Она сохраняет ясный ум, умеет радоваться жизни и хочет прожить жизнь с пользой для людей. И я не удивляюсь, что мой сын дружен с таким человеком. В благодарность за ее влияние на моего сына, я один из первых экземпляров вышедшего «Аза» подарил ей.)

И вот тогда мой сын задумался о нас. Он перечитал мои стихи, мои воспоминания и прозу. Он переосмыслил и переоценил свой мир и сделал то, что не смог сделать его непутевый отец. Он вернул себе потерявшегося меня. Пару месяцев назад он подошел ко мне и сказал фразу, которую мечтает услышать любой из отцов: «Папа, научи меня жить».

Так небольшая книжка, в которой всего несколько страниц, вернулась ко мне и стала частью моей судьбы. Эту книжку я хочу подарить всем присутствующим. Читайте, может быть, она натолкнет вас на какие-то свои размышления, которые, дай Бог, вам тоже однажды помогут изменить ваши собственные судьбы к лучшему. А мне жизнь убедительно показала, насколько полезно размышлять о вечном. И так, за новорожденного! И пусть его путешествие будет ненапряжным!

8.

Удивительный вечер неожиданных сюрпризов, вечер открытий и превращений. Судьба как будто

спешила вернуть все приятности, которые зачем-то попридержала ранее.

Иногда кажется, что твои усилия и мысли никому не нужны. Живешь, стараешься, делаешь свою работу и к чему-то стремишься, говоришь какие-то слова и что-то пишешь. И надеешься, что, однажды, хотя бы кто-нибудь подойдет и скажет: «Спасибо, мне было нужно то, что ты делал». Но никто не приходит. И ты поешь свои песни на кухне, читаешь стихи пустым кастрюлям и хранишь старую газету, чтобы поговорить и поспорить с собою. Один на один, через несколько лет.

- А помнишь ту свою статью - «Бардовская капоэйра»? – неожиданно спросил меня Валера Виноградов. – Я ее размножил и на всех фестивалях раздаю людям.

Вот тебе раз! Эту статью я написал более года назад. Там говорилось о хорошем и добром деле, которое усилиями чиновников и корыстолюбием людским было превращено в очередное коммерческое шоу, без души и цели. Потому что набивание карманов и самолюбование не может быть целью человека.

Статья прошла тихо, ни одного отзыва, ни одного знака от друзей и знакомых, что они, хотя бы бегло, прочитали ее. И вот сегодня я узнаю, что не зря была эта работа.

Поэтому, когда вам кажется, что ваши усилия и мысли никому не нужны, помните о том, что это только кажется!

А вечер продолжался. Мои друзья знакомились друг с другом, завязывались новые отношения, открывались иные грани бытия. С каким интересом и азартом общались вчера еще незнакомые между собой люди! Мне вдруг вспомнилась холодная решимость, которая наполняла их взгляды, когда в пустом зале каждый из нас сделал свой выбор. «Хорошая мина при плохой игре» – так, кажется, говорят о подобных ситуациях. Сейчас глаза моих друзей были совсем другими, они светились жизнью и дарили тепло.

Из давних глубин памяти выплыл Андрей Макаревич – кумир моей юности – с песней. Помните? – «Столько лет, столько зим я мечтал об одном... чтоб собрать всей друзей за одним столом и увидеть, как свят наш круг...» Там у Макаревича все кончилось плохо. Его друзья не стали друзьями друг для друга. Мне повезло больше, чем знаменитому музыканту.

Почему-то все получалось. После того, когда Афанасий Андреевич исполнил несколько песен, он решил показать нам «Опусы» – так называет он свои рифмованные творения, которые никак не ложатся на музыку. И прочел одно – про оципанного Пегаса. Виноградов сказал:

- Афанасий Андреевич, а разрешите взглянуть на текст. Ради интереса, мне хочется попробовать-таки под музыку его озвучить.

- Да, пожалуйста, Валера! Только вряд ли что из этого выйдет...

Тетрадь Потапова переключивалась к Валере, десять секунд он разглядывал текст и примерял аккорды, и с ходу выдал новую песню! Крылокопытный не остался без музыки.

9.

Еще один человек, о котором я пока не сказал ни слова. Когда мы готовили стол, в кузнице появился неказистого вида (извини, Владимир Викторович!) мужичок лет пятидесяти. Он пришел к Горину по каким-то своим делам. Ничего интересного не заметил я в этой личности, и в другой день мы бы просто разошлись с ним, даже не взглянув друг на друга. Но день сегодня был особенный.

Выпускник Института имени Репина, член Союза художников России, золотая медаль Академии художеств СССР, один из ведущих художников, работающих в акварели и графике, человек нестандартной, полной событий жизни. Он поразил наше воображение, рассказывая о своих приключениях и скитаниях по миру. Паскин Владимир Викторович. Так представил его Горин, когда мы рассаживались за столом. Я поднял глаза и увидел на стене репродукцию какой-то картины. Валуну на берегу Северного моря, почти на краю земли, так, по крайней мере, показалось мне. А поверх репродукции крупным шрифтом значилось по-английски – Paskin. Вот вам и «неказистый мужичок»!

В лице Паскина за нашим столом сидела сама скромность и тактичность. Он уважительно слушал разговоры, и, если вдруг что-то ему казалось интересным, то, прежде чем начать говорить, он дожидался паузы и спрашивал:

- Разрешите, я тоже скажу несколько слов?..

После этого он смотрел в лица разговаривающих, и только после того, как получал явное приглашение к беседе, начинал высказывать свою мысль. Но один раз он нарушил это правило.

Мы читали стихи, свои и наших друзей. Потом попросили Титова спеть – Серега здорово умеет это делать, если захочет. Как потом выяснилось, они давно знакомы с Паскиным, но Владимир даже представить себе не мог, какие таланты скрываются от него. Ну что же, ведь это был вечер открытий!

- Ну, даже не знаю... По поводу твоей книжки, Коля... не хочу сейчас, может быть потом, тем более тебе, конечно же, надо что-то сказать... Но сейчас я, наверное, просто спую. Навеяло...

Серега потрогал струны гитары и начал:

Я вышел на поиски Бога.

В предгорье уже рассвело.

А нужно мне было немного –

Две пригоршни глины всего...

Это «Псалом» Александра Аркадьевича Галича.

С Сережкой в школе мы учились в одном классе. Дружили. Он отличался от всех моих знакомых своим особым талантом чувствовать прекрасное. Таня Жмайло сказала как-то, что она до сих пор все свои новые стихи показывает именно Титову. Даже назвала его однажды «мой барометр». Благодаря этому Сережиному таланту я со школьной скамьи знаком с творчеством Галича, хотя наша школьная программа не предусматривала не то чтобы его изучения, а даже упоминания об этом человеке.

...И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!
Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей,
Мой Бог, сотворенный из глины
Сказал мне: «Иди и убей!..»

Сергея пел истоиво, с придыханием, наполняя песню откровением. Слова и ноты отзвучат и забудутся. Откровение остается с нами.

...Но вновь я печально и строго
С утра выхожу на порог –
На поиски доброго Бога
И – ах, да поможет мне Бог!

Песня окончилась. Сергея наградили аплодисментами. Лицо Паскина красноречиво говорило о глубине его удивления:

- Сережка! Я тебя так давно знаю, но даже в мыслях не мог предположить, что ты еще и такой! Почему ты мне никогда раньше этого не показывал?!

Титов еще спел несколько песен, передал кому-то гитару. И пока возникла пауза, начал нарастать этот понятный всем нам, беззаботный шум застольного праздника. Но он неожиданно для всех был прерван незнакомым голосом. Первое мгновение даже возникло некоторое всеобщее замешательство, поскольку никто не понял, откуда исходит этот голос.

Паскин! Растроганный Паскин читал нам стихи. Он даже не просил нас слушать, но разве можно не слушать открытое человеческое сердце!

Над Онегой, над Онегой
Солнце катит колобком.
Обязательно приеду
К тете Дусе в старый дом!

Встретит добрая старушка,
Банька топится с утра...
Здравствуй, озеро Онега!

Здравствуй, Андома-гора!

Паскин рассказывал нам о простых и понятных вещах, которые у русского человека сидят, наверное, в подсознании, в генах. Там были мужики, комары и рыбалка, здоровая усталость и лесная вода, которая утоляет жажду и одновременно служит неким целебным напитком, как благословение на настоящую жизнь.

Эти стихи я слышал впервые. Поэтому вначале следил за «качеством» строк, но потом искренность голоса Паскина заворожила меня, и я позволил себе просто слушать и сопереживать. А когда наступила тишина, я спросил:

- Здорово! А кто автор?

Наверно более дурацкого вопроса я не мог придумать. По крайней мере, Паскину потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о чем это я, собственно. За мою недогадливость он даже чуть-чуть передразнил меня:

- Кто-кто... Я, конечно!

10.

Когда-то я работал на фанерно-мебельном комбинате – в ремонтно-строительной бригаде. У нас там был один парень, Игорь, который всегда опаздывал на работу. Поспать любил человек или еще чего – не в этом дело.

Ну, опоздания на десять-пятнадцать минут ему еще прощали. Пожурят, замечание сделают, предупредят, но, в целом, – без последствий. Такие нарушения и у других бывали. Но если, допустим, на два-три часа опоздает, а то и после обеда придет, тут – все, поскольку уже и начальству доложено, и допуск к работе теперь только через кабинет этого самого начальства. Объяснительные, выговоры, приказы и, если виноват, естественно, лишения всевозможные, вплоть до увольнения по статье.

И когда Игорь в очередной раз не выходил на работу, мы всегда с интересом ждали, чем дело кончится. Уволят – не уволят? Даже ставки между собой делали. Потому что неистощим был на фантазию парень. Правда, нельзя сказать, чтобы ему его победы доставались за здорово живешь. Потому что, судя по объяснительным, он уже похоронил всех близких и дальних родственников, некоторых даже дважды, всех друзей и домашних питомцев. Его кусали все псы города. Несколько раз он вступал в схватку с хулиганами, которые по своей наивности пытались кого-то обидеть прямо у него на глазах. Лифтеры никак не могли привести в порядок лифт в его пятиэтажном доме. А соседка так и норовила улизнуть куда-нибудь с его ключами, которые просто необходимо было передать неожиданно приехавшему, смертельно больному другу детства.

Но ничто не бывает вечным. И уловки приедаются. Повторяться в таких вещах опасно. Потому что, если начальство почувствует себя

идиотом в глазах подчиненных, месть будет ужасной!

И вот помню один из дней, когда Игоря опять нет. Начинаем гадать, что будет в этот раз. Умер кто? – Нет, перебор выйдет. Лифт? – Еще смешнее. Долго гадаем, но не находим серьезной стопроцентной отмазки. В итоге приходим к выводу – уволят! Тем белее, что и бригадиру уже дано задание обнаружить симулянта и вместе с ним немедленно предстать перед высокими очами.

Бригадир Слава как часовой месит снег у дверей проходной. А вот и наш герой. Он тут же взят за шиворот железной бригадирской рукой и увлечен к гибели. Точно уволят!

Как же мы ржали на обеде, сидя в раздевалке, где обычно играли в карты, когда появился деловитый Игорь и на наш естественный, почти риторический вопрос: «Ну, что, уволили?», получили возмущенный ответ: «С каких рыжов? Батареею в квартире прорвало, три часа воду убирал, чтобы соседей не затопить!»

Давно это было. Народ измелечал и выдумка у него не та. Я всегда с улыбкой вспоминаю былые деньки. Однако сегодняшний вечер подарил мне впечатления, которые когда-нибудь потом я тоже буду вспоминать с удовольствием.

И у меня, и у Гали еще теплилась надежда, что нынешний пустой зал – это просто какое-то недоразумение. Вдруг какая-нибудь путаница произошла? Ведь мы ЛИЧНО пригласили так много хороших друзей и знакомых. Но газеты дали противоречивые объявления, указав разное время начала нашего мероприятия. Может в этом дело?

Я позвонил одному из приглашенных. Он извинился, что не пришел. Он, мол, ранее договорился с женой, что наладит ей стиральную машину, которая сломалась. Починить машину не удалось. Поэтому помогал стирать вручную. «Ну, бывает», подумал я, причина уважительная. Ему просто не повезло. Я сказал, как жалею, что его нет сейчас с нами – такие вечера бывают нечасто...

Потом кто-то из ребят мимоходом бросил мне: «Слушай, звонил Х., дико извиняется. Он поздно узнал о концерте и затеял стирку. Передает тысячи приветов и поздравления». Я оценил тактичность сообщения.

А по другую сторону стола другой мой добрый друг тоже звонил нашему общему знакомому. Я слышал, как он говорил в трубку: «Слушай, у нас так здорово! Приезжай. У Коли Седова презентация книжки...» Через минуту мой добрый друг виновато посмотрел на меня. Попробуйте угадать, по какой причине не смог приехать наш общий хороший знакомый?

Я хохотал почти так же, как много лет назад, в рабочей раздевалке на ФМК.

Тут все-таки необходимо кое-что пояснить. Я вовсе не обижаюсь на моих знакомых, которые не пришли. Возможно, кто-то действительно был

занят. Вполне допускаю, что кому-то я вовсе неинтересен, тем более, что многие встречались со мною ранее и достаточно хорошо меня знают. Бог с ними!

Намного важнее другое. В нашем городе живет свыше трехсот тысяч человек. И подавляющее большинство никогда не знали Николая Седова. Не было причин для симпатий или антипатий.

Не раз я слышал горькие сожаления, что кто-то так хотел и не смог повстречаться с Потаповым, по которому этот кто-то так соскучился! – «А где можно купить его диск?»

С какой искренностью вопрошали поклонники поэзии Тани Жмайло! – «А когда и где можно Вас послушать?» «Обязательно сообщите нам, когда Кирилл будет выступать! Нам это так интересно!»

Сколько хороших вопросов и побуждений!

Газеты и радио сообщили, когда и где.

И вот момент истины. Во всем большом городе не нашлось ни одного человека не то, чтобы стремящегося что-то новое узнать, увидеть или услышать, а даже просто любопытствующего!

Россия отдавалась рыночным ценностям. Город стирал и утюжил тряпки. Все чем-то и как-то заняты. Совершалась серьезная работа.

Учитель, поэтесса, пианист и начинающий писатель, кому вы нужны и зачем вы здесь?

11.

Есть замечательная фраза: «Талант делает то, что может, а гений – то, что должен». Наверное, поэтому в нашем мире, в котором «никто и никому ничего не должен», так много талантов. Их броскую наружность часто ошибочно принимают за одежды гениальности. А если это светящееся чудо еще и прокричит нечеловеческим голосом «Я – гений!», то с большой долей вероятности ему охотно поверят, ведь надо же кого-то, в конце концов, поставить на давно пустующий пьедестал. И тем самым утвердить правильность своих ориентиров.

Но гениальность не кричит о себе. У нее обычная внешность. Потому что не это главное в ее судьбе. Жизнь коротка, и нужно успеть сделать то, что должен! А были при этом накрашены глаза и губки, не имеет никакого значения.

Таких людей мало. Они живут среди нас, каждый день, год за годом отдавая нам частичку себя, чтобы в итоге отдать все без остатка. И уйти. И часто мы даже не осознаем что осиротели...

Наша музыкальная мама. Так мы с Галей называем Светлану Никифоровну. Нам здорово повезло, что Кирилл стал ее учеником. Мы очень благодарны ей за все, что она делала и продолжает делать для наших детей. И свою благодарность пытаемся выразить в пусть неуклюжих, но искренних подарках, которые порой дарим ей в праздники. Однако всякий раз у меня оставалось чувство неудовлетворенности, недовольства собой.

Светлана Никифоровна абсолютно равнодушна к вещам. Не они согревают ее сердце. А мы, зажатые в стереотипы, свое уважение и любовь все время пытаемся соединить с полезностью, допустим,

электрического чайника. Не так надо дарить свое тепло!

Но сегодня был волшебный вечер. И когда я брал в руки гитару, чтобы спеть несколько песен, я даже не предполагал, что смогу все исправить.

- Есть у меня небольшая трилогия. Это три разных стихотворения, написанные в разное время, которые стали единым целым. Первое я читаю просто как стих, второе стало песней, а третье читается под гитару. Я очень люблю их, потому что, как мне кажется, в них я сумел на уровне стихотворения рассказать то, о чем позже написал в «Азе». И сейчас я с удовольствием покажу их вам.

Будут сниться чужие века мне,
Будет шлёпать о воду весло.
И начертано будет на камне:
Имя, отчество, год и число.

Будет всё непривычно и ново -
Путь загадочных звёздных костров.
Я проследую без остановок
Мимо белых и чёрных миров.

Я оставлю и дождь и рассветы,
Смысл названий, понятий, имён
И уйду на другие планеты,
Увлекаемый ветром времён.

Но у двери основ мироздания,
Перед истиной снов и азов
Я успею сказать: "До свиданья",
Открывая скрипучий засов.

В новом мире, далёком и зыбком,
Через многие тысячи лет
Мы, возможно, исправим ошибки
И напишем счастливый сюжет.

Ни мелка, ни глубока,
Мимо леса, мимо пруда
Всё течёт моя река
В никуда из ниоткуда.

Ниоткуда в никуда
Устремляется водица.
Бестолковая вода -
Ни умыться, не напиться.

Пыль со всех земных дорог
Нанесли чужие ноги,
Надломили стебелёк,
В грязь втоптали у дороги.

Нет беды - всему свой срок.
Новые пробьются всходы,
А иссохший стебелёк
Унесут весной воды.

И моя река меня,
Позабытого, сухого,
Заберёт с собой на днях
Так легко и бестолково!

И с моей рекой вдвоём
Мимо леса, мимо пруда
Мы тихонько проплывём
В никуда из ниоткуда...

Я - земля. И поэтому
Место мне у тебя под ногами.
Пусть когда-то водился с поэтами,
Жил, буянил, сорил деньгами.

Пусть старался и что-то делал
И хотел удивить белый свет...

Я - земля. А не это тело.

В этом теле меня уже нет.

Я - земля. Меня помнить не надо.

Я естественен, как природа.

И пока ты живешь - я рядом,

Ближе, чем круговерть небосвода.

А что кроме - забудется скоро.

Пусть печалится глупая Смерть -

Я отныне - твоя опора.

Я - земля. Я - дорога. Я - Твердь!

Наверное, я все хорошо сделал. Меня шумно и долго благодарили. И просили спеть еще. Но, главное – ко мне подошла Светлана Никифоровна! И мы впервые обнялись, поцеловались и, глядя в глаза, сказали друг другу: «Спасибо!»

12.

А потом Горин переоделся в рабочую одежду и подготовил рабочее место, взял несколько заготовок и стал ковать нам маленькие сувенирные подковки на счастье. У него были сломаны его новые очки, а в старых он не очень хорошо видел. Поэтому постукивание молотка перемежалось равномерной, но не злой руганью.

Я сидел на корточках напротив и смотрел, как накалялось докрасна на углях железо. Коля выхватывал его щипцами и, сделав несколько ударов молотком, вновь кидал заготовку на разогрев. Одному тяжело приладить железку и ударить по ней. И я сказал:

- Давай поддержку, неудобно ведь...

- Вот для этого у кузнеца есть помощник, а ты – гость! Расслабься, справлюсь.

Рядом закипал настоящий ведерный крестьянский самовар. Из комнаты, где накрыт стол, доносился смех моих друзей. Они обсуждали с Паскиным возможность совместной поездки в Париж. Сейчас это казалось вполне осуществимым, и они разрабатывали техническую сторону проблемы.

- Ребята! Как я буду без вас жить в этом долбаном Питере?! – голосил Антон. В течение вечера он несколько раз намекал, что собирается переехать из Череповца. И вот один вечер внес полный раздрай в его планы и чувства.

Я вспоминал уходящий день, своего сына и улыбающегося Бетховена, взволнованного Афанасия Андреевича и заболевшую Таню. Вообще всех, кто не покинул и не отвернулся. Я чувствовал, что очень богат, потому что подаренное ими тепло мне не растратить за всю оставшуюся жизнь.

Видения дня сегодняшнего причудливым образом переплетались с воспоминаниями о днях давно прошедших. Сюда же добавлялись уже совсем иные картины.

Мне представилась наша планета, летящая в звездном сиянии. А мы облаками летали над планетой, и это почему-то было очень приятно и радостно. А вокруг, на всю вселенную, веселой музыкой звенел молоточек кузнеца. И звезды слушали эту музыку и радовались вместе с нами.

Самовар вскипел. Ребята заваривали чай и звали чаевничать. Я слушал их голоса и смотрел, как мой друг – кузнец Коля Горин – выковыивает кусочки счастья... Такси несло нас по ночному городу. Мимо проплывали дома, в которых мои

чистоплотные соотечественники наслаждались благоуханием отстиранного белья. Но я не мог понять их радость и не хотел этой синтетической свежести.

Потому что в моей ладони лежала маленькая подковка. И рядом со мной была моя Галка. Мы держали друг друга за руку и слушали музыку звезд. Наша планета летела в звездном сиянии. И мы знали, что на этой планете у нас есть друзья... А звезды смотрели сверху и говорили с нами о вечности, о Добре и Зле, о смерти и бессмертии.

Так заканчивался день 25 декабря 2005 года. Презентация моей первой книжки «Азъ», мой концерт и мой праздник. Я был счастлив.

az65@mail.ru

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Всемирный день поэзии был учрежден делегатами 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1999 году 21 марта.

«21 марта, во Всемирный день поэзии, в городских маршрутках красноярцы смогут услышать стихи молодых красноярских поэтов. Организаторами акции являются благотворительный Фонд им. В.П. Астафьева и краевой Дом писателя. 21 марта на площади перед Железнодорожным вокзалом организаторы акции раздадут водителям маршрутных такси аудиокассеты, где записаны стихи молодых красноярских поэтов. Среди них есть уже известные авторы, литературный талант которых отмечен премиями Фонда им. В.П. Астафьева, а есть начинающие, впервые заявившие о себе на Всероссийском семинаре молодых литераторов «Очарованные словом».

Поэтов вологодской «Свечи» можно найти не только в журнале, но и на сайте www.vostprnagor.ru. В Вологде день поэзии проводился несколько раз, в основном они происходят весной и символически посвящаются Дню поэзии. Однажды в феврале 1999 года в КЦ «Чайка» на День поэзии явились около 30 человек областного центра и города большой стали. В тот день все читали стихи про любовь. В Череповце по весне каждый год идет фестиваль «Крышеснос» в котором участвуют и поэты, и музыканты. В прошлом году День поэзии широко прошел в марте в Зале Филармонии им. Гаврилина.

Необычно прошло празднование Всемирного Дня поэзии–2006 в Вологде. Праздник отмечен не одним, а серией вечеров. Так, 26 марта при содействии областной библиотеки им. Бабушкина в Центре чтения прошел «День поэзии 2006, версия 2». Это было любопытно, ведь по словам Инги Чурбановой, «исторически впервые читали стихи на одной площадке члены разных писательских союзов». Вели вечер Инга Чурбанова и Павел Тимофеев. Поэтов было семеро – Валерий Архипов, Татьяна Бычкова, Павел Тимофеев, брат и сестра Александр и Светлана Чеблоковы, Андрей Таюшев и конечно, сама Инга. Публики было немного, но аплодировали яростно. 30 апреля – «День поэзии, версия 3». К этому моменту выпущены красочные буклеты со стихами участников обоих вечеров. Среди участников поэтических чтений - Антон Черный, Денис Романенко, Римма Рожина, Наталья Адлер, на Макарова, Евгения Малиновская, Галлина Щекина. Лариса Иванова, Светлана Станевич. Часовая программа продумана, динамична, рассчитана на самую широкую публику. Всего за весну прошло три подобных встречи в Центре Чтения областной библиотеки им. Бабушкина - в марте, апреле, мае. По следам Дней Поэзии выпущены печатные сборники «Рапсодия» (техническая поддержка Александра Чеблокова).

ОБ АВТОРАХ

Анисимова (Поздязева) Марина, 1989 г.р. окончила 37 школу г. Вологды в 2006, избрала профессию юриста. В студии «Лист» активно занималась в 2004-2005 году, участвовала в работе детского театрального фестиваля, в различных конкурсах (посвященных 60-летию Победы). Есть публикации в городской прессе («Вологодские новости»), в литературном альманахе «Озарение» (Новокузнецк). Пишет интересную сюжетную прозу. В 2005 вышли в свет сигналы ее первой книжки «Бывают в жизни огорченья».

Васильева (Бажина) Светлана родилась в 1988 году в городе Днепрпетровск на Украине. Студентка Вологодского государственного педагогического университета, факультета социальной работы, педагогики и психологии. Писать начала в первых классах школы. В 2004 году стала посещать литературную студию «Лист», ее стихи были опубликованы в журнале «Мезон», годом позже успешно участвовала в конкурсе «Нет, я не Байрон я другой (Самара), а также в конкурсе «Илья-премия» и нашла своё место на ступенях лестницы дома Ильи (публикация в альманахе «Илья»).

Гостева Екатерина - выпускница 2006 года вологодской школы № 1, пишет стихи и прозу, посещала студию «Лист» в 2006 году, совмещая со занятиями в студии «ПодРосток». Студентка Ярославского театрального института. Пишет стихи и прозу. Первая публикация автора.

Евграфова Дарья родилась в 1988, впервые принесла стихи в «Лист» в 2004 году, позже появились опыты прозы. Закончила 7 среднюю школу г. Вологды в 2006. Первая публикация.

Изотова Наталья, 1989 г. р., ученица школы-гимназии № 2, пришла в «Лист» в 2004, занималась с перерывами два года. Активно участвовала в мероприятиях совместно со студией «ПодРосток», была в профильной театральной смене. Пишет выразительную прозу о животных, рецензии о театре.

Козина Надежда 1988 г.р., закончила среднюю школу № 37 с хорошими оценками, поступила на факультет журналистики в 2005 после целенаправленной подготовки в студии «Лист». Пишет публицистику и миниатюры. В 2005 году – сигналы первой книги прозы «В ожидании чуда».

Козлов Виталий родился в п. Шексне в 1992 году, ученик Устье-Угольской средней школы. Начал писать в 4 года, первая награда в 10 лет. Написал несколько самиздатских книг для детей, лауреат литературных конкурсов «Золотое

перышко» и «Книги моего детства». В 14 лет автор книги прозы «Кто счастлив дома» (2006).

Кротов Александр – 17 лет, прозаик, два года посещает литературную студию «Свеча» при городском Доме детского творчества в Кустанае (Казахстан). Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Печатается в журналах города и области, имеет публикации в интернет-журналах «Молодой литератор», «Русский переплёт», «Свеча», «Новая литература».

Мастерчук Виктория родилась в 24 апреля 1989 год в Вологде, закончила 8 среднюю школу с углубленным изучением отдельных предметов, начала писать в 12 лет, в студию Лист ходила в 2003-2004 годах, потом студентка университета профсоюзов в С-Петербурге. Участница конкурса Ильи-Премии. Публикации в альманахе «Илья» и в университетском журнале «Очень»

Ополитов Андрей 1991 г.р. учащийся 17 школы, в студии «Лист» с 2004, пишет прозу, от трагической до юмористической. Участник профильной театральной смены в 2005 году, лауреат городского конкурса «Наш язык - важнейшая часть нашего поведения в жизни», Вологда, 2006.

Мухин Иван 1988 г.р., один из лучших выпускников 37 средней школы, выбрал специальность биолога, он автор многих рефератов по экологии Вологды. Человек энциклопедических знаний по самым разным дисциплинам. Участник первого слета «Интеллект» центра «Единство» в 2003 году.

Парусник (Щекин) Никита – родился в Вологде в 1983 году, закончил школу и Вологодский технический университет, работает в области компьютерных технологий, увлекается строительством сайтов, фото- и киносъемкой, живет в Санкт-Петербурге. Интерес к литературе проявился в интернете, начал писать стихи и прозу в 2005.

Пухлов Юрий родился в Вологде в 1984 году. Закончил школу № 24, ВСХТ (в 2004). Студент истфака ВГПУ. Писать начал в 1998. Посещал студию «Лист» в 2003-2005 году. Публикация в альманахе «Озарение» (Новокузнецк).

Рюмина Александра родилась в Вологде 9 сентября 1988. С успехом закончила среднюю школу № 24, в студии «Лист» впервые появилась в 2003 году, за три года занятий написала множество стихов, рассказов, эссе. Ее работы были отмечены на конкурсе «Токин ит Глобал» на тему «Что я хочу рассказать о

России», на конкурсе «Нет, я не Байрон я другой» (Самара), на конкурсе «Свет души» (Вологда).

Савкова Диана родилась 1 декабря 1990 года, закончила среднюю школу № 7, в студии «Лист» занималась с 2003 по 2005 год. Пишет рассказы и стихи лирического направления, участница многих конкурсов, лауреат конкурса, посвященного 60-летию Победы. Студентка филфака ВГПУ.

Славянцева (Башкурова) Вероника родилась 4 января 1989 года в Кадуе, начала писать в школьном возрасте, была участницей слета «Интеллект», пишет лирические и философские миниатюры. Сотрудничает с журналом «Путеводная Звезда», имеет там публикации, а также в районном альманахе молодежного творчества «Первый луч».

Снежина Татьяна закончила Вологодский сельскохозяйственный техникум по специальности «менеджмент», занималась в студии «Лист» в 2004-2005 году, вела активную концертную работу, публиковалась в альманахе «Озарение», вошла в число авторов диска «Утренние стихи». Пишет стихи и эссе.

Суворова Мария - вологжанка, родилась в Вологде, закончила 8 среднюю школу в 2004, студентка факультета культурологии ВГПУ, в студии «Лист» занимается с 2005 года. Пишет прозу и стихи, лауреат конкурса «Свет души».

Чегодаева Елизавета – вологжанка, закончила среднюю школу № 8 в 2004, студентка филфака ВГПУ. Пишет стихи и прозу, студию посещает с 2003 года.

Чичиланова Наталья – родилась в 1989, учится в 37 средней школе, проявляет литературные способности, занимается параллельно в театральной и литературной студиях. Предпочтение в литературе отдает стихам, разнообразным по тематике, интересна гражданская лирика.

Шабанова Ксения родилась в Таллинне в 1986 году, начала писать в школьном возрасте, учится после окончания школы в университете на факультете русской филологии. Любит «Ночных снайперов», Бодлера, Бродского. На развитие литературных способностей повлиял отец, вологодский литератор и журналист Павел Шабанов. «Окно напротив» - первая публикация автора.

Шайдаев Владимир – вологжанин, закончил 24 среднюю школу, студент факультета социальной работы, педагогики и психологии ВГПУ. В студии «Лист» с 2003 года. Пишет стихи направленного гражданского звучания, песни протеста, играет в рок-группе «Левый марш».

Хромова Ксения – родилась 12 марта 1988 года, закончила 8 среднюю школу, студентка Ярославского театрального института, в студии «Лист» занималась в 2003-2005 году. Ярко проявила себя как прозаик и критик. Лауреат конкурса «Глаголь» в 2005 году.

Литературная студия «Лист» образована в 2003 году по инициативе Ольги Александровны Евстафеевой (23 средняя школа). «Лист» работает по авторской программе Г.А.Щекиной с 2003 года, в настоящее время при центре «Северная Фиваида». Программа рассчитана на литературно одаренных учащихся 8-11 классов общеобразовательных школ, техникумов, способствует проявлению творческих способностей в школьном возрасте. Она включает в себя раздел для школьников младшего возраста.

Государственное образовательное учреждение
духовно-просветительский центр «Северная Фиваида»
занимается организацией духовно-просветительской деятельности
путем приобщения детей к социокультурному опыту, святоотеческому
наследию и современной духовной жизни российского народа. В рамках
культурологического, художественно-эстетического, туристско-краеведческого,
социально-педагогического направлений деятельности Центра реализуются программы:
«Животворящие святыни», «Звучащее слово», «Запечатленная душа», «Золотая
пить», «Поиск», «История древнерусского искусства. Основы экскурсионной
деятельности», «Школа юного археолога», «Основы православной
культуры», студия «Лист». Адрес: Вологда, Торговая пл., 3
Телефон: 76-90-93, 76-90-95.